

«Самая захватывающая YA книга про оборотней. Как бы мне хотелось  
еще долго не расставаться с ее персонажами».  
Мелисса Марр, автор бестселлера «Коварная красота»

Дженнифер  
Линн Барнс

# СРЕДИ ВОЛКОВ

Брин выросла среди волков. Она человек, но всю свою жизнь придерживалась строгих законов стаи. Когда ей было четыре года, дикий волк зверски убил ее родителей. Девочку спас и забрал с собой таинственный Каллум, вожак оборотней.

Прошло много лет, но воспоминания о гибели родителей не дают Брин покоя. Что-то странное произошло тогда, и девушка никак не может вспомнить события той ночи. Однажды она находит Чейза, запертого в клетке юношу. И он — единственный, кто может помочь Брин найти ответы на все вопросы. Чтобы узнать правду, девушка готова на все, даже пойти против собственной стаи.

Если вы обожаете «Сумерки», «Орудия смерти», «Дрожь» и «Дневники вампира», то вам обязательно понравится эта книга!

---

---

# Барнс Дженнифер Линн

## СРЕДИ ВОЛКОВ

*Моей семье — всем ближним и дальним, — самой лучшей стае,  
о которой только могла мечтать девочка*

*Светлой памяти Анни Мэй Барнс, потрясающей женщины,  
которую мне не довелось узнать*

# Глава ПЕРВАЯ

— Бронвин Алессия Сен-Винсент Клэр!

Четыре имени, пять слов — и один сердитый оборотень. В этом уравнении результат никогда не выходил в мою пользу.

— Каллум, — сказала я, прикинувшись сильно удивленной при его внезапном появлении в моей мастерской, — чем обязана такому удовольствию?

Его глаза слегка сощурились. У человека это могло бы обозначать высшую степень раздражения, но выражение лица Каллума было очень спокойным, пока вы не обнаруживали скрывающуюся в этом взгляде силу, внезапно поймав на себе взгляд уставившегося на вас волка.

Когда растешь так, как росла я, умудряешься кое-чему научиться, поэтому я имела представление и об опасностях, подстерегающих в результате отстаивания своей позиции, и об опасностях, которые возникают, когда решаешь на все наплевать. Мое правое бедро здорово болело — как раз под поясом низко посаженных джинсов, а пальцы нервно бегали по краям шрама, прижившегося на этом самом месте. Метка связала меня с Каллумом и остальной стаей и служила постоянным напоминанием о том, что они были обязаны защищать меня как одну из них. Но она также загоняла меня в систему иерархических отношений, на которую я, вообще-то, не подписывалась. Это да еще шепот остальной стаи у самых врат моей памяти — никаких дел, спасибо большое! — подтолкнули меня к выбору меньшего из двух зол в моих отношениях с вышеупомянутым рассерженным оборотнем.

Я ответила на взгляд Каллума — спокойно так. Из-за исходившей от него силы это стоило больших усилий, даже для меня. После нескольких бесценных секунд встречи с его взглядом я стрельнула глазами в сторону. По протоколу я должна была бы опустить глаза вниз, но особой покорностью, как вы понимаете, я не отличалась. Я не была *обром*, а Каллум не был *моим* альфой, да и в «*Кратком пособии по этикету оборотней*» Эмили Поуст<sup>[1]</sup> ничего не говорилось о том, что я должна подчиняться беспрекословно, так что непрекращающиеся попытки стаи вытрясти из меня душу успехом не увенчались.

На мое утонченно-саркастическое неповиновение Каллум ответил вращением своих узких, цвета янтаря, глаз, но все-таки любезно воздержался и не стал размазывать меня по стене или бросать на колени, что он легко мог бы сделать, не будь здесь замешана моя мерзкая человеческая природа. Вместо этого он поднял к скуле загорелую руку и так потер ей по свежей щетине на подбородке, что мне показалось, будто он в уме считает до десяти. Это движение и то чувство острого недовольства, которым оно было вызвано, напомнили мне о том, что даже если Каллум и не был моим альфой, то, без сомнения, он *был* моим официальным защитником, управляющим моего поместья и кем-то мне очень близким, ближе даже, чем брат, дядя или наставник, вместе взятые. Несмотря на прилагавшиеся мной максимальные усилия — когда я еще была ребенком — убедить Каллума в том, что он не является (тут я цитирую) *моим боссом*, строго говоря, он им был. Будучи альфой, он самым серьезным образом занимался делами стаи, и не будь у меня четырех своих собственных имен, из которых можно было выбирать, я бы легко проходила под одним: «Д.С.» — Дело Стаи, — первейшего и наивысшего порядка.

И Метка на моем бедре была не для показухи.

— Брин. — Голос Каллума, такой ровный, без малейшего намека на рычание, вернул меня к происходящему.

Мне даже как-то полегчало, оттого что в его сознании ситуация снизила статус от торжественного перечисления четырех имен до всего лишь одного. И, что еще приятнее, он решил остановиться на Брин — этот вариант мне нравился много больше, чем *Бронвин*.

— Брин. — На этот раз немного более резкий, и все еще очень сердитый голос Каллума заставил меня сосредоточиться.

— Прости, — сказала я. — Задумалась.

Каллум отрывисто кивнул и стал ждать, когда я обращусь к нему с вопросом о причине его появления в моей мастерской. Она была чем-то вроде моего святилища, крошечным куском территории стаи, который принадлежал только мне, мне самой и... мне. Пусть это был всего лишь отдельно стоящий гараж, переделанный под второсортную студию. Мне не очень-то нравилось ни само вторжение, ни то, как Каллум смотрел на меня, не отрывая взгляда, вполне уверенный в том, что я в конце концов скажу ему именно то, что он хотел знать. Опыт подсказывал мне, что он, скорее всего, был прав. Каллум мог переупрямить кого угодно, и хотя он был выше меня всего на несколько дюймов и мускулы его гранитной челюсти были расслаблены, силу его взгляда можно было ощутить физически.

— Я на самом деле не понимаю, почему ты здесь, — сказала ему я, аккуратно выбирая слова. *Обры*<sup>[2]</sup> в большинстве своем могли чують ложь, а Каллум, альфа из альф в нашем закутке вселенной, немедленно понял бы, предложи я ему какое-нибудь оправдание, которое, хотя бы формально, не являлось правдой. К счастью для меня, я *на самом деле не знала* в точности, чего такого я натворила, чтобы заслужить визит вожака нашей стаи. Возможностей было бесчисленное множество, только я — на всякий случай — не хотела бы в них признаваться открыто, чтобы не проговориться о том, чего Каллум еще не знал.

— У тебя на самом деле нет никакой мысли о том, почему мне могло бы захотеться поговорить с тобой? — Голос Каллума был спокойным и холодным.

Нельзя было придумать более коварного вопроса, чтобы, отвечая на него, не пересечь границу между полуправдой и ложью, но у меня за плечами были годы практики. С этим я могла справиться.

— У меня, правда, нет никакой мысли о том, почему тебе захотелось поговорить со мной.

Строго говоря, *мысли* у меня действительно не было. У меня их было несколько.

Каллум взвесил мой ответ. Я была не совсем тупая, чтобы поверить, что он примет за чистую монету то, что услышал (или почуял), но все-таки, зная его достаточно хорошо, я могла надеяться на то, что он не захочет играть в эту игру весь остаток дня. Вообще-то Каллум сам научил меня играть в нее, но в настоящий момент он, кажется, был не в настроении до потери сознания практиковаться в упражнениях на тему «выживание в стае».

С печальным вздохом Каллум отказался от попыток принудить меня заговорить и вместо этого перечислил мне по пунктам все мои правонарушения. Мотоцикл. Алгебра. Комендантский час.<sup>[3]</sup> Каллум никогда не использовал четыре слова там, где хватало одного, если конечно же он не называл меня моим полным именем. Этой штуке он научился, смотря телевизор, поскольку родился он в те времена и в том месте, где употребление среднего имени не было процедурой обязательной. Потом и вся остальная стая стала повторять это за ним. И только я одна осталась со средним именем, да не с одним, а с двумя...

— Брин.

— Хорошо, — сказала я, доблестно борясь со своей задумчивостью, которая обладала отвратительной способностью появляться в самое неподходящее время. — Я позволила парню из города подвезти меня на мотоцикле, мой учитель по алгебре — слабоумный садист, и я плохая, очень плохая девочка, которая не соблюдает комендантский час. Сейчас я могу идти?

На какую-то долю секунды мне показалось, что я перегнула палку. Представила себе, как волчьи инстинкты Каллума берут верх над человеческими, превращая его в нечто страшное и примитивное. Пока он окончательно не переключился, он будет оставаться в своем человеческом облике — но я-то лучше всех остальных знала, что гладкая кожа, рыжеватые волосы и слегка изогнутые губы не значат ничего. Волки в овечьих шкурах ничего общего не имеют с оборотнями, рядящимися под человека; образопереклюватели опасны, когда зверь свободен внутри, но сдержан снаружи. Когда они волки — они охотники. Но в человеческом образе они могут быть смертельно опасны.

*Выходи, выходи давай, ну, где же ты спряталась, малышка? Зачем прятаться от Большого Злого Волка? Все равно рано или поздно я найду тебя...*

Почуввав это, я сжалась от мелькнувшей во мне вспышки страха. Я очень хорошо была знакома с опасностями, связанными с прогулками по тропе воспоминаний. Также из многих и многих лет практики я знала, что Каллум никогда не терял контроля над собой; его волк никогда бы не причинил вреда человеку. В любом облике Каллум умер бы, но не сделал мне больно. А он просто выслушал мою дерзость и ответил на нее так, как отвечал всегда — сделал страшные глаза и стал похож на человека, который очень сильно старается не расхохотаться во все горло.

Слегка сконфузившись — оттого, что разозлилась из-за неуместного беспокойства (*не из-за страха*), — я приняла молчаливое дисциплинарное взыскание Каллума и больше не огрызалась.

— Мотоцикл. — Каллум произнес это слово скорее как утверждение, а не вопрос, но я почувствовала, что вынуждена ответить.

С Каллумом так всегда — как только ты прекратил давать отпор, как только ты подчинился, ты с удивлением обнаруживаешь, что действуешь в полном согласии с его волей. И точно так же он влияет на других людей, не важно, знают ли они, кто он такой, или нет. Отметина на моем теле, связывающие нас узы — принуждение есть принуждение, тут уж ничего не поделаешь, — только я с ним не боролась.

— Парень один, из школы, предложил на мотоцикле прокатиться, — пробормотала я в качестве объяснения. — Я и взяла его. — Я предпочла не упоминать о том факте, что чуть не умерла от удивления, получив это предложение. Парни из города обычно не общаются с теми из нас, кто живет в лесу, да и я, вообще-то, была совсем не та девчонка, которая привлекает внимание особей противоположного пола. Да и вообще каких-либо особей. — Есть, правда, один небольшой нюанс — этот чувак, о котором речь идет, не очень-то и хотел, чтобы я покаталась на его мотике, но ключи-то все равно у меня в руках оказались. Наверное, я просто быстрее его.

— Я учил тебя правильно двигаться не для того, чтобы ты мотоциклы угоняла, — жестко сказал Каллум.

*Нет, захотелось сказать мне, ты тренировал меня для того, чтобы я могла убежать с места схватки, которую не могла выиграть, когда у моих противников были шкура, когти и*

*почти совсем не было слабых мест.*

Вслух же я предпочла сказать:

— Но я же мотик вернула. Да и Джеф вроде как не очень возражал.

Правда, я здорово сомневалась, что когда-нибудь в ближайшее время Джеф захочет пригласить меня в гости.

— Ты что, интересуешься этим мальчиком? — спросил Каллум, и его лоб покрылся глубокими морщинами. Несмотря на тот факт, что он производил очень хорошее впечатление в роли чересчур заботливого старшего брата, я очень долго жила под его властью, чтобы понять, что это забота была не обо мне или о моих чувствах.

— У меня нет никакого интереса провоцировать межвидовую агрессию, — ответила я, используя политически корректную фразу для определения инцидентов, в которые бывают вовлечены молодые тупые оборотни и молодые тупые человеческие особи мужского рода. — И поверь мне, если бы я хотела это сделать, то это точно не было бы из-за парня, который не разрешает мне ездить на мотоцикле.

В своей повседневной жизни я и так трачу слишком много времени на сопротивление попыткам установить доминирующее влияние, которые обычно бывают вызваны повышенным уровнем тестостерона. Поэтому меньше всего в этой жизни мне нужен был принадлежащий к человеческой расе бойфренд, который к тому же хотел, чтобы я изображала из себя изнеженную мисс.

Каллум слегка напрягся при мысли о том, что я могу с кем-то встречаться, даже теоретически. Оборотни имеют склонность слишком усердно защищать своих самок, и хотя я на самом деле не была чьей-нибудь дочерью, сестрой, или — прости меня, Господи, — подругой, Каллум торжественно вонзил в меня свои когти, когда мне было всего четыре года. Хотя это никоим образом не повлияло на мою человеческую природу, согласно Закону Стаи я стала принадлежать им. В конечном итоге волки Каллума должны были оказывать мне свое покровительство, что, с их точки зрения, сделало меня и их собственностью тоже. Если бы оборотни пользовались наклейками с надписью «принадлежит такому-то», то я была бы завернута в них, как мумия.

Мне просто нравилась сама идея кому-то принадлежать.

— Понимаешь, Брин, мне просто мысль сама не нравится — ты сидишь на мотоцикле. Так ведь можно пораниться.

А вот это проявление заботы я решила ответом не удостаивать.

— Прошу тебя впредь больше не делать ничего подобного, Брин, — сказал Каллум, тщательно подбирая слова, чтобы было понятно, что это не приказ, а просто просьба.

Да уж, много пользы мне было от этого — «просьбы» Каллума совсем не оставляли места для их неисполнения. Откажись я дать ему слово, сразу появится хороший повод для того, чтобы превратить эту просьбу в приказ, а поскольку Каллум был вожаком нашей стаи и одним из самых высокопоставленных доминантных волков на континенте, то его приказы были почти что законом. Не подчиниться официальному эдикту альфы — значило навлечь на себя гнев всей стаи, некоторые члены которой слишком долго сдерживались, чтобы не воздать мне по заслугам, и то только потому, что Каллум весьма недвусмысленно запретил им убивать меня.

Облекая приказы в просьбы, Каллум держал стаю на расстоянии, и это давало ему возможность общаться со мной по своим собственным правилам. Иногда это было хорошо, а иногда — не очень.

— Брин?

— Ваша просьба была принята во внимание, — сказала я, и мои губы сами собой сложились в еле заметную улыбку. — У меня такое чувство, что мотоциклов в моем будущем не предвидится.

Я снова сопротивлялась Каллуму, но ничего не могла с собой поделать. Нельзя стать альфой крупнейшей стаи Северной Америки, выигрывая конкурсы популярности, а господство Каллума было настолько несомненным, что тот самый день, когда я прекращу сопротивление, мог стать днем, когда я, во-первых, стану членом ее, а самой собой — только во-вторых.

К чести Каллума и к моему облегчению, он не настаивал на более твердом обещании — возможно, потому что осталось еще два важных пункта в Списке Брин.

— Твоя оценка по алгебре ниже, чем могла бы быть. Образование очень важно, и снижать темп я тебе не позволю, садист учитель или нет. — В голосе Каллума опять появился этот странный старомодный распев, которым он иногда пользовался — как слабое напоминание об акценте, который был у него до появления в этой стране.

— Ладно. Алгебра.

Шел первый месяц весеннего семестра, у меня была твердая четверка с плюсом, которая вполне могла бы быть «отлично», и Каллум был полон величественными идеями о том, сколь важно для меня жить в соответствии со своими возможностями. Для него это было впечатляюще современно, особенно если принять во внимание тот факт, что он был старше Движения за равноправие женщин <sup>[4]</sup> лет на двести, по меньшей мере.

— Ты уже пожаловался на меня Эли? — спросила я.

Когда стая приняла меня, Каллум пометил еще одно человеческое существо. Элисон Клэр пришла в Арк Вэлли в поисках своей сестры, которая бросила свою человеческую семью и вышла замуж за одного из членов стаи. Никто не рассчитывал, что Эли, которой исполнился двадцать один год, найдет в Арк Вэлли свою сестру и раскроет страшные тайны, скрываемые в чаще леса. Любой другой альфа убил бы Эли в тот самый момент, как только она увидела своего зятя Шифта. Каллум дал ей шанс.

И поскольку она тоже стала избранной, он отдал ее мне.

Сейчас Эли было тридцать два, она была стопроцентным представителем человеческой расы, совсем недавно вышла замуж за одного из самцов стаи, и она была моей приемной матерью. Или удочерившей меня матерью. Как угодно. Я носила ее фамилию и жила в ее доме столько, сколько помнила себя. Несмотря на то что она сама была почти ребенком, когда Каллум совершил над ней обряд посвящения в наш мир, именно Эли была той женщиной, кто обнимал меня и бранил и вскормил из щенков (фигурально выражаясь, конечно). На бумаге моим опекуном был Каллум, но именно Эли одевала и кормила меня, и именно Эли устроила эту студию, чтобы у меня было место, которое было бы только моим, вдали от постоянного притяжения стаи; и конечно же только Эли наказывала меня быстрее, чем Каллум мог произнести мое полное имя, если она хоть на одну секунду была уверена в том, что я того заслуживаю.

— У Эли сейчас своих забот хватает, — сказал Каллум, и я заметила слабый призрачный беспокойства на его в других обстоятельствах непроницаемом лице.

Эли была на восьмом месяце, беременна своим первым ребенком. Рожать оборотня, как известно, очень трудно, и многие женщины человеческой расы не выживали.

Сестра Эли не выжила.



Мне не хотелось рассматривать возможность, что то же самое может случиться с Эли. Эли была сильной. Она с этим справится, и ребенок конечно же тоже справится и переживет мать, на, скажем, тысячу лет.

Черт бы побрал этих оборотней и их несообразно продолжительный жизненный цикл!

— Все из-за этого? — спросила я Каллума, надеясь, что он отлично поймет, что я ни секунды не собиралась волноваться об Эли, с которой все будет просто-просто-просто отлично.

— Ты здесь по расписанию, Брин?

Я сердито пропыхтела «нет», надеясь, что он почует полуправду такой, какой она была. Как раз перед тем, как он прервал меня, я работала над новым куском, и мне очень хотелось быстрее к нему вернуться. Искусство, о существовании которого мне стало известно совсем недавно, состояло исключительно из процесса, и Его Королевское Высочество Король-Оборотень (и Величайший Повелитель Всех Бед, свалившихся на мою задницу) самым серьезным образом этот процесс нарушал.

— Прошлой ночью ты нарушила комендантский час, — резко сказал Каллум.

Первые две жалобы были просто разминкой по сравнению с этой. Черты лица Каллума обострились, и брови сложились в латинскую V.

— Если бы для меня комендантский час не начинался с наступлением сумерек, мне не нужно было бы его нарушать.

В отношении этого пункта я была столь же непреклонна, как и Каллум. Каждую зиму ночь наступала очень рано, и я не собиралась каждый раз возвращаться домой в пять часов вечера.

— В стае беспокойно, Бронвин. Я бы хотел, чтобы тебя это не затронуло.

Снова я стала *Бронвин* — явный признак того, что Каллум находился в опасной близости от того, чтобы либо издать указ, либо пригрозить мне. Очень возможно, что и то и другое вместе.

— Если я не могу быть уверен в том, что ты вернешься домой до наступления ночи, я буду вынужден принять дополнительные меры по обеспечению твоей безопасности.

Слова Каллума, вне всякого сомнения, были высечены на камне, и по твердости его тона я поняла, что именно так и будет. Исходя из моего опыта, Каллум тревожаще широко толковал определение «дополнительные меры», и оно могло распространяться от усаживания меня к себе на колени (когда мне было восемь лет) до выставления охранника под окном моей спальни. То, что было, сейчас меня совсем не беспокоило, поскольку я уже давным-давно переросла это. А вот то, что могло быть, это, конечно...

— Я назначил команду, которая будет присматривать за тобой, до тех пор, пока я не смогу быть уверен в том, что ты сотрудничаешь со мной в этом вопросе.

Я бросила хмурый взгляд на Каллума:

— Ты конечно же шутишь. — В мире ничего не было хуже телохранителей-оборотней.

— Брин, дорогая, ты знаешь, что я никогда не шучу. — В коричневых глазах Каллума сверкнуло что-то, напомиравшее волчью злость, и это убедило меня в том, что (а) он был совершенно серьезен, когда говорил об охранниках, и (б) мое внутреннее негодование забавляло его, поскольку в глубине души он был уверен, что я сама сознательно все это устроила.

— Пошел ты! — прорычала я.

Каллум приложил два пальца к моему подбородку и приподнял мое лицо так, чтобы

мои глаза встретились с его глазами:

— Ты самый непослушный ребенок из всех, с которыми я имел неудовольствие встречаться.

Его слова были приправлены невысказанной теплотой и искренней привязанностью, которые — по крайней мере, в его человеческом обличье — он выказывал только мне. Все еще придерживая меня за подбородок, Каллум потерся своей щекой о мою и взлохматил мне волосы — два действия, которые я и ненавидела и любила, поскольку они метили меня как ребенка, и как ребенка — его.

— Возвращайся домой до темноты, Брин, — сказал Каллум мне перед тем, как уйти. — Беда у порога.

Я фыркнула, ведь я была человеком, который, в буквальном смысле этого слова, был *вращен* волками. В моем мире беда *всегда* была у порога.

# Глава ВТОРАЯ

После того как Каллум оставил меня в студии одну, я начала активно делать вид, что его тут вообще не было. Если жизнь в стае меня чему и научила, так это тому, как важно метить свою территорию. А поскольку меня совершенно не тянуло метить все вокруг своим запахом, самое лучшее, что я могла придумать, это отказаться признавать сам факт вторжения в мое убежище. Обратив свой проницательный взгляд на незаконченную работу, я оценила то, что было создано непосильным трудом за этот день. В настоящий момент скульптура напоминала сделанный из папье-маше пожарный гидрант. Я больше внимания уделяла материалу, чем результату как таковому. Флаеры в шахматный клуб, записки, которыми перекидываются в классе, контрольные с неудовлетворительными оценками, письменные работы срединносеместровых экзаменов — вот что было моим материалом. Я с головой зарывалась в вещи, которые другие люди обычно выбрасывали.

— Через десять минут стемнеет, Брин.

Слова были произнесены прямо за моим левым плечом, и единственное, что удержало меня от произнесения звуков, складывающихся в простое междометие типа «о-о-й!», это многие годы общения с обескураживающе незаметными бесшумными оборотнями. Несмотря на мои тренировки и неразрывные узы, связывающие со стаей, обры, если хотели подкрасться ко мне незаметно, всегда могли это сделать. Даже в человеческом обличье оборотни были сильнее, быстрее и умели лучше скрывать свое присутствие, чем мы, принадлежащие к *не-сверхчеловеческому* виду. Самое большее, что я могла сделать, это попытаться скрыть свое удивление, когда они заставляли меня врасплох. Сегодня я неплохо в этом потренировалась. Сначала Каллум, а теперь вот это.

Я повернулась к незваному гостю.

— Мне плевать, когда темнеть начинает, — сказала я. А поскольку мой лучший друг Девон был морально обязан выслушивать мой скулеж и к тому же если он собирался прервать мою работу над «Древом (а может быть, Пожарным Гидрантом) Познания», то я в полной мере собиралась воспользоваться этим обстоятельством. — Ни у кого комендантский час не начинается в пять часов вечера.

Девон не собирался тратить свою энергию на обсуждение моих слов, да и вообще каким-либо образом воспринимать мои стенания. Он просто прислонился спиной к двери моего переделанного в студию гаража и ждал, когда я прекращу разглагольствовать.

— Кроме того, — продолжила я, надеясь зародить в нем хоть какое-нибудь подобие симпатии, — Каллум установил за мной наблюдение. Уверена, что через минуту появится моя нянька, чтобы сопроводить меня до дома, хочу я этого или нет.

Правда жизни состояла в том, что почти каждый, кого я знала, был и сильнее, и быстрее меня и менее обеспокоен мыслью о том, что он должен перебросить девушку через плечо и доставить ее в указанное место, чем кто-либо из действительно имевших на это право.

Была немного более приятная правда жизни: я не обязана никому облегчать выполнение задания. Вне всякого сомнения, я потерплю поражение в любой драке, которую начну, но это было дело принципа. Все это и еще надоедливые оборотни — хороший способ разогнать еле сдерживаемое чувство разочарования, да еще и при том условии, что оборотни не были обязаны охранять тебя и не могли тронуть тебя ни когтем, ни клыком.

*Зубы вгрызаются в плоть. Кожа хрустит и разрывается, как липучая застёжка.*

Взглянув в окно на идиллический пейзаж, я удивилась, почему мой «эскорт» до сих пор не появился. Как и сказал Девон, уже почти стемнело, а волки Каллума могли грешить чем угодно, но только не отсутствием пунктуальности. И в этот самый момент я заметила легкую ухмылку на лице Девона.

— Так это *ты* моя охрана?

Девон пожал плечами:

— Когда Старший говорит, что ты должен кое-что сделать, ты это делаешь, даже если нужно будет стать нянькой у непослушной человеческой девчонки, которая забавы с клеем называет *искусством*.

Я вскинула руку и врезала ему.

Девон просто улыбнулся в ответ. Он был моим лучшим другом. Соучастником моих преступлений. И уж совершенно точно он не должен был стать моим охранником. За это я готова была убить Каллума. Он знал, что в моем нынешнем расположении духа я была готова бороться с кем угодно, но бороться с Девоном я не могла. А Девон не мог не подчиниться Каллуму.

Можете вставить здесь самое неприличное слово на выбор.

— Я уже говорила, что ненавижу оборотней? — пошутила я.

— Кажется, изволила упомянуть об этом пару раз, — ухмыльнулся Девон. По какой-то необъяснимой причине — наверное, просто так уж получилось — он говорил с каким-то неестественным английским акцентом. — Пойдем, любимая, пора. Будь хорошей девочкой, прогуляйся со старым другом Девоном.

Мой лучший друг — чумовой парень. Если я сейчас с ним не пойду, есть высокая вероятность того, что он будет продолжать менять акценты, пока я не прогнусь. Оборотень в роли медиума Шведского Повара — зрелище не самое приятное, и у меня не было никакого желания смотреть его снова. <sup>[5]</sup>

— Хорошо, — мелодраматически вздохнула я. Вдвоем уже можно сыграть в его игру. А если он собирается пользоваться своими театральными приемами, то у меня есть полное право транслировать на полную громкость сидевшую у меня внутри поп-звезду. — Раз должны — значит, должны, так ведь?

Мой английский, если можно определить его одним словом, был отвратительным.

Но Девон, надо отдать ему должное, даже не поморщился. Вместо этого он как можно серьезнее посмотрел на меня:

— Точно.

Строгое выражение на его лице продержалось секунды две — и мы оба захохотали. Девон взял меня под руку и аккуратно вывел из дверей. Потом мы закрыли гараж и направились по тропинке к городу.

— Ты можешь мне объяснить, отчего у Каллума труселя под коленки сползли? — спросила я по дороге.

— Слушай, дорогуша, это просто чудо, что ты умудрилась пережить свое детство. Я даже не могу представить, что кто-нибудь еще мог бы сказать так о нижнем белье нашего уважаемого альфы.

И хотя слова Девона были абсолютной правдой, я не могла не заметить, что они все-таки ответом на мой вопрос не являлись.

— Не уклоняйся от ответа, Дев. Каллум сказал, что целую свору за мной пустит. Я так

понимаю, что это немного больше, чем один ты, и тебе выпало идти сегодня, потому что...

— ...потому что Каллум знал, что ты не сможешь сопротивляться моему безграничному обаянию, — торжествующе высказал предположение Девон.

Из членов стаи, принадлежавших к нашему поколению, Дев был самым крупным и самым сильным. Весьма вероятно, что в один прекрасный день он тоже станет альфой, но сейчас, когда он был просто Девонем, он предпочитал думать, что настоящая его сила таилась в иных сферах.

Я закатила глаза.

— Потому что Каллум знает, что мы с тобой друзья, — поправила я.

Чувства у оборотней сильно обострены, и нужно быть глухим, немым, слепым и просто откровенно тупым, чтобы не заметить ту связь, которая соединяла Девона и меня. В нашей стае было всего несколько волков-подростков, и Девон, с его блеском и чувством стиля (он был, я в этом уверена, единственным в мире оборотнем-метросексуалом<sup>[6]</sup>), никогда не был своим среди остальных щенков. Потом Каллум принес меня, сделал Отметину и отдал Эли. Большая часть стаи игнорировала крошечное, контуженное человеческое существо, но Девон заявил, что полюбил меня с того самого момента, как только увидел в руках у Каллума, трясущуюся, всю в пятнах крови, с безумными глазами. Очень скоро мы стали неразлучны. Девону я сказала свои первые слова, как только снова начала говорить, и именно с Девонем я оттачивала высокое мастерство озорства. Ведь он был *Девон*.

И сейчас Каллум поручил меня его заботе.

— Ненавижу все это, — сказала я.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, Бронвин Алессия Сен-Винсент Клэр, — усмехнулся Девон, — но мне бы очень не хотелось, чтобы с вами что-нибудь случилось именно во время моего дежурства.

Только через несколько секунд до меня дошло, что Девон транслировал Каллума. Впечатление это производило чрезвычайно забавное и напомнило мне о том, что, даже подчиняясь приказам, Девон не был таким же членом стаи, как все остальные.

— Твое упорство — это блажь, — продолжил Девон. Даже выражение его лица было как у Каллума, а может быть, и полное отсутствие выражения как такового — словно наизусть свою фразу выучил.

— Прекрасно. Ты победил. Я смеюсь. Теперь ты счастлив?

Девон ухмыльнулся, и все каллумовские черты мгновенно сползли с его сердцевиного лица.

— Я в восторге.

— Дело в том, что... — Я попыталась сдержаться и не захихикать, но эта мысль — про упорство и блажь — была настолько в точку, что я никак не могла прийти в себя. — Дело в том, Девон, что если Каллум хочет, чтобы за мной наблюдала целая команда — включая тебя, мой милый волчонок, — значит, что-то происходит. И я хочу знать что.

— Да наплюй ты на это, Брин. — Голос Девона был мягким и, что совсем не характерно, серьезным. Он что-то знал... он знал, что я знаю, что он что-то знает, и все-таки не говорил. Десять к одному — это значило, что (а) Каллум запретил ему что-либо мне говорить и (б) Девон согласился, что самым лучшим для меня будет этого не знать.

— Девон!

— Бронвин!

Мне нужно было выступить с чем-то более приличным, чем просто «да пошел ты!».

Какое-то время мы молча шли по дороге, пока тропинка не повернула направо. Арк Вэлли была процентов на девяносто покрыта лесом, который был неплохо защищен городскими законодательными актами, что было неудивительно, если принять во внимание тот факт, что город был одним из дюжины — или около того — городишек, которые были основаны стаей Каллума на территории пяти штатов. Правда, давным-давно. Каждые лет двадцать стая переезжала из одного города в другой, когда вечная молодость старых волков начинала бросаться местным в глаза и переходила из разряда «потрясающая генетика» в разряд «неестественное». В Арк Вэлли мы жили столько, сколько я себя помню, и горожане пока не стали относиться к нам с подозрением — по крайней мере, из-за всех этих заморочек, связанных со старением.

— Ваш замок ждет вас, — улыбнулся Девон, махнув рукой на дом Эли.

— Ты что, не проводишь меня до дверей? — спросила я, притворившись, что нахожусь в шоке от отсутствия у оборотня галантности.

— Конечно же провожу. Многие придерживаются такого мнения, что от такой костлявой девицы, как ваша милость, не в пример сподручней было бы держаться подальше, футов этак на пятнадцать, но у меня на это есть свое мнение.

— Как ты можешь употреблять слова «ваша милость» и «не в пример сподручней» в одном предложении? Как будто ты и придворный, и лабазник в одно и то же время. Так не полагается.

На что Девон показал мне язык, а это уже было ниже достоинства всякого уважающего себя оборотня. Потом, правда, он довел меня до двери и, поставив на крыльцо, ждал, пока я открою замок и перешагну через порог. Я достала ключи, отперла стальную дверь и вошла внутрь как раз в тот самый момент, как опустились сумерки.

— Девон — хороший мальчик, — съязвила я. — Привел меня домой до темноты. А если ты еще умеешь делать стойку, отряхиваться и кувыркаться через голову, я уверена — у Каллума найдется для тебя сладкая косточка.

— Да забудь ты про Каллума и его, как ты сказала, «труселя», — сказал Девон, засунув наконец язык в рот, обретая тем самым способность говорить. — Чудо в том, что я дал тебе возможность пережить свое детство.

Я фыркнула. Для любой другой девчонки это было бы вполне нормально, хотя и не очень деликатно, издавать такие звуки. В моем же случае это прозвучало несколько более по-волчьи, хотя обром я не была. В этом-то и заключалась опасность быть возвращенной в стаю. Большею частью, с грехом пополам и набравшись храбрости, я могла выбросить волков из своей головы, но их повадки все равно проскальзывали в моих манерах. Я бы никогда не смогла быть одной из них, как Девон. Я бы никогда не переключилась в другую форму, и я никогда бы не стала делить свое тело с волком, отслеживающим меня в закоулках сознания. Но я и не была никогда такой, как другие девчонки.

Я потрясла головой, чтобы очистить ее от мыслей — еще один жест, совсем не присущий мне, как человеку, — и, когда снова включилась, поняла, что Девон уже ушел. Всего за несколько секунд он достиг тропинки и уже удалился на приличное расстояние, нисколько не беспокоясь о том, чтобы скрыть свою нечеловеческую скорость. Никто, кроме обров, не заходил так далеко в лес, в то место, где находился дом Эли. Да еще Эли и я.

— Закрой дверь и повесь на вешалку куртку, — прокричала Эли из кухни командным голосом. Она обладала каким-то сверхъестественным чутьем относительно всего, что происходило в доме, даже если ничего не видела. Потому что перед тем, как она издала свой

рев, я была всего в каких-то микросекундах от того, чтобы бросить куртку на пол.

Я последовала указанию Эли и пошла на кухню, на звук ее голоса и на запах готовящейся еды. У меня хорошее обоняние — когда ты в стае, это вопрос жизни и смерти, и не важно, человек ты или нет. Но сделать фразировку запаха, который до меня доносился, я не могла. — Соус маринара,<sup>[7]</sup> — размышляла я вслух. — Ореховое масло. Лук. И...

— Орео,<sup>[8]</sup> — провозгласила Эли, засовывая печенье себе в рот. — Хочешь? — спросила меня она, проглотив свое.

Я взяла предложенное печенье и обвела взглядом кухню.

— Тянет? — спросила я.

Эли безнадежно пожала плечами.

— А где стейк? — был мой следующий вопрос.

Не важно, к чему тянуло Эли, но стейк в этом доме присутствовал всегда. Ребенок превратил ее в существо плотоядное, и Эли, которую восемь месяцев назад выворачивало наизнанку при одном виде стейка с кровью, сейчас ела их ежедневно. Такова была цена — быть беременной обром. Это да еще кое-что: вместо того чтобы пинаться, как все нормальные дети, сын Эли менял формы. Месяца два назад я пошутила, сказав, что можно будет билеты продавать чтобы посмотреть на ее живот в полнолуние. И сейчас, когда рождение ребенка неотвратимо приближалось, это, по правде сказать, было уже совсем не смешно.

— Со мной все будет в порядке, — сказала Эли, протянув ко мне руку, чтобы похлопать по плечу.

— Ты всегда так делаешь, — вздохнула я. — Как будто читаешь мои мысли. — Вообще-то я полагала, что это прозвучит как жалоба, но вышло очень ностальгически, как будто я собиралась с нежностью вспоминать эту привычку Эли, когда ее больше не будет с нами.

— Со мной все будет в порядке, — повторила Эли. — Ты меня знаешь, Брин. Я никогда в драке не отступала.

Никогда — это точно. До того как Каллум сунул меня на попечение Эли, она не была членом стаи. Она тогда только-только поняла, что оборотни существуют на самом деле и что они чаще берут человеческих женщин себе в подруги, чем не берут. Ради сироты, которую она до того момента даже в глаза не видела, Эли отказалась от собственной жизни и решила ответить на вызов судьбы. Она приняла Отметину Каллума и справилась с ней, изолировав себя — и меня, конечно, — от всего того, что она влекла за собой. На сотню миль в округе не было ни одного обра, которому она не была бы готова вцепиться в глотку, защищая меня. Включая Каллума. Я думаю, что именно поэтому он отдал меня Эли, а не кому-нибудь из обров. Каллум сделал ее членом стаи для того, чтобы Эли могла заботиться обо мне. Он знал, что она не будет подвергаться влиянию иерархического принципа организации поведения<sup>[9]</sup> и не будет мириться с кем-либо, кто захочет испортить мне жизнь только потому, что достаточно доминантен и полагает, что может это сделать.

— С тобой все будет в порядке, — сказала я, повторяя слова Эли.

Я в это верила. На самом деле. Я просто кое о чем забыла. Забыла о том, что видела, как многие женщины умирали во время родов. Оборотни женского пола очень редки, а человеческие тела не предназначены для того, чтобы вынашивать их детенышей.

— Где Кейси? — спросила я, меняя тему разговора в надежде, что мои мысли сделают то же самое. — Не в его правилах не являться к ужину.

Муж Эли любил поест. Еда плюс Эли — это значило, что Кейси должен был

находиться здесь, и хотя я еще не совсем привыкла к тому факту, что мы с Эли больше не одни, или к мысли о том, что, когда я сплю, рядом в гостиной спит взрослый обр, отсутствие Кейси было для меня фактом очень и очень даже странным.

— Сегодня вечером Кейси дома не ужинает, — сказала Эли. — Ну-ка, попробуй это.

Я была так поглощена попыткой объяснить себе, почему это Кейси «не ужинает дома» и тем, что сказала мне Эли, что едва не позволила сунуть мне в рот то, что она предлагала. В последнюю секунду я очнулась и поняла, что мне точно не хочется того зелья, которое Эли, влекомая своими внутренними позывами, варила на кухне, даже самой его малости.

— Много потеряла, — сказала Эли, отправляя в рот ложку варева, в котором явно содержались ореховое масло и соус маринара, которые я учуяла раньше. И закусилась это печенькой.

— Меня сейчас стошнит, — сказала я, подавляя позыв к рвоте и на этот раз совсем не придуриваясь.

— Это все часть моего генерального плана, — ответила Эли. — Внутренние позывы — это самое простое извинение беременной женщины за то, что всех, кто находится рядом с ней, тошнит так же, как и ее.

— Эли, ты отвратительна.

Она улыбнулась и с невозмутимым видом отправила в рот еще одну ложку:

— Я знаю.

Я решила поискать помощи в холодильнике и рылась в нем до тех пор, пока не нашла что-то съедобное. Сунув коробку с едой в микроволновку, я снова обратила внимание на Эли, которая очень неплохо умела отвлекать мое внимание, но только не сегодня.

— Твой муж не пришел домой к ужину, хотя он от тебя на три метра не отходил с тех пор, как пошел седьмой месяц. Каллум начал заставлять меня соблюдать комендантский час и отрядил целую команду, чтобы присматривать за мной. Ты шутишь про беременных, отвлекая внимание, чтобы я не задавала вопросов. — Свои наблюдения я отмечала, загибая пальцы на руке. — Что-то происходит.

— Не могла бы ты, в виде особого для меня одолжения, не совать везде свой нос? — спросила Эли.

Я сосредоточилась на разогреваемом в микроволновке Биг Маке с сыром и ничего не ответила.

— Я не это имела в виду, — вздохнула Эли. — А если я скажу, что очень устала, что меня все раздражает и что я очень и очень беременна? А если я скажу, что мне действительно нужно, чтобы ты сделала это ради меня, потому что еще одного стресса сейчас для меня будет слишком много?

Это был удар ниже пояса, и Эли это знала. Я не хотела беспокоиться за нее, и она не хотела, чтобы я за нее беспокоилась.

— С тобой все будет в порядке. — Я попыталась ответить так, как бы ответила, если бы меня это совсем не трогало. — А когда ты предлагаешь, чтобы я держалась от всего этого подальше, то я еще больше хочу во всем разобраться. Совершенно очевидно, что это дело стаи и, должно быть, здесь скрывается какая-то опасность, иначе Каллум не затеял бы всю эту возню с «тревожным предупреждением». Но слишком опасным это быть не может, потому что здесь замешан Кейси, а Каллум никогда бы не стал им рисковать, когда до твоих родов осталось всего ничего.

Эли ничего не сказала. Я попыталась понять что-нибудь по ее лицу, но она обладала



способностью, сравнимой разве что с умением Каллума, глубоко прятать свои эмоции.

— Ты на самом деле хочешь, чтобы я этого больше не касалась? — тихо спросила я. Я не могла рисковать, чтобы не сделать Эли больно, даже несмотря на то что мы обе хотели притвориться, что ничего плохого не происходит и не может произойти.

— Да, Брин, вроде того.

— Ладно, — согласилась я. — Не буду этого касаться... пока. Но это не значит, что мне все это нравится, и как только ребенок родится, я сделаю себе тату, проткну пупок и убегу в Мексику кое с кем, кого ты совсем не знаешь.

Эли расхохоталась и сунула мне в рот еще одно печенье. И пока я его жевала, она потрепала меня по волосам:

— Брин, Каллум установил за тобой наблюдение. Ты даже на порог тату-салона ступить не сможешь — тебя сразу же оттуда выдернут.

— Как сказать, как сказать... — улыбнулась я. — Сегодня моим охранником был Девон. И я абсолютно точно знаю, что, по его мнению, искусно выполненный бодиарт — вещь очень клевая.

Эли ответила на мое возражение своим, и так мы препирались какое-то время, и только много позже до меня дошло — она подразумевала, что охранявшая меня команда будет выполнять свои обязанности до тех пор, пока не родится ребенок. И это удивило меня еще больше, потому что у нас в стае была такая тенденция — разбираться с проблемами очень быстро. Угрозы устранялись в тот самый момент, как они возникали. Каллум правил железной рукой, и я даже не могла предположить, какое из дел стаи могло вызвать необходимость моего нахождения в стенах дома до наступления темноты, да еще в течение целого месяца или даже более того.

Несмотря на обещание, данное Эли, я не могла перестать об этом думать и к концу недели пришла к осознанию того, что самым странным было не то, что все из-за чего-то нервничали. Станным был сам факт, что никто не говорил мне, *что* это было. Стая не просто хотела, чтобы я находилась в безопасности. Меня хотели держать в полном неведении. В абсолютной тишине.

А с тех пор как Большой Злой Волк постучался у дверей моих родителей, темнота мне не очень-то нравилась. Ни метафорически. Ни в реальности. Я всегда предпочитала видеть то, что находилось передо мной. И если и Каллум, и Эли, и Девон полагали, что они могут держать меня в таком состоянии, с повязкой на глазах, в течение долгого времени, то они очень ошибались.

# Глава ТРЕТЬЯ

За две недели до того дня, когда Каллум приказал мне прекратить валять дурака на алгебре, я получила тройку с минусом за контрольную. Тогда мне казалось, что это было неплохим контрударом. После небольшой стычки в моей мастерской всемогущий альфа куда-то свалил, но, верные данному им слову, мои телохранители, как по нотам, каждый день материализовывались, чтобы сопроводить меня домой до наступления темноты, хотела я того или нет. Обещание, данное мной Эли, означало, что теперь мне оставалось только ухо к земле прикладывать, чтобы хоть что-то узнать. И еще: теперь, куда бы я ни свернула, везде будет раздаваться этот неясный гул, вроде того, который поддерживал мои связи со стаей и от которого у меня зудела подвздошная кость, как раз пониже Отметины.

— Знаешь, Каллум тебя убьет, — сказал Девон, когда я со злобной ухмылкой засовывала контрольную работу в свой рюкзак.

Она конечно же так и не нашла, но я тогда подумала, что от нее розовый куст станет выглядеть еще красивее.

— Хотела бы я посмотреть, как он попытается это сделать. — Я уже отказалась от мысли, что Девон когда-нибудь расколется и хоть как-то намекнет мне на то, что же это такое происходит, из-за чего все волки на сто миль в округе находятся на грани нервного срыва, скрежещут зубами и смыкают ряды вокруг своих самок, как будто мы должны внезапно загореться в тот самый момент, когда они оставят нас без надзора. — На тот случай, если до тебя не дошло, то меня не так-то легко убить.

Девон не вздрогнул, но сам факт, что он не ответил на мои слова лаконичной цитатой из «Бард» или «Грязных танцев»,<sup>[10]</sup> дал мне знать, что мои слова отправили его мысли по тому самому пути, которого я всеми силами старалась избежать. Зрачки его глаз не расширились. Девон не сжал челюстей, но я почувствовала гудение энергии, как будто в пространстве между нами кто-то ударил по камертону.

Не надо было быть гением, чтобы догадаться, что внутреннему волку Девона очень не понравилась мысль о том, что кто-нибудь мог попытаться причинить мне боль. Да и старине Деву, доброй душе, тоже не очень-то нравилась такая возможность. А из своего прошлого опыта мне было хорошо известно, что ни мальчика, ни тем более зверя особенно не заботило напоминание о том, что если бы в ту ночь, когда Каллум принес меня в дом, дела пошли по-другому, то я не прожила бы на свете достаточно долго, чтобы стать у всех занозой в лапе.

*Кровь. Кровь-кровь-кровь-тук-тук...*

Я приказала себе прекратить думать об этом и помогла Девону сделать то же самое, ткнув ему указательным пальцем в левый бок. Если бы мы были одни, я бы нежно боднула его головой, но это была уже средняя школа, и у добрых жителей Арк Вэлли было достаточно веских причин считать, что те из нас, кто жил в лесу, были немного с придурью.

— Ставлю десять к одному, что сегодня вечером Каллум направит на Брин-дежурство либо Сору, либо Лэнса, — сказала я, меняя тему разговора и как бы молчаливо извиняясь за то, что эта тема вообще была затронута. — Вы, Макалистеры, просто фавориты в команде Брин.

Губы Девона сложились в легкую отработанную ухмылку, и почти незаметное глазу

напряжение шейных и плечевых мышц исчезло.

— Доколе есть в мире этом хоть капля справедливости, лишь один взгляд на тебя убеждает, сколь счастливы будут они, будучи благословенны таким сыном, как я...

— Сказал он с фирменной Ухмылкой Номер Три, — засмеялся я.

Девон покачал головой и издал звук, больше всего напоминавший *так-так*.

— Стареешь, Бронвин. Тут совершенно очевидно, что это была Ухмылка Номер Два: сардоническая, с оттенком остроумия.

Я внутренне облегченно вздохнула — Девон, наконец-то, становился самим собой. Все обры чувствовали соперничество своих человеческих и волчьих половин, но у Дева это было гораздо более обострено, чем у других. Он не плясал под чужую дудку и бросал вызов остальному миру, который в ответ говорил ему, что чистокровному обру стоит беспокоиться о вещах более серьезных, чем то, во что он одет. В конечном итоге Девон был таким же раритетом, как и я. Единственное, что отличало нас друг от друга, это его персональная особенность: он в большей степени был сыном своей матери, самки-оборотня, чем сыном своего отца, оборотня из людей. Это давало Девону преимущество над остальными. Моя же особенность подразумевала то, что я всегда буду медленной, что я всегда буду слабой, что меня всегда нужно будет защищать от тайн стаи, которые проявляются с наступлением темноты.

— Эй, Бронвин?

До тех пор пока эти слова не смутили течение моих мыслей, я была весьма глубоко погружена в раздумья о том, что не в достаточной мере уделяю внимание своим обостренным чувствам, которые в противном случае предупредили бы меня о приближении чужака. Спала я, что ли? Или еще что? Так любой оборотень может внезапно наброситься, а не только заурядный тинейджер. Это было просто неприлично. — Да?

Я не ждала встречи с Джефом (из той истории с мотоциклом) в каком-либо месте, хоть отдаленно напоминающем социальную среду, по меньшей мере еще один семестр. Он избегал меня с тех пор, как я угнала его мотик, а я, подобно хамелеону, сливалась с поверхностью, стараясь находиться подальше от его человеческих друзей, как я всегда делала перед тем, как лихо прокатиться на угнанном мотоцикле. Перед тем как повернуться к нему лицом, я учуяла еще один запах — «Джуси Фрут» и пластик — и поняла, что он был не один.

С ним была девушка, и она улыбалась.

Двое моих одноклассников, и они подходят ко мне по своей собственной воле? Я взглянула на Девона и удивленно вздернула бровь, но его взгляд был прикован к человеку-1 и человеку-2. Казалось, ребята даже не осознавали, что за ними наблюдают, и, конечно, они не почувствовали, как я напряглась, когда Девон сделал шаг, чтобы быть ближе ко мне.

Я спокойно положила руку Девону на грудь и толкнула его назад. Я уже сказала Каллуму, что у меня нет интереса провоцировать межвидовую агрессию, и я говорила это совершенно честно. Если отставить в сторону попытку грандиозной кражи транспортного средства, мой инстинкт — не высовываться и не привлекать внимания к стае — был почти так же четко определен, как три параллельных шрама под поясом моих джинсов.

— Ты выронила это. — Джеф протянул мне ручку, которой я пользовалась, чтобы делать заметки (или, лучше сказать, целенаправленно *не делать* заметок), перед тем как прозвенел звонок. Но едва я протянула руку, чтобы взять ее, он покрутил ручку в пальцах и сунул в карман джинсов девушки, стоявшей рядом с ним. — Я, пожалуй, оставлю ее себе — в

оплату за тот небольшой приступ kleптомании по отношению к моему мотоциклу.

У девочки, стоявшей рядом с ним, было имя, и я его знала, но оно почему-то не пришло мне в голову. Она была типичная девочка из Арк Вэлли — немного слишком тихая, немного слишком милая, с метафорическими клыками...

— Джеф! — сказала девочка. — Ты просто отвратителен. Прости, Бронвин.

Но ручку из своего кармана так и не достала. Вместо этого она обняла Джефа. Я вообще-то, не самый большой специалист по поведенческим моделям соблазнения у людей, но тут я почувствовала, что передо мной происходила именно эта церемония. Он отдал ей мою ручку. Она хихикнула. И через несколько секунд они оба уйдут, даже не оглянувшись на меня.

В сравнении с процедурой ухаживания у оборотней — он кусает ее, она кусает его, и его связь со стаей изливается на нее бесконечно — это все показалось мне искусственным и незначительным.

И все же на какую-то долю секунды я замерла.

*Прости, Бронвин.*

Я была человеком. Они были людьми. И в какие бы игры они ни играли, это должны быть и мои игры тоже. Но в настоящее время все мои таланты были направлены на то, чтобы освободиться от альфы, который настолько давно ворвался в мою жизнь, что мог отдавать приказы и исчезать на многие недели, занимаясь делами стаи, которые ему были важнее, чем маленькая, несчастная я.

*Прости, Бронвин.*

Девон обнял меня, скривил губы, и у него на лице появилось выражение, которое я определила как Ухмылку Номер Один: саркастическая, с оттенком «А мне все пофигу».

— Слушай, Брин, — сказал он с интонациями Скарлетт О'Хара<sup>[11]</sup> в голосе, — мне кажется, он отдал ей твою ручку.

Слова Девона развязали мне язык, который, как и ожидалось, начал болтать, не консультируясь с мозгом:

— Ну, возьми, позвони Фрейду. Пусть он тут с ними повеселится.

Казалось бы, на этом все должно было закончиться, но, к сожалению, последним уроком в этот день у меня была алгебра, а это значило, что Девон был не единственным волком, который мог оказаться рядом со мной. Арк Вэлли — городок небольшой, объединенная средняя школа — еще меньше, и хотя я не была близка с кем-либо из молодого поколения нашей стаи, когда дело касалось противостояния внешнему миру, мы были одной семьей.

Или, как сказали бы они, я была *их*.

Их было всего трое, и один был в седьмом классе, но оборотни быстро взрослеют. В двенадцать лет они выглядят как тинейджеры, а когда оканчивают среднюю школу, могут сойти за двадцатилетних. Лет в пятнадцать-шестнадцать их рост замедляется, и большинство так и остается в возрасте тридцатилетних — не важно, сколько веков у них за плечами.

Так в чем же мораль этой истории? Все мои ровесники физически были слишком развиты для своего возраста, и у Джефа имелась основательная причина для беспокойства.

Они не надвигались на нас — пока! — и не говорили ни слова. Мои собратья по стае широкими шагами, как будто танцуя, просто окружили нас, и их мерцающие взгляды перепрыгивали с меня на Джефа, а потом обратно.

Я по привычке их игнорировала. Связь не связь, а со своими делами только я сама могу

разбираться. Самое последнее, что хотелось бы мне почуять, это низкую вибрацию рычания под поверхностью чьей-то кожи.

Джефу они, наверное, казались странной компанией весьма серьезно настроенных отмороzków, захолустное происхождение которых можно было сразу определить по их лицам. Для меня же они выглядели как Серьезная Неприятность — с большой буквы.

Я слегка коснулась руки Девона. Он кивнул.

— Благодарим вас за это, в высшей степени фрейдистское представление, Джеф. Сэр, мадемуазель, желаем вам всего наилучшего. — Дев пробубнил эти слова, удачно подражая акценту Шона Коннери,<sup>[12]</sup> при этом он, не отрываясь, смотрел на остальных, заставляя их опускать глаза и как бы предупреждая их не подходить ближе.

Был момент, когда мне показалось, что они проигнорируют это предупреждение и подойдут совсем близко, но через несколько секунд напряжение спало. Волки Каллума умели великолепно контролировать свои животные инстинкты и прекрасно знали — так же, как и я, — что за разборки с окружающим миром вожак стаи не станет им улыбаться и одобрительно похлопывать по плечу.

Не ведая о том, какую отсрочку от исполнения смертной казни они только что получили, Джеф и его маленькая леди по-быстрому свалили, и я осталась наедине с четырьмя подростками-оборотнями. При этом никому из них не нравилась мысль, что я могу пойти домой одна.

Железное правило: за исключением Девона, остальные мои одноклассники обычно старались держаться от меня подальше.

Одного обманчиво-спокойного взгляда Каллума было вполне достаточно, чтобы предупредить их не рассматривать меня в качестве исходного материала для будущей самки, и, пока оборотни не начинали искать партнера для размножения, большинство из них в людях не нуждались. Нас, людей, в любой отрезок времени в лесах жило не более дюжины, и, за исключением меня, все жили в паре с самцами стаи. Еще больше человеческих женщин, очень много, было похоронено в безымянных могилах: это были те, что в процессе спаривания не смогли выдержать возникновения связи со стаей, и те, что умерли при родах, и те, что дожили до глубокой старости, а их спутники-оборотни остались молодыми.

Нет уж, спасибо.

Если Каллум еще не распугал всех моих потенциальных поклонников, мне придется заняться этим самой.

— А вы трое можете идти, — сказала я, пытаюсь придать своему голосу интонации Каллума, свидетельствующие о несомненном авторитете и полной власти.

Никто не сдвинулся с места.

Поскольку я, что было очевидно, не смогла вызвать в них страх и уважение, я решила обратиться к здравому смыслу.

— Со мной все в порядке, — твердо сказала я. — Со мной ничего не случилось. Никакой опасности больше нет — раз! — и нет ничего. — К моему сожалению, это было все равно что общаться с глухими.

Джеф ушел, и если кто и имел ко мне претензии, так это Девон. Но мои собратья-одноклассники так и не стронулись с места, обороняя мои позиции — как будто угроза все еще существовала.

Если бы я вскрыла эту связь, то, возможно, смогла бы понять, почему они это делают, но я тоже была полностью поглощена той силой, которая охватила всю стаю. Через

Отметину Каллума я была соединена с каждым из этой стаи, но просто жить вместе с ними — для меня это было все равно что воду в ступе толочь.

А это значило, что я должна была использовать более изощренные методы для выяснения того, что мне хотелось знать.

— Джеф ушел, а вы ведете себя так, как будто угроза еще не исчезла, — сказала я. — Я не ошибусь в своих догадках, если выскажу предположение, что здесь присутствует некая внешняя угроза? И не та ли это угроза, из-за которой Каллум настаивает, чтобы я каждый день являлась домой до наступления темноты?

Девон застонал. Остальные трое обменялись взглядами. Я обещала Эли, что не буду торопить ход событий, и это было единственной причиной того, что я не прочесывала территорию в поисках угрозы и не выглядывала ночью из окна спальни, чтобы обнаружить то, чем бы оно ни было, что появляется на свет вместе с полной луной. За исключением очевидного, конечно. Обры могли переключаться в любом месте и в любое время, но значительно труднее для них было оставаться в человеческом облике ночью, особенно в этот период.

Но, поскольку я принадлежала Стае, я была в безопасности. Даже тогда, когда они переключались. Даже в полнолуние.

Или так мне говорили — много-много раз, столько, сколько я себя помню.

— Угроза здесь, внутри. — Едва эти слова вылетели у меня изо рта, я перешла от попыток убедить себя в этом к оценке ситуации в целом, как один громадный логический пазл. — И возможно, это не человек. — Это и так было ясно без всяких слов: ни один человек не смог бы привести целую стаю оборотней в состояние повышенной боевой готовности. — Тот, из-за кого вы так рычите, это не волк-чужак, это точно, потому что вам и часа бы не потребовалось, чтобы с поджатым хвостом послать его к своему собственному альфе, если конечно же это не волк-одиночка, но в этом случае Каллум сам бы о нем позаботился.

Оборотни — животные стайные, и в девяти случаях из десяти одиночки были одиночками по какой-то причине. Без физической связи с такими же, как они, у оборотней развивалась склонность к бешенству, уступавшая только страсти к охоте. К охоте на нечто большее, чем кролик или олень. Если принять во внимание историю моей жизни, вполне логичным выглядело следующее: стая не хотела, чтобы мне стало известно, что какой-то волк в наших краях оказался на грани помешательства. Но если это было бы именно так, то ситуация могла бы разрешиться за несколько часов. У оборотней была собственная полиция, и волк, охотившийся на людей, был бы обречен.

— Нет, это должно быть чем-то большим, — размышляла я. — Чем-то, что вы все воспринимаете как угрозу и что Каллум не позволяет вам устранить. Это нечто, что заставляет вас защищать меня, даже если я не нуждаюсь в вашей защите.

От этих слов все четверо мгновенно оцетинились, даже Дев. Правда, он и быстрее всех пришел в себя.

— Джентльмены, полагаю, что теперь я сам этим займусь, — сказал он и взмахом руки с наманикюренными ногтями отправил наших братьев восвояси, не дав мне возможности с помощью какой-нибудь хитрости вытянуть из них что-нибудь, чего я еще не знала.

— Ты специально это сделал, — зло прищурилась я.

Девон, поза которого и все его жесты все еще источали полное доминирование, фыркнул:

— Дорогая, если тыкать острой палкой в сердитых медведей, то в один прекрасный день будешь дуть на воду. Вот так вот.

Меня так и тянуло поиздеваться над ним за весьма вольное цитирование пословиц, но потом я решила, что этого делать не стоит. В обычных обстоятельствах Девон всегда был бы на моей стороне, выискивая ответы на вопросы и с легкостью преодолевая границы обещаний, данных мной Эли. Просто дело было в том, что он не хотел, чтобы я узнала больше, чем нужно.

— А, как раз вовремя, — сказал Девон.

И только тогда я поняла, что прямо между нами стоит Каллум. Была у него такая особенность — возникать ниоткуда, тихо и неотвратимо, — и заботливо-нейтральное выражение его лица заставило меня пересмотреть внезапно возникшее желание подразнить его.

— Я так понимаю, ты здесь из-за алгебры? — спросила я.

У Каллума была мерзкая привычка знать о том, что я собираюсь сделать, еще до того, как я это сделала, и на его территории не могло случиться ничего, что обошлось бы без его внимания.

— Девон, на одну минуту, если ты не возражаешь? — сказал Каллум подчеркнуто доброжелательно.

Девон кивнул и, опустив глаза, отошел в сторону. Результат воздействия альфы на волков был незамедлительным.

Да будет благословенным мой человеческий иммунитет.

— Брин.

Это было совсем не то, что я ожидала услышать. Я ожидала беззвучного крика, взгляда сощуренных глаз, прикосновение руки, взявшей меня за подбородок и заставившей встретиться с бескомпромиссным взглядом.

Ничего этого не было. Каллум просто произнес мое имя. У меня резко скрутило живот. Что-то произошло.

— Эли?

— Сейчас с ней все в порядке. Были небольшие осложнения. Сейчас ей назначен постельный режим.

В стае был собственный врач, тоже оборотень, который изучал медицину в самом начале 1800-х годов, но старался быть в курсе достижений современной медицины, как в ее человеческой, так и в ветеринарной разновидности. За последних два столетия он более чем достаточно насмотрелся на роды, и само собой разумеется, знал, о чем говорил. И кроме того, было совсем не похоже, что Эли пошла в обычную больницу, когда ее ребенок мог оказаться отнюдь не человеком.

*Кровь. Кровь — кровь — кровь — кровь...*

Я старалась не думать о плохом. Я не помышляла вспоминать о женщинах, таких как Эли, которые этого не пережили. Я не хотела вызывать в памяти свой образ — образ девочки, прятанной под кухонной раковиной, одинокой и испуганной, знавшей, что она ничего не сможет сделать, чтобы остановить смерть, когда она постучится в дверь.

Каллум убрал у меня со лба волосы, вернув мои мысли к происходящему:

— С ней все будет хорошо, Брин. — Он помолчал, и моя Отметина загудела, да как-то странно так, что мне даже стало интересно, не скрутило ли ему живот так же, как и мне. — Обещаю, с Эли все будет в порядке...

Оборотни не очень-то легко дают обещания. Каллум, будучи альфой, был связан своим словом. Мне на самом деле очень хотелось верить ему, но здесь он никак не мог знать, как все обернется. Даже Каллум не был ясновидящим.

Он слегка оскалился, вывернув губы вверх, так, совсем чуть-чуть, — то ли полупредупреждение, то ли полуулыбка.

— И я также обещаю, маленькая Бронвин, что в следующие три недели, до тех пор пока не родится ребенок, ты даже чихнуть не сможешь необдуманно. Идешь в школу. Возвращаешься домой. Можешь делать сколько угодно пожарных гидрантов из бумаги, но ты прекращаешь совать свой нос туда, куда не надо.

У меня было такое чувство, что на самом деле Каллум хотел, чтобы я прекратила *давить на него*. Прекратила задавать вопросы. Прекратила думать о том, что в воздухе витает опасность — я чувствовала смутное гудение, которое говорило мне о том, что в нашей стае что-то пошло не так.

— С Эли все будет в порядке, а твое поведение будет безукоризненным. — Голос Каллума звучал так, как будто это было пророчество, а не приказ.

И я подавила в себе желание возразить ему. Какая-то часть меня хотела это сделать, но другая часть не могла прекратить думать об Эли.

*Твое поведение будет безукоризненным, и с Эли все будет в порядке.*

Я изменила порядок слов Каллума и мысленно заключила сделку с Судьбой. Я исполню все, что скажет Каллум, выполню все, что прикажет кто угодно другой, но пусть взамен карма, универсум... не знаю, кто еще... пусть они сделают так, чтобы Эли выбралась из всего этого живой.

Честнее некуда. Сделка есть сделка, и на этот момент осталось только ждать.



# Глава

## ЧЕТВЕРТАЯ

— С ней все в порядке. С ней все в порядке. С ней все должно быть в порядке. Я крутанулась на каблуках и пошла по коридору, продолжая свою литанию.<sup>[13]</sup>

— С ней все должно быть в порядке. Правда, Лэнс?

Отец Девона — мой телохранитель на сегодняшний день и самый неразговорчивый оборотень из всех, кого я знала. Поэтому ничего удивительного не было в том, что он не ответил. Только на этот раз я не была уверена, было ли это из-за того, что Лэнс в своем человеческом облике был вообще не очень общителен, или просто потому, что не знал, что сказать. Непростая обязанность быть бэбиситтером у Брин включала в себя многое, но в этот список обычно не входили мое близкое к истерике состояние и обязанность бежать в ближайшую «Плиту Вервольфа», чтобы вытащить меня оттуда.

— С Эли все будет в порядке. — С этими словами я приникла к гигантской груди Лэнса, не желая смотреть ему в глаза. — Она сильная. Она никогда не уступала в драке. — От этих слов у меня заболело горло. — Ведь не все умирают, — прошептала я. — С ней все будет в порядке, правда, Лэнс?

— Правда, — сказал он внезапно громким голосом.

Я взглянула на Лэнса, и жесткие, нордические черты его лица дрогнули, когда он попытался изобразить на нем что-то наподобие улыбки, но это было все равно, как если бы большая белая акула попыталась стать похожей на золотую рыбку.

Это сводило меня с ума больше, чем что-нибудь другое. Эли находилась всего в пяти метрах от нас, за закрытой дверью, вместе с врачом стаи. Схватки продолжались уже целый час, и более вероятно, что они убьют ее, чем не убьют. Меня всю трясло, и, что бы я ни говорила, призраки, танцевавшие в темных углах моего сознания, шептали мне, что люди *на самом деле умирают*. Может быть, не во время родов, но когда смерть приходила, она всегда была неотвратима.

А сейчас Лэнс действительно говорил со мной и улыбался, и это было что-то невероятное, чего он никогда не делал на протяжении всего моего детства, не говоря уже о том месяце, когда он работал в команде моих телохранителей.

И это, видимо, не могло быть хорошим признаком. Если бы Лэнс думал, что я беспокоюсь из-за пустяков, он бы и слова не сказал.

— Меня сейчас вырвет, — сказала я, отворачиваясь — на этот раз затем, чтобы выбежать в туалет.

Я захлопнула за собой дверь и рванула к унитазу, но ничего не случилось. Я была так испугана, что даже не могла проблеветаться. Нужно было уходить. Я не могла просто так сидеть дома и слушать крики Эли, не имея возможности быть рядом с ней. Я не хотела мерить шагами холл, чтобы остановиться только тогда, когда кто-нибудь скажет мне, что все кончено, в том или ином смысле.

И если Лэнс говорил со мной, это значило только одно: его уже почти не беспокоило, сможет ли он меня поймать, когда я соберусь удрать, или нет.

Эли издала еще один жуткий вопль, и я закрыла глаза, желая только одного — не слышать ее криков. Заставляя себя сосредоточиться на единственной цели — победе, я

начала красться к окну, двигаясь так, чтобы нечеловеческие звуки, доносившиеся из комнаты Эли, заглушали звук моих шагов. Я свесилась из окна и начала сползать вниз по стене. Не будь я в хорошей форме — благодаря режиму ежедневных тренировок, который я соблюдала с шести лет, — вряд ли я смогла бы спуститься на землю, не сломав себе обеих ног. Но моя отличная физическая форма и отчаянное желание сбежать дополняли друг друга.

Я упала на землю, вскочила и побежала, не останавливаясь. Подчиняясь инстинкту, я пугала следы, петляла и меняла направление, чтобы сбить моих преследователей с толку. В лесу текло несколько ручьев, среди которых был один с довольно неприятным названием — ручей Мертвеца, — и я решила перейти через него. Как только я видела свежие следы, я бежала по ним, развязывая мешочек с кайенским перцем, всегда находившийся при мне, над тем местом, где, как я полагала, каждый уважающий себя нюхач смачно втянул бы носом воздух.

И если это не собьет Лэнса со следа, то тогда уже точно ничего не поможет. Все же остальные будут больше беспокоиться об Эли, чем думать обо мне.

В течение нескольких минут я инстинктивно пугала следы, пока не осознала, куда бегу и зачем. В последние несколько недель я вела себя как девочка с плаката про хорошее поведение. Я выполнила свои обязательства по сделке с Судьбой, и теперь настала очередь универсума выполнить свои. С моей точки зрения, это выглядело так: я обещала Эли, что не буду пытаться узнать тайну стаи до тех пор, пока не родится ребенок, а она сама будет вне опасности. В данный момент Эли рожала, и мне пришла пора действовать.

Играя роль примерной девочки с плаката, я не позволяла себе активно размышлять о причине беспокойства стаи и не разрабатывала плана действий, но на уровне подсознания я, кажется, всегда знала, куда мне идти, чтобы найти ответ. Пришлих волков на нашей земле не было. Люди нашей тайны не знали. Существовала угроза — внешняя угроза, которую нельзя было устранить с помощью клыков и когтей. Каким бы ни было решение этой головоломки, единственный мой шанс разгадать ее находился примерно в миле отсюда, в самом сердце леса, на самой верхней точке самого высокого холма, возвышавшегося над долиной.

Дом Каллума.

И на этот раз его там не будет, и он не узнает, что я была там, пока я не скроюсь. Потом он убьет меня, но в сложившихся обстоятельствах я была почти абсолютно уверена в том, что мне будет все равно.

Дорогу туда я знала наизусть, хотя у порога Каллума мне доводилось бывать нечасто. Он предпочитал сам приходиться ко мне, или в студию, или домой к Эли. Дом Каллума служил для деловых встреч стаи. Дважды в год мы все собирались там: волки, их жены, Эли и я. Это были совсем другие встречи, не такие, как ритуальный гон стаи, когда обры сбрасывали человеческую кожу и позволяли своей волчьей сути порезвиться на славу.

Этих встреч я чуралась как чумы, но на тех, которые проходили в доме Каллума, я должна была присутствовать. Они всегда носили на себе какой-то отпечаток бюрократизма, как будто кто-нибудь из обров, столпившихся в доме, мог забыть — хотя бы на секунду, — что наша жизнь была отнюдь не самой демократичной. Мое появление — и еще появление Эли, до того как она вышла замуж за Кейси, — делало меня в мире оборотней персонажем совершенно уникальным. Особей женского пола, принадлежавших к роду людей, до тех пор, пока их не метили и официально не объявляли подругами волков, в дом Каллума вообще не приглашали. И не принимали в члены стаи. И уж конечно, стая не удочеряла их на

церемонии, как тех детенышей, чьи матери погибли во время родов.

И их точно наметил сам вожак стаи в нежном четырехлетнем возрасте.

Короче говоря, путь к жилищу Каллума, святая святых нашего сообщества оборотней, девочка вряд ли могла просто так взять и забыть — и я добралась туда за рекордно короткое время. Поскольку я не была полной идиоткой, то, подойдя ближе, остановилась и несколько минут простояла, не шелохнувшись, прислушиваясь к окружающим звукам. Для человеческого существа слух у меня был очень хороший, да и остальные чувства прекрасно развиты, и я задействовала их все, пытаюсь определить, охранял ли кто-нибудь дом Каллума или нет. Я не думала, что он ожидал моего прихода, но если внутри находились какие-то ответы на важные вопросы, то, наверное, были причины охранять их.

Я закрыла глаза. Моя педантичность позволяла мне сосредоточиться на каждом чувстве по очереди. Внутри, несомненно, кто-то был, скорее всего в гостиной. И еще кто-то на кухне — так мне показалось. Находился ли кто-нибудь в подвале и на втором этаже, сказать было трудно. Я открыла глаза и начала подкрадываться все ближе и ближе к дому, пока не оказалась совсем рядом с ним, и тогда заглянула внутрь. И конечно же была немедленно обнаружена, потому что, хоть я старалась быть незаметной, находившиеся люди внутри были волками, и любая попытка помериться с ними умением скрываться имела бы приблизительно такие же шансы на успех, как если бы я решила вызвать их на соревнование по борьбе.

Первым признаком того, что все пошло наперекосяк, было то, что некто, сидевший в гостиной, повернулся к окну, потом посмотрел прямо на меня, и его лицо напряглось. Человек, которого я слышала на кухне, теперь стоял снаружи, он уже начал двигаться в моем направлении, сжимая массивные кулаки.

А третьим признаком было глухое, очень даже явно доносившееся до меня рычание.

— Что ты здесь делаешь?

Маркус схватил меня за плечо и повернул к себе таким способом, чтобы это было очень больно, но в то же время не оставило следов. Он очень долго учился этому — не оставлять следов — и ничем другому так больше и не научился. Я принадлежала Каллуму и была связана с ним крепче, чем даже самые преданные ему солдаты, и, сколько бы я ни жила на этом свете, Маркус всегда будет ненавидеть меня за это. Он нанесет мне любую рану, не важно, физическую или душевную, если будет уверен в том, что об этом никто не узнает.

Прошло совсем немного времени, чтобы чувство ненависти стало взаимным.

— Я спросил, что ты здесь делаешь, девочка.

У Маркуса слово *девочка* было оскорблением, и именно по этой причине он меня так сильно ненавидел. Если собирался кого-то воспитывать, то это должен был быть оборотень, и обязательно мужского пола.

— К-К-К-Каллум... — сказала я, притворно заикаясь, чтобы протянуть время и придумать ту отговорку, которая не даст возможности обвинить меня в преступлении.

— Каллум? — спросил Маркус. — Он что, ранен?

Хоть я и ненавидела Маркуса всем сердцем, в преданности Каллуму я ему отказать не могла. За Каллума он был готов умереть.

— Брин, Каллум ранен?

Я но пальцам одной руки могла пересчитать те случаи, когда Маркус называл меня по одному из данных мне при рождении имен, а тем более тем именем, которое я предпочитала другим. Почему-то вспомнилось, как ужасно я выглядела в туалетном зеркале — тогда, дома.

Каждый вопль Эли как будто ножом был вырезан у меня на лице: глаза налиты кровью, губы искусаны, черные тени под глазами... Каждый мускул моего тела был настроен на страдание. И Маркус, ненавидевший Эли почти так же, как меня, возможно, не мог осознать того, что я могла так сильно за нее переживать. Единственным человеком, о котором мог волноваться Маркус, был Каллум, и то состояние, в котором я пребывала в настоящий момент, да еще, возможно, тот факт, что я была здесь, но ни Каллум, ни команда моих телохранителей не остановили меня, — все это Маркус мог воспринять как знак того, что случилось что-то серьезное.

Только дурак не воспользовался бы этим. Это было жестоко, это было неправильно, и это было глупо, но одно знание того, что больше, чем сейчас, он презирать меня не будет и будет очень счастлив, если Эли умрет, освобождало меня от чувства вины, которое я, возможно, могла бы испытать бы из-за того, что морочила ему голову.

— Плохо, — сказала я, позволяя пролиться слезам, которые сдерживала целый день. Маркус, почуяв правду в моих словах, не заметил, что я не сказала точно, *что именно* было плохо. — Может не выдержать...

— Каллум? — выдохнул Маркус. Он схватил меня обеими руками, и его пальцы впились мне в кожу с такой силой, что я почувствовала, как на ней образуются синяки. Мне пришло в голову, что я не смогла объявить состояние Каллума смертельно опасным, потому что Каллум был единственным, кто защищал меня от Маркуса, даже сейчас. — Да что с тобой? Говори! Каллуму плохо?

— Да, Каллуму плохо, — сказала я, думая о том, как плохо все то, что я делаю, а также о том, что Каллум любил Эли так же, как любила ее я. — Ему действительно плохо, Маркус.

— Где?

— У нас дома...

И тут — раз! — и в одно мгновение Маркус исчез. Лишь взмах грязных волос и яростный крик говорили о том, что он был уже в пути — неся спасать Каллума.

Наверное, я должна была бы чувствовать себя плохо, но мне почему-то плохо не было. Я ничего не чувствовала, даже намек на беспокойство из-за того, что Каллум будет не единственным, кому захочется убить меня, особенно когда то, что я собиралась сделать сегодня, станет всеобщим достоянием.

— *Один готов*, — мысленно промолвила я, опасаясь того, что волк, сидевший внутри, может меня услышать, если я произнесу это вслух. — *Один остался*.

И поскольку моего охранника сдуло самым натуральным образом, я подошла к входной двери Каллумова дома и вошла внутрь. Сделала ровно три шага по фойе, и чей-то голос остановил меня:

— И как же Каллум ранен, Брин?

Конечно же оборотень, находившийся внутри дома, слышал мой разговор с Маркусом, и конечно же он был весьма догадлив, чтобы задать мне самый правильный вопрос.

— Что значит — как? — спросила я в ответ.

Глубоко посаженные глаза Соры сузились, подчеркнув острые скулы. Совершенно очевидно, что ей было совсем не весело.

— Ты совершенно точно знаешь, что я имею в виду, и у тебя есть три секунды, чтобы снабдить меня правдой, только правдой и ничем, кроме правды, пока ты на самом деле об этом очень сильно не пожалела.

В качестве угрозы это само по себе звучало более чем определенно, но один-

единственный шаг, который Сора сделала в моем направлении, произнося эти слова, окончательно расставил все точки над *i*. Обратни женского пола встречались невероятно редко. В нашей стае их было двое, в других и того не было. Но, каким-то невероятным образом за последние две сотни лет Сора смогла возвыситься над мужчинами и защищала женщин всеми возможными средствами. Все те годы, что я находилась в стае, она была одним из самых сильных, самых умных и самых доверенных солдат Каллума.

И еще она была матерью Девона. А это значило, что меня она знала слишком хорошо.

— Две секунды.

Ну, вперед!

— Каллум ранен не физически, — вздохнула я. — Ему больно потому, что больно Эли. И если Маркус предположил что-то другое, то это совершенно не моя вина...

Сора выругалась, и ее красиво очерченные губы растянулись в натуральный волчий оскал. Она схватила меня за руку и весьма грубо потащила на кухню, где быстро привязала за запястья и лодыжки к ручкам на дверцах холодильника и фризера. Не проводи я столько времени у нее в доме — на практике знакомя ее с моим врожденным пристрастием к взлому замков, — она, возможно, просто заперла бы меня в одной из свободных спальных комнат. Но Сора слишком хорошо знала, что мою изобретательность недооценивать нельзя.

Я потянула за веревки, проверяя узлы на прочность. Сора снова оскалилась, отчего я стала очень, очень тихой.

— Кажется, ты достаточно глупа, чтобы остаться живой... ты, тупой, беспечный ребенок. — Сейчас Сора говорила совсем не как мать Девона. Она говорила как правая рука Каллума. — И ты даже не понимаешь, что ты натворила.

— Маркус на меня рассердится. — Я хотела дать Соре понять, что не нахожусь в полном неведении о неизбежных последствиях своих действий.

— Он будет в ярости, и совсем не из-за тебя, — сказала Сора, проверяя узлы на веревках, чтобы удостовериться в том, что я никуда не сбегу. — Он будет страшно зол на самого себя, на тебя, да и на Эли, потому что именно она за тебя отвечает.

Пометил меня Каллум, но как только дело касалось стаи, я была дочерью Эли. Маркус ненавидел Эли просто так, без всякого повода, в противном же случае он ненавидел бы ее из-за меня.

— Из-за Эли он будет в ярости, и он будет у нее в доме. Как раз тогда, когда она будет рожать. Она и так в большой опасности. Ей совсем не нужно, чтобы к ее проблемам еще добавился Маркус.

У меня во рту внезапно пересохло.

— Каллум никогда... Каллум никогда не позволит Маркусу навредить ей.

— У Эли очень мало шансов, Брин. Ты что, на самом деле думаешь, что присутствие в ее доме оборотня, одержимого мыслью об убийстве, ничем не чревато? Он может не наносить удар по Эли напрямую, но одно его присутствие очень сильно навредит ей, это я тебе обещаю.

Что я наделала?

— Я не... — Я запнулась, сглотнула слюну и попыталась заговорить снова: — Клянусь, я не...

Я не знала, как закончить эту фразу. *Я не знала? Я не думала? Я не хотела?*

— Знаю, — сказала Сора, и ее голос стал похож на голос той женщины, которую я знала. — Я пойду за Маркусом. Я быстрее, но он здорово рванул на старте. А ты будь здесь,

пока я не вернусь. — И потом точно так же, как Маркус, она исчезла.

И я осталась одна в доме Каллума, привязанная к кухонным агрегатам и тупо агонизирующая по поводу того факта, что только что сама направила взбесившегося оборотня по следу Эли. А что, если Маркус что-нибудь сделает с доктором? А что, если стресс окажется более сильным, чем сможет вынести измученная Эли?

Я обещала быть хорошей девочкой. Я солгала. Я нарушила сделку, и Судьба рассердилась. Я совсем не хотела, чтобы еще кто-нибудь умирал по моей вине.

*Оборотень, одержимый мыслью об убийстве.* Слова Соры звенели у меня в ушах, а мой мозг дополнял их соответствующими визуальными образами.

*Оборотень, одержимый мыслью об убийстве. Мама-мамочка. Кровь-кровь-кровь-тук-тук-тук...*

Рассуждая логически, я понимала, что не имела никакого отношения к смерти своих родителей, и не моя вина, что я пережила это нападение, а они — нет. Но мысли в моей голове начинали терять смысл, слова расплывались и становились неразборчивой чепухой, а образы рассыпались в прах. Время шло, и я насильно заставляла себя стоять прямо — мне очень хотелось опуститься на корточки, но я не могла позволить себе даже самого малого послабления.

Не знаю, как долго я так стояла. Мышцы затекли и начали болеть, слова вернулись ко мне, и я снова и снова говорила себе, что, если все будет в порядке, я больше никогда не сделаю такой глупости.

А потом я услышала шум.

Чей-то крик.

Слова.

— Есть там кто-нибудь? Пожалуйста! Пожалуйста, помогите мне! Вы меня слышите? Слышит меня кто-нибудь?

В подвале Каллума кто-то был, и этот кто-то нуждался в помощи. Я знала, что мне не следовало отвечать, я знала, что тот, кто находился в подвале у Каллума, находился там по какой-то серьезной причине. Постепенно слова переросли в отчаянные вопли, и именно это заставило меня принять решение, потому что бессловесный вой выворачивал мне душу наизнанку.

Кто бы ни находился там, внизу, он был в западне. Не важно, кто это был и что он сделал. Я должна была помочь ему, потому что, похоже, для себя сделать я ничего не смогла. И для Эли тоже.

Я подняла вверх связанные в лодыжках ноги и повернула их к кухонным ящикам — целилась на тот, в котором находилось отделение для ножей. Подцепила ящик каблуком, потянула. От резкого удара по дну содержимое ящика вылетело, и я взглядом нашла самый большой нож. Растягивая державшие меня веревки, умудрилась подтянуть нож ближе к себе. Захватила ручку ножа каблукам и протянула руки вниз.

Получилось!

Пока я перерезала веревки, нечеловеческие вопли эхом отзывались у меня в голове. И еще я пыталась не думать о том, что клятва, которую я дала самой себе — воздерживаться в дальнейшем от всяческих глупостей, — не продлилась и сорока пяти секунд.

# Глава ПЯТАЯ

Я была почти уверена, что Сора и Маркус вернутся до того, как я смогу освободиться. Но либо Сора не смогла догнать Маркуса, и ей пришлось проводить мероприятия по предотвращению нанесения значительного ущерба, либо она успешно перехватила Маркуса на пути к Эли, но была вынуждена схватиться с ним, чтобы он не смог вернуться сюда и разорвать мне глотку.

Так или иначе, но, кажется, тяжелая кавалерия в ближайшее время не собиралась останавливать меня в моей бесконечной погоне за глупостью.

Растирая занемевшие запястья, я сделала неуверенный шаг в сторону от холодильника — и от остатков здравого смысла. Подвал Каллума всегда был для меня запретным местом, но я была не настолько тупой, чтобы поверить в то, что эти ограничения были наложены только из-за того, что он хранил в нем мои рождественские подарки.

Кто бы или что бы ни находились в подвале, это, несомненно, было опасным. И, основывая свои выводы на том, что Сора сочла необходимым связать меня перед тем, как ушла, существовала весьма серьезная возможность, что это и была та самая потенциальная опасность, из-за которой Каллум напряг всех волков, чтобы они тенью следовали за каждым моим шагом.

Подойдя к двери, я помедлила.

*Мне не стоит этого делать.*

Покрутила дверную ручку, полностью уверенная в том, что дверь будет заперта на замок. Она была не заперта.

*Мне на самом деле не стоит этого делать.*

Я стала прислушиваться к звукам, чтобы услышать что-нибудь, что принудит меня броситься вперед или заставит спасаться бегством, но не услышала ничего.

Я должна это сделать.

Даже если бы я бежала быстрее, чем могла, не было никакой уверенности в том, что я смогла бы вовремя прибежать к Эли и нейтрализовать тот вред, который я, скорее всего, ей причинила. От моего присутствия всем стало бы еще хуже, а здесь, метрах в пяти подо мной, в подвале, кто-то был. Кто-то, кто просил меня о помощи. Кто-то такой же, как я.

Я начала медленно открывать дверь. Однако почти сразу мне надоело играть в осторожность, и я рывком распахнула ее. Подвал был едва освещен, но мои глаза быстро привыкли к полутьме, и еще до того, как дверь ударилась о стену и снова отлетела ко мне, я поняла, что же это было... то, что Каллум прятал у себя в подвале.

Клетки. Много-много клеток. Я сразу узнала сталь и армированный титан — металлы, которые не смогут поранить обра, но сломать которые будет довольно трудно. Двери в доме Эли были сделаны из таких же материалов — дополнительная защита на тот случай, если какой-нибудь волк вдруг решит нарушить рескрипт, объявляющий запрет на всех людей без исключения в качестве кормового объекта.

Я пошла вниз по ступеням, ведущим в подвал, даже не сознавая того, что я двигаюсь, и моя рука помимо воли протянулась, чтобы потрогать толстые, трубчатые прутья. Клетки были большими. В них легко мог бы поместиться здоровенный обр, в волчьем или человеческом обличье, и у него еще оставалось бы достаточно места, чтобы двигаться. Металл

холодил руку, и было в этом что-то ужасное. Мне очень не нравилось то, что Каллум установил мне комендантский час, но я даже вообразить не могла еще более строгое ограничение свободы, особенно такое.

— Ты пришла.

Я едва не вздрогнула от неожиданности при звуках этого голоса, и это еще раз доказывает, как далека я была от всего этого, хотя единственной причиной того, что я рискнула спуститься в запретный подвал, было то, что я слышала чьи-то крики.

Я собралась, чтобы не было заметно, что меня застали врасплох, и ответила, не оборачиваясь:

— Я пришла.

Внутри меня боролись инстинкты-близнецы. Один говорил мне, что я должна вести себя так, как будто моя безопасность меня совсем не беспокоит, потому что ничто так не возбуждает аппетит обра, как человеческий страх. Другой говорил мне, что стоять спиной к волку — идея не самая хорошая, и так всегда было. По прошествии нескольких секунд я с равнодушным видом повернулась, прислонившись спиной к клетке, которую трогала рукой, и мои глаза начали искать того человека, ради которого я спустилась вниз.

Мальчишка моего возраста. Темные волосы, светлые глаза, на несколько дюймов выше меня, тело сухощавое и мускулистое. Рубашки на нем не было, и то, как он лежал в своей клетке, выглядело совершенно естественным... и диким, самым диким, что мне доводилось видеть за много-много лет. А выражение лица его, напротив, было совершенно человеческим.

— Я даже не был уверен, что наверху кто-то есть, — сказал он, глядя мне в глаза. — Почувствовал, что Маркус и Сора ушли, но потом учуял тебя и услышал... я что-то услышал.

Я сделала шаг вперед по направлению к этому мальчишке в клетке.

— Ты хорошо пахнешь, — сказал он. — Мясом.

Я сразу же прекратила продвижение вперед. Он снова понюхал воздух.

— Стаей пахнешь, — добавил он, наклонив голову набок, пытаясь понять, как я могу быть человеком и все-таки пахнуть больше хищником, чем добычей.

— Я — Стая, — сказала я. *А ты нет*, добавила мысленно. — Я Брин.

Я надеялась, что мальчишка знает мое имя. Большинство обрвов знали — даже те, которые приходили в гости с других территорий. И даже те, которые были в объятиях безумия. Совсем не часто человеческого ребенка принимали в Стаю, тем более что это делал сам альфа, и все эти обстоятельства, связанные с моим удочерением, делали меня еще большей знаменитостью в кругу этих мальчишек.

— Я Чейз, — сказал он.

— Довольно нелепое имя для оборотня. — Это наблюдение как-то само собой слетело у меня с языка. Мальчишка даже не моргнул. На самом деле я даже начала сомневаться в том, что он вообще моргал с тех пор, как я вошла в комнату. — Оборотни очень часто охотятся или преследуют кого-нибудь, — объяснила я. — И тебя зовут Чейз. Смешно.

Одни люди смеются в лицо опасности. Другие от нее убегают. За свою жизнь я делала и то и другое, но сейчас, когда глаза Чейза были устремлены на меня и вся его поза была больше волчьей, чем человеческой, лучшее, что я могла сделать, это продолжать болтать.

— Ты не обр. — В голосе Чейза слышалось какое-то гудение, слабая вибрация, которая могла бы быть рычанием, но не была им. — Ты не обр, но ты — Стая.

— Я человек, — сказала я, — но я принадлежу Каллуму. — И больше не стала ему



ничего объяснять.

В большинстве случаев имени Каллума вполне хватало для моей защиты. Хотя между Чейзом и мной находились стальные прутья решетки, я не могла избавиться от чувства, что его волк находился очень близко к поверхности, так близко, что мне на самом деле могла потребоваться защита. Это было очень странно. Несмотря на то что именно его боль привела меня сюда, Чейз сейчас казался очень спокойным и совсем не возбужденным, каким мог бы быть его волк, установивший контроль над человеком.

— Ты знаешь, где Каллум? — спросил Чейз, зацепившись за произнесенное мной знакомое имя. — Он вроде должен был выпустить меня. Хотел к ночи вернуться.

— Солнце еще не село, — ответила я. — Рано еще. А Каллума здесь нет, потому что он занимается делами Стаи.

Объяснять, что это были за дела, необходимости не было.

— Мне все время кажется, что сейчас ночь, — сказал Чейз, и его голос был довольно задумчивым, особенно если принять во внимание тот факт, что его глаза начали округляться, а зрачки расширились и меняли цвет. — Каллум говорит, что все пройдет. Он сказал, что за один месяц я прошел большой путь. И что у большинства людей в моей ситуации годы уходят на то, чтобы закрыться от ночи, подавить в себе желание бегать и охотиться в дневное время.

— А что это значит — «в твоей ситуации?» — спросила я Чейза, придвигаясь к нему, несмотря даже на то, что чувствовала приближение его Изменения и все, чему меня учили, говорило мне, что пора было сваливать.

— Моя ситуация? — переспросил Чейз, конвульсивно выгибая спину, в полном несоответствии со своим голосом. — Меня укусили.

От этих слов мои ноги налились свинцом. Я не могла двинуться с места, не могла начать подниматься вверх по ступеням лестницы. Я могла только наблюдать за тем, как мышцы Чейза, вздрогнув, возродились к жизни и по его телу прокатилось напряжение, как волна, которую делают фанаты на переполненном стадионе. Сокращения мышц следовали одно за другим, и я уже не видела перед собой мальчишку. Я видела перед собой черного, как ночь, волка, в котором было килограммов восемьдесят веса. На груди и лапах у него было несколько отметин, и его глаза в одно мгновение меняли цвет с бледно-голубого на опасно-желтый.

*Мне не следует быть здесь.*

Чейз не был похож на монстра, но в этой своей форме он легко мог убить меня, даже не собираясь этого делать. Он сказал себе: она пахнет Стаей, но она также пахнет мясом. И сейчас, когда он переключился, нельзя было с определенностью сказать, что для него значило больше.

*Он в клетке,* напомнила я себе, но эти слова ничего мне не говорили, потому что я не могла оторвать взгляда от диких глаз Чейза, и в моей голове звучали слова, которые он сказал перед тем, как переключился. Снова и снова.

*Меня укусили.*

*Меня укусили.*

*Меня укусили.*

Это было невозможно. Обратни так не рождались. Состояние передавалось от отца к сыну и редко — очень редко — к дочери. Книги и фильмы могли бы заставить меня поверить в то, что небольшая царапина или кусок могут превратить кого-то в оборотня, но

тысячелетняя история их жизни утверждала, что это не было правдой. Если только это не происходило в присутствии вожака стаи и он не формировал связи между кусающим и укушенным — простой укус оборотня сам по себе ничего сделать не мог. И даже Отметины — как у меня или у жен оборотней, — даже они не превращали помеченных в оборотней. И я была тому живым примером.

*Меня укусили.*

Потребовалось бы значительно больше, чем простой «укус», чтобы превратить человека в оборотня. Здесь нужна была бы настоящая резня, и вряд ли кто-нибудь смог бы выдержать подобное нападение. Никто бы не смог. По правде говоря, немного нашлось бы оборотней, готовых зайти так далеко — вызвать ярость альфы, атаковав человека и рискуя быть пойманным при этом. И все же...

*Меня укусили.*

А в клетке Чейз пристально смотрел на меня, и его глаза мерцали. Из его глотки вырвалось рычание, и он бросился на меня, ударившись волчьим телом о стену клетки. Я включила заднюю скорость на полную и взлетела вверх по ступеням.

*Мне не следовало туда спускаться.*

И все же, не могу этого отрицать, я получила то, что хотела: знание. Я переступила через порог и захлопнула за собой дверь. Мое сердце вырывалось из груди, пока я снаружи запирала дверь на засов, а мой мозг все еще был занят обработкой слов Чейза — того, что они значили для него, и того, что они значили для меня.

*Меня укусили.*

Было просто чудом, что он не умер. Он должен был умереть.

*Зубы вонзаются в плоть и выходят из нее. Кровь хлещет. Снова и снова, яростно, жестоко, основательно. Кровь... кровь... кровь... тук-тук-тук...*

— Ох, Брин.

Теперь передо мной стоял Каллум собственной персоной, и он развел руки в стороны, и я упала в них, захваченная потоком из разрозненных кусков воспоминаний, которые теперь не оставят меня в покое, вызванные на свет словами Чейза.

— Ты не могла не сунуть в это свой нос. — В голосе Каллума не было упрека. Он появится позднее — в этом я была уверена. А сейчас он просто крепко сжимал меня, шептал мне что-то на ухо на древнем языке, какие-то утешения, которых я не понимала, не зная значений этих слов.

— Как ты узнал? — спросила я.

Как он узнал, что я была там? Что он был мне нужен? Почему он всегда это знает? Как он узнал об этом в тот день, ведь именно он вытащил меня из укрытия, пока Сора и все остальные люди Каллума преследовали бешеного волка, который убил всю мою семью.

— Лэнс сказал мне, что ты сбежала, и я обо всем догадался.

Услышав имя Лэнса, я вспомнила, что пришла сюда прежде всего в поиске ответов на вопросы. Мне нужно было найти выход из трудного положения.

— Эли? — спросила я, и вопрос прозвучал как воронье карканье.

*Кровь... кровь... кровь... кровь... кровь...*

Я не смогу сделать это снова. И Эли тоже не могу потерять.

— Она спит, но с ней все в порядке, — улыбнулся Каллум. — И мне кажется, Бронвин Алессия, что ей захочется перекинуться с вами парой слов, когда она проснется.

*Челюсти смыкаются на горле у папочки...*

Каллум заставил меня посмотреть в его спокойные глаза и услышать его слова.

— С Эли все в порядке, Брин, — повторил он. — Я же поклялся тебе, что с ней все будет в порядке. И с ней все в порядке.

— А как ребенок? — спросила я, и у меня скрутило живот от того, что все благополучно закончилось, и от еще более сильного страха, который не исчезнет до тех пор, пока я не увижу Эли своими глазами.

— Дети, — сказал Каллум, смакуя каждое слово, — дети здоровы. Мне кажется, они даже выразили интерес к встрече со своей сестрой.

Близнецы? С Эли все в порядке и у нее родились близнецы? Этого было вполне достаточно, чтобы у меня в голове рассеялась кроваво-красная пелена, которая, я чувствовала, до этого момента окутывала все мои мысли. Почти, но не все, потому что где-то в голове у меня все еще продолжали звучать те два коротких слова.

*Меня укусили.*

И каждый раз, когда я слышала их, я впадала в ступор. Более того, меня это очень удивляло, потому что в стае Каллума не было волка, который мог бы напасть на подростка. И во всех Стаях Северной Америки не нашлось бы волка, который смог бы решиться на такое, и я знала, что это значило. Я знала это лучше, чем кто-либо другой.

Где-то на нашей территории завелся Бешеный.

# Глава ШЕСТАЯ

— В мире встречаются плохие люди: убийцы и психопаты, и телемаркетеры, для которых не существует слова «нет» в качестве ответа. — Я говорила как можно нежнее и — чтобы доставить удовольствие своим слушателям — делала основательные попытки освободить свои слова от налета защитного сарказма. — Иногда эти плохие люди делают очень плохие дела на самом деле, и хорошие люди от этого страдают. И даже дети.

Мои слушатели внимали каждому моему слову с круглыми, широко раскрытыми глазами.

— Люди называют своих монстров — социопатами. А наших мы называем Бешеными.

Ребенок #1 (известная также под именем Кейтлин, или Кети, или, если она была в хорошем настроении, Кейт) оповестил о познании мудрости своей старшей сестры, выдув изо рта громадный слюнявый пузырь. Ребенок #2 предпринял попытку — что для него оказалось делом весьма нелегким — засунуть себе в рот левую ногу. И я, совершенно непроизвольно, пощекотала ему стопочку, и взяла ее в свою руку.

Алекс (известный также как Александр, Плакса, Босс и Кроха) наморщил свой детский лоб.

— Ну и забирай свою ногу, — надменно сказала ему я. Алекс заерзал. Явно он был не совсем уверен, что с ней делать дальше.

— Опять новому поколению мозги пудришь, Брин? Как не стыдно! — Голос Девона застал меня врасплох. А близнецы, наоборот, кажется, совсем не были удивлены, увидев его. В почтенном возрасте шести недель их чувства работали гораздо лучше, чем мои. И я готова была поклясться, что они тоже это знали, судя по их самодовольным младенческим ухмылкам.

— Да мне, вроде как, больше и делать ничего не остается, — сказала я. — Я без права выхода из дома, если ты помнишь. — Уже ранняя весна пришла на смену зиме, а я *все еще* находилась под домашним арестом — за мои «закидоны» в тот день, когда родились близнецы.

Девон сел рядом со мной и стал играть с ножками Кейтлин.

— Кажется, я что-то припоминаю про тот домашний арест, о котором ты говоришь, — сказал он. — Напомни-ка мне еще раз — это тогда, когда ты не смогла пойти со мной на ту восхитительно-кошмарную киноверсию бродвейского мюзикла — а он был на седьмом месте в списке моих самых любимых... Или в тот раз, когда тебя заперли на замок из-за того, что ты едва не свернула себе шею? Да еще и не взяла меня с собой? Кхм-м-м-м-м?

Девон обожал строить из себя жертву почти так же, как смотреть приторные киномюзиклы, и моя прикованность к дому была для него почти столь же невыносима, как и для меня. Наши одногодки из Стаи (или «Обыватели», как изредка называл их Дев) не всегда врубались, в чем же была притягательность тех вещей, которые так нравились Девону.

— Сколько раз мне еще сказать, что я виновата? — пропыхтела я наконец, выпуская из руки взятую мною в плен лапку Алекса. И улыбнулась, увидев, как он радостно замолотил ногами в воздухе, как будто только этого ему не хватало в жизни.

— Сколько раз ты еще должна извиниться? — спросил Девон, притворяясь, что очень серьезно размышляет над этим вопросом. — По меньшей мере, раза три, что я могу еще

сказать, — почти пропел он, переходя на ярко выраженный речитатив, из-за которого мне иногда казалось, что возобновление мюзикла, который был на седьмом месте в списке его самых любимых, уже не за горами (в который раз). А потом, уставившись на Кейтлин и даже не взглянув на меня, пробормотал: — Тебя могли убить, Брин.

То, как он смотрел на Кети и те слова, которые он произнес, напомнили мне, что, хотя Девон и был Девом, он все-таки был еще и обром. В нем все еще таилось врожденное желание защищать то, что он любил, и охранять своих самок, не щадя жизни. Не говоря ни слова, он тихо протянул руку к голове Кейтлин и нежно погладил ее по мягким, как пух, волосам. Кети выдула еще один слюнявый пузырь, оставив без внимания выражение почти восторженного благоговения на лице Девона. Она уже привыкла к тому, что вызывает у Обров подобную реакцию, и, бывая Кети, а не яростной Кейт, этим она просто наслаждалась.

*Погоди, беззвучно сказала я ей. Это сейчас сплошное веселье да забавы, а потом они и тебя под замок посадят — тебе еще и тридцати не исполнится.*

В таком случае юношеские годы Кети будут в миллион раз хуже, чем у меня, и эта мысль была ужасной просто сама по себе.

Наверное, только Каллум и Эли заботились обо мне так, как теперь заботилась о детях Эли вся Стая, без памяти в них влюбившаяся. Рождение живой двойни в любой стае было редкостью, а Кети была всего лишь вторым ребенком женского пола, родившимся на территории Каллума за последнюю сотню лет. Наверное, была какая-то химия в этом — в зачатии у оборотней. Эмбрионы девочек почему-то не могли пережить первый триместр — если только не входили в состав близнецовой пары, где имелся брат, маскировавший их присутствие в матке. В медицинских деталях я не очень разбиралась, но с самого первого дня было ясно, что близнецы были чем-то необычным и что перед Кейтлин лежала длинная, очень длинная дорога.

И потому моим долгом, как ее старшей сестры, было облегчить этот путь, и в данном случае это значило — освободить стаю от убеждения в том, что девочки (здесь конечно же речь шла обо мне) нуждаются в защите. К несчастью, Девон был единственным, кого я могла взять себе в союзники, но даже он придушил бы меня, узнав, что я разрабатываю план встречи с Чейзом.

*С Чейзом.*

Даже когда я мысленно произносила его имя, у меня перехватывало дыхание, и меня словно выдергивало назад, как в тот вечер в подвале Каллума, когда я смотрела на Переключение Чейза, как будто пригвожденная к полу двумя его словами.

*Меня укусили.*

Невероятно строгий домашний арест, которому я подверглась, не менял того факта, что я должна была увидеть его снова. На одном уровне я знала, что эта была не самая хорошая мысль, знала, что он был «непредсказуем» и «все еще не контролировал волка в себе», и что я «окажусь в самой неприятной ситуации», едва только «приблизжусь к нему на расстояние в пару миль». Я даже понимала, что у Чейза имелись все инстинкты и полное отсутствие дисциплины взрослого обра — прожив на этом свете достаточно долго, я также прекрасно понимала, что это могло значить. Каллум снова и снова внушал мне, что Чейз представлял для меня большую опасность и что я также могла быть очень опасной для него.

*Он пережил нападение, которое убило бы взрослого человека, Брин, сказал Каллум, и его лицо было совершенно серьезным, а зубы стиснуты, но он все еще находится в*

опасности. Если мы не сможем научить его контролировать себя или если вдруг он нанесет увечье человеку до того, как он этому научится, Сенат будет вынужден уничтожить его.

Сенат. Объединенная сила всех без исключения вожаков стай на Североамериканском континенте. Когда они собирались вместе, Сенат старался быть демократичным, но я знала, что, когда Каллум сказал, что *они* уничтожат его, он на самом деле имел в виду, что не станет использовать свою силу, чтобы остановить их. И, что вполне возможно, именно он сломает Чейзу шею. У Каллума было очень немного слабых мест, но одним из них была я. Сенат или не Сенат, но если бы Чейз навредил мне, он, не задумываясь, убил бы его.

И это было единственной причиной, почему я так долго этого избегала. До настоящего времени я даже не пыталась нарушить домашний арест, потому что при одной мысли о том, что с Чейзом что-то может случиться, мне хотелось изрыгнуть наружу свои внутренности.

Он, без преувеличения, был единственным, кто, возможно, понимал, что это значило — пережить то, что пережила я перед тем, как стая приняла меня. Возможно, он был для меня единственным шансом, который мог помочь мне заполнить провалы в моей памяти — о том, что случилось той ночью перед тем, как Каллум со своим охранником спасли меня от той участи, которая постигла остальных членов моей семьи. Чейз был мне нужен, я хотела быть рядом с ним, и какая-то часть меня не могла освободиться от чувства, что это было взаимно. И что я буду тем, кто спасет его от самого себя.

Никто лучше меня не знал, что это такое — разрываться между тем, что значило быть человеком, и между тем, что значило быть членом Стаи.

Мои размышления прервал чей-то пронзительный визг. Кети, один из близнецов, вечно ищущий приключений, восприняла мое мысленное отсутствие за возможность переключиться, и сейчас передо мной, вместо двух младенцев лежал один человеческий детеныш (по внешнему виду, по крайней мере) и один непокорный, всем-телом-извивающийся, с-непропорционально-большими-лапами, непрерывно-скулящий-чтобы-вылезти-из-кроватьки волчонок.

— Я так понимаю, они проснулись как раз перед моим неожиданным появлением? — спросил Девон.

Решив не упоминать, что сразу после сна последовало время детских сказок, я кивнула. Хотя прошло всего лишь несколько недель, Дев и я начали разбираться в различиях между близнецами: в их идиосинкразиях, темпераментах и внутренних графиках. Например, независимо от обстоятельств, как только близнецы просыпались после дневного сна (или вскоре после него), Алексу почти сразу нужно было сменить подгузник. А Кейтлин нужно было немедленно переключиться. Ей уже нравилось ее волчье состояние, и она готова была целыми днями проводить в волчьем облике, если бы только Эли позволяла ей это делать.

Лично я ее за это не винила. В человеческом образе близнецы были более развиты, чем многие другие новорожденные, но как волки они были уже скорее ползунками, чем младенцами. Едва переключившись, Кейтлин сразу начинала ходить (или бегать) на четырех лапах и во все совать свой мокрый щенячий нос.

Кети снова взвизгнула из своей кровати — она явно была в нетерпении. Младшая сестренка хотела то, что хотела — когда хотела.

— Хорошая девочка, — засюсюкала я, вынимая ее из кровати и ставя на пол.

— Разве не предполагается, что ты должна поощрять ее оставаться в человеческом образе? — спросил меня Девон. В кои-то веки акцент и положение безукоризненно

ухоженных бровей были его собственными.

— Я? — невинно сказала я. — И как, по-твоему, я должна это делать, кхм? — хмыкнула я в ответ Девону. — Я, кажется, тоже припоминаю кое-что — якобы в свое время я была слишком уж человеческая и была не в состоянии контролировать волков-подчиненных.

Попытка навязать свою волю Кети заставила бы меня выступить против всего, с чем я боролась ежедневно. Не говоря уже о том, что вскрытие связей, соединяющих меня со стаей — чтобы принудить к чему-либо того или другого из близнецов, — немедленно сделает меня уязвимой для тех, кто захочет навязать мне свою волю. Эта была чем-то вроде банки с червями, которую я не стала бы открывать до тех пор, пока на самом деле не буду вынуждена это сделать. Кети, находившаяся на вершине блаженства в своей волчьей ипостаси, понюхала мои туфли и чихнула.

— И к тому же, — добавила я, — в этом образе она мне больше нравится.

Тем временем Кети обнюхала ковер и хорошенько его пожевала.

А когда он упорно не захотел подчиняться ее попыткам сдвинуть его с места, она зарычала.

— А кто тут у нас такой свирепый? — спросила я ее. — А кто у нас сейчас по попе получит? И кого сейчас отругают, потому что старшая сестра из-за нее когда-нибудь неприятностей огребет?

Девон фыркнул:

— Иногда мне кажется, что термин *дурное влияние* придумали, имея в виду тебя.

Принимая во внимание, что он еще ничего не знал о глубоко сидевшем во мне желании снова пробиться к Чейзу, это было еще весьма мягко сказано. И, вместо того, чтобы сказать что-нибудь, что могло бы дать волю моим мыслям, я решила, что надежнее будет отвлечь внимание.

— Это не ты, — сказала я.

Девон, удивленно вздернув одну бровь, взглянул на меня — за многие годы это движение был отработано им до идеального состояния.

Я же обернулась в сторону Алекса, слегка сморщив нос — совсем чуть-чуть: — И не ты.

По степени чувствительности мой нос невозможно было даже сравнивать с другими носами, находившимися в этой комнате, но даже я могла почувствовать, что, пожалуй, прогнило что-то в Датском королевстве.

В отличие от меня, Девон обладал животной толерантностью к тому, что я называла «содержимое подгузников». Вдобавок к невероятной физической силе, фантастически развитым органам чувств и практически бесконечному жизненному циклу оборотни, как я совсем недавно обнаружила, обладали весьма неплохим иммунитетом ко всем ужасам какашек.

Девон поднял Алекса и неторопливо понес к пеленальному столику. Алекс при этом производил смутно-несчастные звуки, которые заглушались Девоном, напевавшим что-то вроде панк-рок версии «Это кто у нас проснулся, кто так сладко потянулся...» И, уже почти закончив процедуры, он плавно и на удивление гладко перешел к арии из *Rent*.<sup>[14]</sup>

Музыка успокоила меня, так же, как и младенца, и я снова обратила внимание на Кейтлин, которая, как оказалось, весьма добросовестно занималась шнурками моих ботинок. Я слегка улыбнулась, глядя на ее щенячьи выходки, и подумала, на что бы это могло быть похоже, если бы я вдруг смогла присоединиться к ней, сбросив человеческую кожу и те ограничения, которые накладывались на меня вместе с ней, и просто прожить волком хотя

бы одно мгновение. И как бы я выглядела — на четырех лапах и в шкуре? И какого окраса я была бы — светлая, как Кети, или темная, с рыжиной, как Дев?

А может быть, густо-черная, с холодными голубыми глазами, как Чейз?

И потом я снова оказалась там, и в тот же самый момент, и снова наблюдала за тем, как напрягались и растягивались его мускулы, посылая электрические разряды сквозь мое тело, когда он переключался. И уже совсем без предупреждения я вдруг оказалась в каком-то другом месте, и еще одна пара голубых глаз вспыхнула желтым огнем, когда громадный серый волк с белым пятном на лбу вцепился в глотку человеку-мужчине, чей образ в моем сознании уже давно-давно был заменен образом Каллума.

*Выходи, выходи давай, ну, где ты спрятался, малыш? Зачем прятаться от Большого Злого Волка. Все равно, рано или поздно, я найду тебя...*

От чьей-то руки на моем плече я чуть не подпрыгнула.

*Ты должна прекратить делать это с собой,* сказали мне глаза Каллума, но вслух он мне ничего не сказал — просто сжал рукой плечо и переключил внимание на Кейтлин.

— Ах ты, Кети-девчонка, ну что нам с тобой делать? — Его карие глаза такие добрые, и рот сложен в притворно-строгую гримасу. Каллум взял щенка-Кейтлин в руки. Она лизнула его в лицо, и он в ответ снисходительно улыбнулся. — Вот увидит тебя твоя мама в таком виде, она будет очень недовольна, — сказал Каллум, а потом сделал выдох, который моя младшая сестрица начала вынюхивать, как сумасшедшая.

Даже не будучи обром, я понимала, чем пах для нее Каллум: защитой, силой и домом. Он был альфой, и в нашем мире это делало его таким же близким и важным для Кейтлин, как и ее родители. И такой же важной, как я надеялась, однажды стану для нее я.

В конце концов Кети надоели любящие объятья Каллума, она заскулила и начала извиваться, требуя поставить ее на пол.

— Я прекрасно понимаю, как ты себя чувствуешь, — чуть слышно прошептала я.

Каллум даже ухом не повел в ответ на мои жалобы.

— Тебе, — сказал он Кети, — нужно быстренько принять человеческий вид, а вам — он перевел взгляд на меня, — моя любимейшая, обожаемая и не-совсем-еще-взрослая маленькая девочка, я бы посоветовал поверить в то, что я всегда думал и даже сейчас не прекращаю думать о вас.

И мое будущее мини-я, и я сама — мы обе были не в состоянии противиться приказам Каллума. Если Каллум сказал, что надо переключиться — Кети должна переключиться, хотела она того или нет. Ну а для меня у Каллума имелись другие средства управления. Моя многолетняя защита от притяжения стаи, возможно, некоторым образом притупила сверхъестественное влияние Каллума на меня, но он все-таки мог влиять на меня и как человек, и я не могла отрицать правду, которая была в его словах. Каллум не хотел, чтобы со мной что-то случилось, и у него не было никаких сомнений в том, как надо действовать, чтобы обеспечить мою безопасность. Он заботился обо мне.

Каллум протянул руку и провел ею по моим волосам — тем же самым движением, каким Девон прикасался к Кети. Тем временем маленькая принцесса, удобно устроившись в своем младенческом теле, начала молотить своими маленькими младенческими ручками и испустила вопль, достойный оперной банши. Должна отдать должное — дитя неплохо разбиралось в том, как нужно орать. Я прямо-таки волчий вой услышала за этими рыданиями.

Кейтлин — а сейчас конечно же Кейт — очень не нравились ограничения. Ни в виде



приказов, которым она должна была повиноваться, ни в виде конечностей, которые не выполняли того, что им приказывалось, ни в виде кожи, которая упорно отказывалась даже самым маленьким кусочком походить на мех.

— Их Королевское Высочество недовольны, — сказала я Каллуму, переводя вопли малышки Кети в слова.

Он повертел ее в руках, погугукал, похлопал по попке, поговорил с ней на смеси языков, которых я не знала и не могла понять — за исключением того факта, что когда-то давным-давно он, что очень возможно, говорил мне то же самое. Кети всеми силами не желала успокаиваться, но вскоре вопли перешли во всхлипывания, а потом в редкое шмыганье носом. Каллум, со знанием дела, передел ее в чистую одежду, поскольку в процессе переключения ползунки и пинетки были уничтожены. Близнецы уже носили одежду, которая предназначалась для детей постарше, и Кети, с ее склонностью проводить время в животном облике — в котором взросление происходило быстрее, — развивалась даже быстрее, чем Алекс.

Я никогда не осознавала, как быстро росли обры в этом нежном возрасте. За все то время, что я жила в стае, дети у нас живыми рождались один или два раза, а с их семьями я не была близка. Я знала, что Девон всегда выглядел года на два старше меня, даже несмотря на то что мы были с ним одного возраста, но чем старше мы становились, тем более естественным становилось это различие. Шестинедельный младенец, выглядевший как шестимесячный — это было более неестественно, чем не достигший шестнадцати лет подросток, который вполне мог сойти за двадцатилетнего юношу. При таких условиях дети Эли очень ненадолго останутся детьми.

По какой-то непонятной причине эта мысль, пришедшая мне в голову, заставила меня снова взглянуть на Каллума, и мне захотелось узнать, понимал ли он, что внутри я менялась даже быстрее, чем близнецы менялись снаружи. Мне казалось, что он это знал — так было всегда. Тяжелая печаль его глаз, когда он оглядывался на меня, светилась чем-то похожим на предчувствие. Во взгляде Каллума я видела отражение своего собственного осознания того, что я на полной скорости неслась к зрелости и что следующие слова, которые произнесут мои губы, — это будет мой первый прыжок с разбегом в этом направлении.

Тот прыжок, который еще пять минут назад я бы всеми силами пыталась не сделать.

— Мне нужно зарегистрировать просьбу на получение разрешения, — сказала я, пользуясь официально утвержденной формулировкой для обращения к альфе — как один из членов его стаи. На этот раз мне все нужно было сделать правильно. Каллум, с ничего не выражавшим лицом, уложил Кети в колыбель и кивнул Девону, который немедленно вышел из комнаты.

Мой желудок перевернулся от страха перед тем, что Каллум может отказать мне, но я заставила себя стать прямо, чтобы так же, как и он, следовать протоколу тютелька в тютельку.

— Ваша просьба зарегистрирована. Определите условия разрешений, которые вам требуются.

Внезапно я осознала, что я находилась в комнате наедине с Каллумом — альфой, а не с Каллумом, который ругал меня из-за алгебры. Мое сердце забилося быстрее, а разум снова и снова обращался к зверю внутри него, а оттуда — к тому, что мог натворить волк, обладавший такой силой, как Каллум, если вы испытывали его ярость, а он этому не противился.

— Мне нужно встретиться с Чейзом, — сказала я голосом тихим, но твердым. — Я прошу разрешения навестить его — под сторонним наблюдением. — Где-то в этот момент я начала терять довольно слабый контроль над собой, на который так надеялась. — Я сделаю все, что ты скажешь, выполню все правила, которые ты прикажешь мне выполнить, мне нужно увидеть его.

Каллум посмотрел на меня, потом в меня — его глаза были холодными и пронзительными. Его бесстрастное лицо дрогнуло на долю секунды, когда я добровольно пообещала ему выполнять правила — случай совершенно беспрецедентный, который, по всей видимости, больше никогда не предоставится.

Где-то так вечности через две с половиной Каллум, наконец, кивнул:

— Я удовлетворяю твою просьбу — с условием, что это будет исполнено до начала следующего полнолуния.

Сама мысль о том, что мне нужно будет прождать хоть на одну секунду дольше, чем нужно, была мне ненавистна, но я не собиралась спорить или что-нибудь выпрашивать.

— Спасибо, — сказала я, склонив голову — я видела, что так раньше делали другие обры. Каллум сделал шаг вперед, притянул меня к себе и обнял. И провел рукой по моим волосам, точно так же, как он делал тогда, когда мне было четыре года и я искала у него утешения, содрав кожу на коленках. В этот момент какая-то часть меня не хотела встречаться с Чейзом, потому что я не хотела вспоминать о том, что находилось за пределами «здесь и сейчас», где я была в безопасности, где меня любили и где я была частью чего-то большего, чем я сама.

Но другая часть меня знала, что это не мой выбор, потому что в мире существовали плохие люди, которые делали плохие вещи — даже по отношению к детям, — а я была не такой, чтобы стоять в сторонке и притворяться, что их не существует.

Если на нашей территории находился Бешеный, мне нужно было это знать.

# Глава СЕДЬМАЯ

Следующее полнолуние выпадало на воскресенье, на самую середину апреля. Даже несмотря на то что мне казалось, будто я ждала целую вечность, когда ответственный день наконец-то наступил, тонкая веревка ужаса обвилась вокруг моей шеи, как петля висельника. Становясь взрослой, в день накануне полнолуния я обычно изображала приступ кишечного гриппа. У меня начинались позывы к рвоте, я стонала и смешивала тайные отвары подходящей густоты — чтобы можно было вылить их в унитаз с таким шумом, как будто меня, бедную, просто выворачивало наизнанку. Эли обычно на обман не поддавалась, но иногда разрешала мне остаться дома и не ходить в школу. Я всегда думала, что ее это тоже тревожило — смотреть, как с них по кускам сваливаются человеческие фасады, а день тем временем медленно-медленно тянется. Я тысячу раз видела, как обры переключались, но когда всходила полная луна, это было совсем по-другому. Даже в своих человеческих формах они выделяли неестественную энергию, адреналин и гормоны буйствовали внутри их тел, определяя, в кого они превратятся — в любовника или воина. Они колебались от одного конца спектра к другому, огрызались и ласкались и просто доводили любого человека до сумасшествия своей непредсказуемой биполярностью.

От страсти к луне они ловили кайф даже без наркотиков.

Каллум, наверное, решил заставить меня дожидаться полнолуния, чтобы узнать об условиях моей встречи с Чейзом — он надеялся, что я скорее откажусь от своей просьбы, чем рискну сунуться напрямую в пасть зверя в самый нелюбимый мною день месяца.

Но даже несмотря на то что ужас охватывал меня с каждой секундой все сильнее, а желудок переворачивался внутри, я не отступала. И сегодня фальшивой блевоты не будет.

— Приготовить тебе что-нибудь на завтрак? — Эли отодвинула от стола кухонный стул — был у нее такой хитрый способ сообщить мне, что я буду завтракать, хочу я этого, или нет.

Я решила начать препираться — желудок у меня скрутило так, что сама мысль о том, что мне нужно будет запихнуть в него какую-нибудь еду, казалась мне весьма опрометчивой. Но выражение лица говорило, что она, скорее всего, из-за близнецов встала очень поздно и не намеревается тратить время на запугивание меня страхом Божьим (и лишенных сна матерей), если я начну артачиться.

— Кашку? — спросила я.

Две минуты спустя, как по волшебству, передо мной на столе появилась тарелка с кашей, Эли села на стул и стала наблюдать за тем, как я размешиваю кашу, перед тем как отправить очередную ложку в рот.

— Каллум сказал, что ты просила разрешения... — Легкомысленный тон подвел Эли, выдав тот факт, что она знала об этом уже давно, но только сейчас решила высказаться. — Чтобы навестить того нового мальчишку... Чейза...

Я пожала плечами и сунула в рот еще одну ложку каши. В знак протеста мой желудок сжался.

— Ты раньше никогда не играла по их правилам, — продолжила Эли, наклонилась, выловила у меня из тарелки кусочек банана и сунула себе в рот. — Ты не спрашиваешь разрешения, не признаешь над собой ничьей власти, и еще до того, как пошла в детский сад, ты так тянула одеяло на себя, что мне казалось, что ты его порвешь.

Она еще раз залезла пальцами в мою кашу, и я подтолкнула тарелку к ней:

— Валяй. Я не голодна.

Эли толкнула тарелку обратно ко мне и наклонила голову в мою сторону:

— Ешь.

Я снова взялась за еду. Эли наблюдала за мной, и я наконец поняла — она ждала, что я скажу что-нибудь.

— Не знаю, что ты хочешь от меня услышать.

— Я хочу понять, как это так получается — девочка, которой по жизни не подалось ни одного правила, которое она бы не нарушила, вдруг по своей воле согласилась предоставить *местному патриарху* абсолютное право выставить для нее же все возможные ограничения.

— Патриарх? Да брось! Это Каллум.

— Ты сказала, не я. И ты к тому же уклоняешься от ответа.

Дело в том, что, когда я спрашивала разрешения, Каллум был вынужден взаимодействовать со мной на официальном уровне. Я отобрала у него право выражать приказы в виде просьб и обратилась к нему в качестве члена его стаи, а не сама по себе. Это был громадный риск, потому что, если бы он отказал мне в просьбе, а я все равно пошла встретиться с Чейзом, я бы тогда нарушила Законы Стаи и подставила себя под удар Правосудия Стаи.

Но Каллум не отказал мне. Он согласился с моей просьбой, и поэтому, какие бы условия он ни навязывал мне сегодня, я буду им подчиняться.

— Мне нужно было увидеться с Чейзом, и это была единственная возможность. — Я отвернулась от Эли, но краем глаза продолжала наблюдать за ней. — Я никогда бы не смогла оказаться рядом с домом Каллума сама по себе, особенно после того случая. По крайней мере, таким образом я смогу увидеться с Чейзом...

За нашей встречей будут наблюдать, и она произойдет на условиях, выставленных Каллумом, какими бы они ни были. Но к тому времени, когда все закончится, у меня будут ответы. Или, возможно, еще больше вопросов.

У меня будет хоть *что-то*, и это будет бесконечно больше, чем есть у меня сейчас.

— Но почему именно этот мальчишка, Брин? Зачем тебе встречаться с кем-то, кто скорее съест твоего теленка, чем посмотрит тебе в глаза? Что он вообще может тебе предложить?

Ничего себе! Эли звучала подозрительно античейзовски. Она вообще никогда не была против кого бы то ни было. Я так ей и сказала, а она в ответ лишь пожала плечами.

— Кейси ему не доверяет.

— Кейси никому не доверяет, — усмехнулась я. — Он типичный параноик. Ну, в смысле, послушай, ведь это он тот самый оборотень, который установил в детской комнате веб-камеру для наблюдения за няней. — И, чтобы придать словам особое значение, я направила ложку на Эли. — *Камеру наблюдения за няней*).

Как будто кто-нибудь собирался навредить Кейтлин или Алексу. Самое худшее, о чем Кейси должен был беспокоиться, это была я, рассказывающая близнецам о вещах, которые они не смогут понять до тех пор, пока не станут использовать вербальную коммуникацию как минимум в течение двух лет, но я знала, (а) где находится камера наблюдения и (б) как ее отключить. Отцовство превратило мужа Эли в футбольную мамочку<sup>[15]</sup> из пригорода.

— Забудь о Кейси, Брин, и обещай мне, что будешь очень осторожной. Каллум — это не Каллум, когда он альфа. И ни один из Стаи так не опасен, как он.

И это Эли говорила о нашей семье. О Каллуме. Девоне. Кейси, Соре и Лэнсе. О моих одноклассниках. О близнецах.

— Я буду очень осторожной.

По тому, как Эли взглянула на меня, было понятно, что она не очень-то мне верит. Как обидно!

— Я умею быть осторожной, — повторила я несколько раздраженно.

— Брин, когда тебе было шесть лет, ты попыталась совершить банджи-джамп <sup>[16]</sup> со шведской стенки, привязав лямки своего комбинезона к верхней перекладине шнурками от ботинок. Осторожность никогда не была твоим сильным местом.

— И однако я из всего этого выбиралась без единой царапины, — победно улыбнулась я.

Эли пристально посмотрела на меня.

— Да, ты оставалась в живых, — согласилась она неохотно. — Тебе очень везло, Брин. Но это не значит, что нужно снова искушать судьбу.

Я ответила на пристальный взгляд Эли твердым взглядом, одним из своих фирменных.

— Ты слишком сильно беспокоишься.

— Я твоя мать. Это моя работа.

Раздавшийся сверху вопль, нечто среднее между сиреной «скорой помощи» и воем банши, возвестил нам о том, что, по крайней мере, один из близнецов проснулся и был готов к новому дню. Еще несколько секунд Эли продолжала сидеть, глядя на меня, потом вздохнула:

— Обещай мне, что ты не наделаешь глупостей.

Эли встала, взяла мою пустую тарелку и поставила ее в раковину.

— Обещаю, что никаких глупостей я не наделаю, — улыбнулась я. — Я знаю, что я делаю. — Ну, вроде того. — Я должна это сделать, Эли. И я очень стараюсь сделать это так, как надо.

Эли кивнула, и, проходя мимо к лестнице на второй этаж, чмокнула меня в щеку:

— Делай то, что ты должна делать, Брин. Просто вернись домой целой и невредимой.

Эти слова были не так чтобы очень успокаивающие, и на какую-то самую малую долю секунды я решила сдаться. Отозвать свою просьбу. Поддаться искусным планам Эли и Каллума убедить меня в том, что это был не тот путь, по которому мне стоило следовать.

А потом я тихо выругалась, встала и поблагодарила свою счастливую звезду за то, что Эли не обладала суперслухом. Близнецы же, напротив, слышали мой обидный эпитет, но конечно же не поняли, что он значил и что мне не позволено было так выражаться. И я надеялась, что они не станут этого повторять, потому что это стало бы не самой замечательной записью в их детских больничных картах, в разделе «Первые слова».

— Я сейчас ухожу, Эли. Вернусь домой...

Я было начала говорить, что вернусь скоро, но на самом деле я понятия не имела, когда снова окажусь дома. Потому что я не представляла, о чем Каллум попросит меня в обмен на разрешение встретиться с Чейзом. Это могло занять весь день, всю ночь или целую неделю...

И чем бы это ни было и о чем бы Каллум меня ни попросил, я знала, что скажу ему «да».

Каллума я встретила на полпути между домом Эли и его домом, в том месте, где

деревья поредели и полукругом выступала ровная поляна. Сегодня ночью, как только на небе возникает полная луна, вся наша стая выплеснется в лес. Дом Каллума находился в том месте, где Стая решала свои человеческие дела. А здесь ее члены были волками, и я старалась обходить стороной этот кусок земли — точно так же, как я сторонилась схваток за лидерство, грубых нотаций и оборотней вроде Маркуса, которые предпочли бы увидеть меня мертвой, чем признанной своим альфой.

— Брин! — Каллум слегка улыбнулся. А потом без предупреждения напал на меня.

Резкий бросок — и вот Каллум уже вцепился в меня, и его нога делает подсечку. Оглушенная, я инстинктивно изогнулась и наклонилась к земле.

Если вам надо упасть, то самым разумным для вас будет контролировать это действие. Используя инерцию удара, я кувырком вышла из падения и, вместо того чтобы распластаться на земле, вскочила на ноги, плотно прижав к груди еще не сжатые в кулаки руки. Автоматически просканировала место, на котором мы стояли, — нет ли какого оружия для защиты? Какой-нибудь ямы, в которую я могу бросить своего врага? Камня, которым смогу раскроить ему череп? Или какой-нибудь палки, достаточно крепкой, чтобы я, законтачив с Баффи,<sup>[17]</sup> сделала этакий выпад в самое сердце, который гарантированно рассердит любого обра, но может также немного сдержать его, а у меня появится возможность подпрыгнуть куда-нибудь повыше?

Ничего не было.

Все это произошло в какую-то долю секунды, даже еще быстрее. Если бы я мыслила рационально, я бы сообразила: будь тут оборотень или нет, по делу это было или нет, но ведь это же был Каллум, и он напал на меня по какой-то серьезной причине. Я могла бы заметить, что хоть он и набросился на меня со всего маху, но все-таки не во всю силу, так, на четверть где-то. Или еще меньше.

Но я не заметила.

Когда человек сражается с обром, у него нет возможности все детально обдумать. Вы зависаете в медленном движении против врага, который движется так быстро, что ваши глаза не могут уследить за его движениями. У вас нет времени подумать. У вас нет времени даже на то, чтобы среагировать. Вы должны всё предвидеть. Вы должны быть ко всему готовы. Вы должны реагировать на вещи, которые ваш противник еще не сделал, но обязательно сделает.

И вам очень нужна удача.

*Тебе очень везло, Брин. Но это не значит, что снова нужно искушать свою судьбу.*

Может быть, Эли смотрела на вещи по-другому, но в этот самый момент я готова была поклясться, что я точно судьбу не искушала. Скорее судьба давила на меня.

Каллум сделал ложный выпад влево, но я уже двигалась в другом направлении, отклоняясь назад, и когда он выбросил руку вперед, чтобы ударом свалить меня на землю, я уже подпрыгнула вверх. От его удара я едва не потеряла равновесие, но все-таки умудрилась ухватиться за толстую ветку, и, сделав переворот через голову — правда, несколько неуклюже, — встала на нее.

Пусть обры были быстрыми, сильными, ловкими, просто непобедимыми — как иногда казалось, — но лазать по деревьям у них получалось как-то не очень. Их кости плотнее, чем у людей, и нет у них умения держать равновесие. Ростом Каллум был чуть ниже шести футов,<sup>[18]</sup> но он был очень мускулистым, к тому же мужского пола и намного тяжелее меня, так что это дерево точно не выдержало бы его веса.

По правде говоря, у меня не было никаких гарантий, что дерево выдержит и меня, если я простою на нем подольше, но что есть, то есть. Не может пирожное привередничать из-за того, какими методами воспользоваться, чтобы его не съели.

— Ты стала быстрее, — сказал Каллум, — только нужно внимательнее смотреть на то, что тебя окружает. — С этими словами он растворился в очередном рывке и, метнувшись к лежащему рядом камню, оттолкнулся от него и полетел в мою сторону.

Этакий летящий оборотень, нацеленный на меня, как ракета. Штука не самая приятная. — *Бамссс!* — Каллум сшиб меня с насеста.

Я сгруппировалась перед контактом с поверхностью земли, но в самую последнюю секунду Каллум извернулся и упал между мной и землей, смягчив мое падение.

В благодарность за передышку я, тем не менее, не преминула садануть локтем ему в живот, потом кувырком вперед через голову вырвалась из его рук и швырнула ему в голову камнем, даже не осознав того, каким образом это оружие попало мне в руки.

Каллум поймал камень и улыбнулся:

— Хорошая девочка.

Его тело расслабилось, поза стала совсем другой, и это послужило для меня сигналом — взаимные приветствия закончилась.

— Прости, если я так скептически к этому отношусь, — сказала я, и, как по волшебству, в моих руках оказалось еще несколько камней.

— Я не простил бы тебя, если бы ты так к этому не относилась, — улыбнулся Каллум, и, двигаясь со скоростью, которая была бы невероятной для человека, но была весьма обычной для обра, он полностью разоружил меня и пощекотал за ушком. — Ты сильная и умная девочка, Брин, но этого мало. Ты ленишься на тренировках.

Когда он говорил «ленишься», он обычно имел в виду, что «с восхода солнца и в течение всего дня ты не выпрыгиваешь из штанов, отрабатывая каты <sup>[19]</sup> и движения самозащиты, и не носишься по стадиону кругами, как будто готовишься к соревнованиям по триатлону».

— Если хочешь увидеть этого мальчишку, занимайся лучше, — добавил Каллум.

Вот оно, первое условие. Мне очень хотелось знать, было ли нападение Каллума на меня просто проверкой, да и было ли что-нибудь, что могло бы убедить его в моей готовности к встрече с Чейзом. Или он просто использовал мою добрую волю подчиниться его желаниям в качестве оправдания для еще какой-нибудь хитрой задумки в своем очередном гениальном плане.

И если следующим условием Каллума будет — стать асом в алгебре, то это вызовет у меня серьезные подозрения.

— Я сделаю все, что нужно будет сделать. — Я посмотрела на Каллума с видом, который, как я надеялась, должен был выразить: «Ты знаешь, что я имею в виду» — правда, с оттенком: «Не шути со мной».

— Ты встретишься с Чейзом тогда, когда сможешь убедить меня в том, что сможешь защитить себя, если что-то пойдет не так. А пока я надеюсь, что ты удвоишь нагрузки на тренировках и начнешь спарринговать с партнерами, которых я сам буду для тебя выбирать на регулярной основе.

Эта идея — драться с кем-то, кроме Каллума, меня не очень вдохновила. Я конечно же совру, если скажу, что больше ни с кем не дралась, конечно же дралась — так, изредка надирала жопу слишком раздражительным и жадным представителям рода человеческого.

Но драться с кем-нибудь из обров — я что, полная идиотка?

Кроме Каллума было всего несколько других членов Стаи, с которыми я вступала в схватку вроде как для практики, и я пыталась не думать о том, как это будет на самом деле — когда я начну биться с кем-то, кому я доверяла меньше, чем Каллуму.

— Считай, что это уже сделано, — сказала я громко. — Что еще?

Мы почти не использовали формальный язык разрешений и условий, но оба уже были в довольно сильном напряжении: Каллум из-за того, что спарринговать под воздействием полной луны — это вам не прогулки в парке, а я — потому что от спарринга с оборотнем, входившим в раж в полнолуние, у меня мурашки по спине бегали.

*Выходи, выходи давай, никуда от меня не денешься...*

— Вдобавок к увеличению нагрузок на тренировках у меня есть еще четыре условия, сославшись на которые ты можешь получить разрешение встретиться с Чейзом...

Каллум стал говорить как альфа, и я заметила, как заформализованность его речи стала выстраивать барьер между нами.

— Я готова выслушать ваши условия, альфа.

Мои слова, точь-в-точь такие же заформализованные, как и его, только укрепили стену, которая разделяла нас, и если бы это не было столь важным для меня, то я бы просто сдалась. Лишиться поддержки Каллума, хотя бы даже на одну секунду, было хуже, чем выполнить любое из условий, которое он мог выставить.

Так, по крайней мере, я тогда думала.

— Как только я сочту, что ты готова к посещению... или посещениям, последовательность и количество которых будут мной установлены, я выберу трех членов стаи, которые будут сопровождать тебя.

Сопровождать... или охранять? Это было так похоже на Каллума — настаивать на том, чтобы я сдохла на тренировках, отрабатывая защитные удары, которыми он даже не намеревался позволять мне пользоваться.

— Ты не встретишься с Чейзом, если при этой встрече не будут присутствовать по меньшей мере три члена Стаи, и на всем протяжении встречи ты будешь подчиняться им во всем.

Подчиняться. Я ненавидела это слово. Я ненавидела все, что оно выражало, и в тот момент я ненавидела Каллума за то, что он навязывал его мне. От одной мысли о том, что трое наугад выбранных обров будут диктовать мне, что делать, а я буду подчиняться им во всем беспрекословно, мне захотелось заблевать все вокруг.

— Ты выберешь членов Стаи, которым я должна буду подчиняться, — сказала я, по-новому сформулировав произнесенные им слова.

Каллум не ответил на вопрос, прозвучавший в моем голосе, и не сказал ничего, что могло бы смягчить мою неприязнь. Вместо этого он просто стоял там и смотрел на меня с другой стороны невидимой стены, разделявшей нас.

— Я согласна с твоим условием, альфа, — сказала я, еле выдавливая из себя слова.

— Мое следующее условие... — начал Каллум и посмотрел на меня очень серьезно. — Наверное, оно тебе не понравится, Брин, девочка моя.

Ну вот! Быть «Брин, девочка моя» было во много раз хуже, чем быть Бронвин. Когда я была Бронвин, это значило, что я попала в беду, но когда я была «Брин, девочка моя» — это значило, что Каллум прикрыл меня от, возможно, смертельного удара. В последний раз это было тогда, когда кто-то из Стаи случайно сожрал раненого кролика, которого я выходила и



вернула к жизни.

Я ждала, когда Каллум скажет что-нибудь еще, стараясь своим видом не показать, какое впечатление его слова произвели на меня.

— На время действия разрешения, — продолжил Каллум, и я поняла, что это значило — с начала моих интенсивных тренировок и до окончания моей последней встречи с Чейзом, — ты признаешь стаю. Связь с ней, — уточнил он.

Принятие меня в стаю — Каллум предпринимал кое-какие шаги по легализации меня в мире людей — это значило гораздо больше, чем просто слова, написанные на листе бумаги. Я пахла Стаей. Я жила так, как жила Стая. И если бы я это себе позволила, я бы *чувствовала* себя Стаей. Я была бы связана с ними так же, как каждый из них был связан друг с другом — сверхъестественно, физически, инстинктивно.

Я выругалась. Каллум ждал.

Он думал, что я отступлю. Он не мог вообразить, что ради того, чтобы увидеть Чейза, я откажусь от самой себя — и только себя — на какое угодно время. Каллум не понимал того, что мне было неинтересно встретиться с Чейзом-мальчишкой или даже Чейзом-оборотнем. Мне нужно было встретиться с Чейзом-преследуемым. Мне это было нужно, потому что без этого я не могла стать несовершенной.

Мне нужны были мои воспоминания. Мне хотелось знать, как это было у Чейза, чтобы я могла понять, как это могло бы быть у меня. И еще мне нужно было знать, есть ли Бешеный на нашей территории. Потому что, если он был, единственной возможностью для меня когда-нибудь на самом деле стать самой собой станет возможность узнать, что он мертв и что он заплатил за то, что сделал с Чейзом. Как кто-то однажды сделал с моей семьей.

Чейз выжил. Мои родители — нет.

— Я согласна с этим условием, альфа.

Каллум вздрогнул — это было заметно. И если это было продолжением борьбы между нами, я могла чувствовать себя победительницей.

— Хорошо. — Каллум не предполагал, что все пойдет так далеко. А может быть, и предполагал, но просто очень надеялся на другой исход.

— Мое предпоследнее условие — для того чтобы это взаимодействие приобрело официальный статус, ты примешь мои условия на глазах у всей Стаи на нашей встрече при лунном свете, сегодня вечером.

— Я согласна.

— Я еще не закончил, Брин. Ты должна будешь остаться на переключение. И ты будешь должна бежать вместе со всей Стаей.

Люди не бегали вместе со стаей.

— Ведь ты понимаешь, что это требование не совсем нормальное, так ведь? — спросила я.

Обры охраняли свой дар, когда переключались. Почти всегда.

— Я буду держать Стаю под контролем, Брин. Ты не можешь встречаться с этим мальчишкой, если будешь бояться его. Я работал с ним почти каждый день, и его самоконтроль быстро прогрессирует. Но он еще слишком молод, чтобы сдержаться, когда почует твой страх. Сегодня ночью ты побежишь вместе со всей Стаей, и ты будешь продолжать делать это до тех пор, пока связь не укрепитя настолько, что не останется места твоему страху.

Я, конечно, слышала о психиатрах, которые, излечивая фобии своих пациентов,

заставляли людей совать руку в змеиные ямы, но это было совсем уж нелепо.

— Эта связь защитит тебя, Брин. Как только ты обнаружишь ее, никто другой больше не станет смотреть на тебя как на человека. Ты — часть Стаи, и ты будешь бежать со Стаей. — Каллум улыбнулся, и его губы поползли вверх — так, самую малость. — Думаю, тебе это понравится, если ты только не вернешься, чтобы убить меня за это.

— И какое последнее условие?

С этим я не соглашусь, пока не узнаю, что Каллум припас для меня напоследок. Откуда мне знать, может быть, он потребует, чтобы я отрубила себе ногу. Вроде как если я не смогу сохранить самообладания, как единственный одноногий человек среди четырехлапых оборотней, то я, значит, не смогу поговорить с оборотнем-подростком, запертым в стальной клетке.

— Последнее условие я сообщу тебе сегодня ночью.

Я заворчала на Каллума, находя удовлетворение в том, что из моего горла вырвался нечеловеческий рык.

— Большинство членов Стаи не будут заранее предупреждены о любом из этих условий, — сказал Каллум, потом протянул руку и убрал мне за ухо прядь волос.

Этого простого жеста было вполне достаточно, чтобы преграда, разделявшая нас, мгновенно рухнула.

— Ты специально это делаешь, — усмехнулась я. — Ты пытаешься мучить меня — все еще злишься на то, что я смогла оторваться от охранников, пробраться в твой дом и увидеть таинственного мальчишку из подвала.

— Я делаю это, — поправил он, — потому что ты моя.

Его!

Оборотни! Вечно их мучает эта тема обладания. Иногда мне кажется, что у родителей — даже у людей — все точно также. И наше поведение отражается *на них*. Они хотят для тебя самого лучшего, потому что ты — *их*. То, что считается нормальным для детей других людей, совершенно исключено для вас, и совсем не важно, сколько вам сейчас лет или как далеко вы смогли убежать, — изменить то, откуда пришли, вы не можете.

— Ты это делаешь потому, что ты полный отстой.

Каллум мило улыбнулся и стал похож на мальчишку, а не на тысячелетнего обра.

— Именно так мне говорили, Брин. Именно так.

# Глава ВОСЬМАЯ

К ночи на встрече обров было больше, чем учеников у меня в школе, — вот что значит жить в маленьком городе в самом сердце самой большой территории оборотней. Я знала каждого по имени, несмотря на то что многие приезжали из других городов — рутинная поездка туда и обратно, которую они совершали регулярно, как по часам, один раз в двадцать девять дней. Территория Каллума простиралась от Канзаса до Монтаны, и хотя большинство обров тянулись к своему альфе, несколько волков Каллума предпочитали иметь периферийный статус, проживая на самых дальних окраинах нашей территории, подальше от Арк Вэлли и остальной Стаи. Из этих окраинных только двое не появлялись на сборище, и их регулярное отсутствие продолжалось столько, сколько позволял Каллум.

Лично мне бы очень хотелось, чтобы драгоценнейший альфа потребовал их присутствия сегодня ночью. Кроме Девона, у меня в Стае был еще один друг. Ее звали Лейк, мы были одного возраста, и она со своим отцом каждое лето проводила в Арк Вэлли, когда мы были маленькими. Лейк была одной из самок-оборотней нашей стаи и одной из самых справедливых личностей, которых мне довелось встретить. Я желала только одного — чтобы она и ее отец приехали с окраин нашей территории на сегодняшнее ночное сборище. Чистокровный оборотень или нет, но одного Дева было явно недостаточно, чтобы нейтрализовать тех членов нашей мохнатой семьи, которые испытывали не самые теплые чувства по отношению к человеческой девчонке, находившейся среди них.

— Нет ничего постыдного в том, чтобы развернуться и свалить отсюда по-быстрому, — сказал мне Девон. — Я бы на самом деле очень это рекомендовал.

Девону всегда удавалось меня успокоить, но на этот раз я едва смогла выдавить из себя улыбку. С другого края толпы ко мне начал медленно двигаться Каллум, и я почувствовала, как песчинки начали медленно падать в песочных часах и каждая как будто била меня в живот, напоминая о том, что мое время на исходе.

Не говоря ни слова, Каллум положил мне руку на затылок, и, хотя выглядело это как успокоительный жест, от физического контакта с альфой все волосы у меня на руках встали дыбом и зашевелились один за другим.

Обычная девочка энергетiku этого места почувствовала бы как нормальный избыток адреналина, так бывает в раздевалке перед ответственным матчем или в кабинете математики перед началом экзамена. Но я знала, в чем дело. Это был не адреналин. Это было что-то противоестественное.

Это была чистая, неразбавленная животная энергия, и в тот момент, когда я установлю связь со стаей и присоединюсь к групповой ментальности, это не будет ни странным ощущением у меня на коже, ни статическим электричеством на волосках моих рук.

Это будет внутри меня, и я растворюсь в этом так же, как остальные члены Стаи.

Рука Каллума чуть крепче сжала мой затылок, и я испугалась, не выдало ли выражение моего лица то, о чем я подумала. Через несколько минут это станет ясно всем, но не в словах — в *ощущениях*, и эта связь позволит моим эмоциям слиться с эмоциями окружающих.

Вскоре Каллум и я стояли в самом центре. Сора, Кейси и Лэнс находились ко мне ближе всех, Маркус стоял у меня за спиной — скорее всего, по приказу Каллума, от которого я не могла оторвать глаз.

— Привет вам, братья!

Если Соре и не понравилось, что приветствие Каллума не было гендерно-нейтральным, она этого не показала. Что касается меня, то я чувствовала себя несколько, как бы поточнее выразиться, лишенной гражданских прав. Что уж говорить о том, что я пребывала в явном меньшинстве. На этой опушке нас было явно около сотни, и только холеная, сдержанная Сора и я были единственными особями женского пола.

А я была единственным человеком.

Один оборотень опасен. Целая стая была нестигаемой силой, непобедимой армией.

Меня превосходили численностью, я была безоружной, слабой и измученной. Именно в таком порядке.

— Привет! — в унисон проворчала Стая в ответ Каллуму, но я почти не расслышала звуков в их ответе. Это было нечто вроде мелодии — нечеловеческий, мелодичный тон, который звучал скорее как гудение энергии, чем как что-то, напоминавшее приветствие.

— Одному из нас потребовался наш совет, — сказал Каллум. — Бронвин, дочь Эли, наши уши слушают тебя.

Хоть он и следовал протоколу абсолютно, эти слова совсем не походили на те, которые обры слышали раньше. Во-первых, сам факт того, что я была дочерью. И тот факт, что моя фамильная принадлежность устанавливалась по имени матери. И еще то, что всем было известно, что Эли не рожала меня — я была сиротой.

И что я не всегда была одной из них.

Знакомый звук лопнувшего пузыря заставил меня оглянуться через левое плечо, в сторону охранника Каллума, и я увидела, что Кейси был не единственный, кто присутствовал здесь из моих домашних. Близнецы тоже присутствовали — два младенца среди толпы самцов. Крепкий обр, в котором я узнала одного из коллег Кейси, нежно укачивал близнецов в своих мускулистых руках.

Ну, по крайней мере, я не была в полном одиночестве. Хотя после недолгого размышления я уже не была уверена, являлось ли это облегчением или нет. Моими союзниками в этом круге были слегка повернутый на моде мальчишка-подросток, свято веривший в великую силу киномузиков, и два младенца, одетые в рубашки с маленькими желтыми и синими уточками.

Ну чем не армия!

*Брин.* Где-то на краю подсознания я почувствовала еле заметное движение — даже не слово, а какое-то легкое напоминание о нем, — толкавшееся в доставшуюся мне нелегким трудом психическую защиту.

Точно. Их уши слышали меня. И мне полагалось начать говорить.

— Я, Бронвин, дочь Эли, прошу у стаи позволения поговорить с Чейзом Выжившим.

Поскольку фамильных связей у Чейза не было, этот титул казался вполне подходящим, и мне даже показалось, что я увидела частицу понимания во взгляде Каллума, нечто, что сказало мне, что он понял больше, чем я ожидала от него относительно моей увлеченности мальчишкой, который мог убить меня так же легко, как и рассказать всю правду.

— Являясь альфой Стаи Стоун Ривер, от имени братьев моих говорю тебе, что я даю тебе разрешение на следующих условиях.

Я была готова услышать это и странным образом осознала, что благодарна Каллуму за то, что я — его и что он уже достаточно серьезно нарушил протокол, чтобы предупредить меня. Потом я подтвердила то, о чем он уже говорил раньше: о том, что я буду подчиняться

сопровождающим меня на этих встречах, и о том, что сделаю достоянием всех свою связь со Стаей до завершения всех этих дел, и о том, как побегу с ними сегодня ночью.

А потом Каллум сообщил мне свое последнее требование:

— В обмен на эту услугу ты на следующие пять месяцев откажешься от любых встреч, в которых будет принимать участие Североамериканский сенат.

Это было... неожиданно. Все остальные требования Каллума имели отношение ко мне, делая меня еще в большей мере частью Стаи, а это отталкивало меня прочь от нее. Сенат на регулярной основе не созывался, и, если сказать честно, у меня не было никакого желания находиться там же, где были его члены. Узы, связывавшие меня с Каллумом, связывали меня и со Стаей, и от этого я пахла Стоун Ривер — и Каллумом — для других обрвов. Но я не была связана ни с одним другим альфой из Сената. Рядом с ними я не чувствовала себя в безопасности, и бюрократическая фальшь, окружавшая Сенат, совсем не помогала скрывать то количество тестостерона, которое заставляло каждого из вожаков Стай испытывать свое доминирование на других. Они ввосьмером заключили джентльменское соглашение не бросать вызов друг другу. Но мне бы совсем не хотелось очутиться в одной комнате с самцами, почти такими же сильными, как Каллум, но которые не были связаны, как он, обязательством охранять меня.

— Я соглашаюсь с этим условием, альфа, — сказала я.

Что это было на лице Каллума — облегчение? Мой желудок скрутило, когда на его лице вновь появилась непроницаемая маска, и я на одну секунду засомневалась: может быть, он знал что-то еще, чего не знала я?

Каллум прекрасно понимал, что мне не стоило давать сомневаться слишком долго. Его голос снова загрохотал вокруг меня, холодный и спокойный, наполненный сдержанной силой, и я успокоилась. Теперь я видела только Каллума и слышала только его слова.

— Условия обговорены. Соглашение достигнуто и скреплено печатью.

Каллум сделал шаг ко мне и вонзил ногти мне в лопатку — неглубоко, недостаточно сильно для того, чтобы пошла кровь. Потому что сейчас это движение было просто показным, и власть оно выражало скорее символически, чем буквально. В ответ я склонила голову и, вытянув руку, впила ногтями в его тело, ставя свою печать на соглашение.

*Брин!*

Опять оно — толчок на самом краю души, и на этот раз я поняла, что напоминание это было не грубым ударом, приказывающим мне не расслабляться, а скорее легким толчком, направленным против моих оборонительных укреплений.

Тех оборонительных укреплений, которые я только что согласилась сдать.

Я закусила нижнюю губу и кивнула, потом закрыла глаза и бросила взгляд назад, на все, что я сделала за многие годы, чтобы закрыть себя от всех, защитить себя, стать самой собой. Рыдания застряли у меня в горле. Точно так же Каллум мог приказать мне снять с себя одежду и позволить всем этим самцам смотреть на стрип-шоу. Я буду унижена и уязвима. Голая во всех смыслах.

*Брин!* На этот раз эхо было успокаивающим, но гораздо более близким, скорее под кожей, чем на ней, и я вздрогнула и дернулась вперед.

Я собрала все, что в наивысшей степени было *мной*: тайны, которые я охраняла сильнее всего, мечты, которыми бы я ни с кем не поделилась. И сделала из них крохотный шарик и засунула его в самую глубину своей души, в то место, которое простиралось глубже слов, страхов или эмоций. Я запечатлела в памяти этот шарик — крошечную светящуюся сферу —

и пообещала себе, что его никто не тронет до тех пор, пока я не вернусь за ним, и что я в конце концов останусь самой собой.

И если Каллум видел то, что я делаю, его глаза цвета янтаря даже не намекнули на то, что он знает об этом, и я снова услышала его голос у себя внутри.

*Брин.*

Подчиняясь его гипнотическому зову, я снова вошла в лабиринт своего сознания, углубившись так далеко, насколько могла вспомнить, туда, где я в последний раз стояла перед собранием обров, четырехлетняя, повинующаяся указу Каллума смотреть на него, и только на него, и он пометил меня как принадлежащую ему. Двадцатиоднолетняя Эли стояла тогда рядом со мной, и мне стало интересно: чувствовала ли она себя тогда так, как я чувствую себя сейчас? И позволила бы она надругаться над собой ради меня?

А потом я подняла глаза на Каллума, так же как тогда, и сказала ему, каждой своей частичкой, что я — его. Что я — член Стаи. И что в первый раз с тех пор, как я научилась защищаться от подавляющей воли Стаи, я на самом деле была и их тоже.

Обновленное сознание приходило ко мне отовсюду, подобно приливной волне, сбивавшей с ног и тащившей за собой в море. Первым моим инстинктом было бороться с ним, убежать, воздвигнуть внутренние стены своего сознания в десять раз крепче, чем они были раньше, но они тянули меня к себе, мои собратья по Стае. Меня притягивали их разум, мысли, чувства и эмоции. Единство их душ. Их *волчность*. И хотя в душе у меня не было еще одного существа, которое бы отвечало им, тело мое находилось в полном неведении относительно этого. Мне нужно было быть с ними. Ближе к ним. Быть среди них.

Мне нужно было быть Стаей.

На каком-то уровне я понимала, что это самое трудное, самое отвратительное — когда выпускаешь их внутрь. У меня не было гарантии в том, что я когда-нибудь смогу освободиться от обров. Потому что я не могла гарантировать того, что мне когда-нибудь захочется это сделать. Жизнь, которой я жила, была не чем иным, как сенсорной депривацией\*.

Снова рука Каллума оказалась на моей шее, и я схватила ее.

*Безопасность. Тепло. Альфа.* Так сказала мне мое чувство стаи.

*Каллум. Здесь. Мой.* А потом, один за другим, подходили остальные обры. И возлагали на меня руку, нежно прикасаясь ко мне. Наверное, меня от этого бросало в дрожь. Мне следовало бы лекции читать о своем личном пространстве и о том, как я ненавижу, когда кто-нибудь его нарушает.

Совсем наоборот, я думала только о том, что впервые за миллион лет Каллум не был единственным человеком, с которым я чувствовала себя в безопасности. Он не был единственным, на которого я могла положиться в том, что он всегда защитит меня, спасет, позволит мне быть самой собой, даже если из-за этого у него возникнут серьезные проблемы.

Это была моя семья. Даже те, которых я не любила, даже те, которые желали мне смерти с того самого момента, как узнали меня, они были моими точно так же, как Кети и Алекс. Мы были частью друг друга, и пусть между нами не было любви — было что-то другое.

*Стая!*

Я чувствовала перемены еще до того, как замечала обров: наэлектризованность поверхности кожи и меняющийся мир внутри. Я могла чувствовать, как превращаюсь... не в волка, но в некое существо, которым я была в Стае. В дочь. Сестру. Силу природы.

Энергия обрвов текла во мне. Я не могла заставить свои человеческие конечности действовать с той же мощью, как действовали их, волчьи, но я к этому стремилась, и в первый раз за миллион лет это меня не пугало.

Каллум выгнул спину, и одним-единственным движением его человеческая форма растворилась. Превращение человека в волка было плавным, как вода, перелившаяся из чашки в лужицу на полу. Его мех был серым, с рыжеватым отливом. Он потянулся, упершись передними лапами в землю и задрав хвост, а потом выпрямился в полный рост.

В человеческом облике Каллум выглядел скорее как ковбой, чем как лайнбекер, [\[20\]](#) и был опасен только тогда, когда вы знали, какая сила скрывалась в нем. Но в обличье животного он трансформировался в нечто, от чего у вас перехватывало дыхание. Никто ни при каких обстоятельствах не принял бы Каллума за обычного волка. Он был громадный, и с волчьим оскалом на морде он смотрел прямо мне в глаза.

— *Agrrrruuuuuuuuuuuuu!*

От этого звука, который я могла бы классифицировать как нечто среднее между волчьим воем и соло Джастина Тимберлейка, [\[21\]](#) я волчком крутанулась назад. Девон! Он был крупнее, чем любой обычный обр, размером почти с Каллума, хотя еще не совсем вырос. Была в его движениях некая грация и легкость.

*Мой Девон.*

Он подпрыгнул и нежно опрокинул меня на спину, и мгновение спустя мы вдвоем уже кувыркались по земле, так, как мы делали когда-то, когда были совсем маленькими. Он не давал воли своим зубам и когтям, а я впивалась пальцами ему в брюхо, щекоча и царапая его, а когда он зарывался носом мне в волосы и тихо *фыркал*, вдыхая и выдыхая воздух рядом с моим ухом, я улыбалась.

Кейтлин сломя голову бросилась к нам, и я обняла ее и подняла на вытянутых руках ее щенячье тельце, а потом опустила и прижала к себе, зарывшись носом в ее мех. Она лизнула меня в лицо, и ее хвост яростно замолотил во все стороны, да так быстро, что все ее тело завибрировало.

— *Девчонка!* — казалось, говорила она. — *Сестра! Стая! Брин!*

Я позволила Кейтлин скакать по мне, пока она не потеряла равновесие и, перевернувшись через голову, свалилась на землю. Остальные волки подошли и, не произнося ни слова, встали рядом со мной, а Кети вскочила на лапы и с восторженным визгом бросилась ко мне, потащив за собой Александра. Пытаясь угнаться за сестрой, он связался в игру и, вцепившись зубами в штанину моих брюк, стал тянуть.

Кети была борцом, но Алекс — я инстинктивно это знала — хотел бегать.

*Я тоже хотела бежать.*

Но не могла. Пока не могла. *Альфа. Альфа. Альфа*, говорило мне мое чувство Стаи, и в унисон Кети, Алекс, Дев и я повернулись к Каллуму, который, закинув назад голову, завыл. И на этот длинный радостный звук эхом откликнулись остальные.

И я откликнулась на него своим высоким и чистым человеческим голосом.

А потом мы побежали. Вокруг — сплошные мохнатые тела, натыкающиеся на меня, мельтешение под ногами, и я перепрыгиваю через них. Я что-то кричала им. Я пела и вопила, я старалась обогнать их, и, хотя шансов на это у меня было не больше, чем у младенцев, они позволяли мне это сделать. Серые, золотистые, коричневые, белые, черные и всех возможных оттенков между этими цветами — Стая была как расплывшееся цветочное пятно, и хотя я ничего не могла поделать, кроме как просто смириться с тем, что им все

известно о моей бледной, безволосой коже, это было не важно. Не важно для меня и не важно для них.

Любой из членов Стаи — за исключением разве что близнецов — мог бы убить меня, ни на секунду не задумавшись. Они могли бы переломать мне кости, свернуть шею, вскрыть яремную вену. Они могли бы сожрать меня, уничтожить, развеять останки по ветру.

Но они этого не сделали. Этот зов моей связи с ними был столь силен, что я даже не подумала о других волках, которых видела в своей жизни, — мужчинах, которые переключались в монстров, с челюстями, рвущими человеческое горло.

Вместо этого я думала о ветре, бьющем мне в лицо, о запахах и вкусе леса и о том, как трава стелилась под лапами моих братьев.

Стая была в безопасности.

Стая была сплочена.

Стая была — *моя!*



# Глава ДЕВЯТАЯ

На следующий день я проснулась за час до того, как заработала моя тревожная сигнализация — спазмами в икрах, листьями, запутавшимися в волосах, и странной субстанции под ногтями, которая, как я безнадежно надеялась, была грязью. Потребовалось всего мгновение, чтобы вспомнить все, и затем прошлая ночь вернулась ко мне как сон. Я почувствовала себя сильной. Непобедимой. Защищенной.

И совершенно не похожей на себя.

Было жутко от того, как легко можно было раствориться в ментальности стаи. Как хорошо было ощущать свою принадлежность к чему-то, даже несмотря на то что такая принадлежность еще совсем недавно была мне совсем не нужна. В школе мне было совершенно все равно, что другие девчонки задирали передо мной носы. И более того, меня на самом деле никогда не беспокоило то, что большая часть Стаи смотрела на меня как на чужака. Если члены Стаи не чувствовали внешней угрозы, для них я была любимицей Каллума и подругой Девона, но отнюдь не одной из них. И это меня устраивало.

Но прошлой ночью я была кем-то другим. И даже сейчас, лежа в своей кровати в доме Эли, я могла чувствовать их — каждого члена Стаи: Девона, свернувшегося калачиком на своей кровати; Маркуса, рыскающего по дому с руками, сжатыми в кулаки, оставлявшими вмятины на стенах; Кети и Алекса, которые все еще спали. А Кейси был...

Кейси был в кровати с Эли. И здесь я проводила черту. Потому что *фу, гадость*.

Вся эта штука с чувством стаи как-то выбивалась из-под контроля. Особенно если до конца следовать логике ситуации, в которой я находилось. Что-то говорило мне о том, что я присутствовала в мыслях обрвов так же, как и они в моей.

Тупые оборотни.

*Все еще в кровати, Брин?*

Голос Каллума зазвучал в моей голове, что было совсем не удивительно, если принять во внимание то, что он все время находился там — еще до того, как я открылась для других.

*Ты мои мысли читаешь?* — спросила я в упор, игнорируя его вопрос и тот факт, что мне, наверное, следовало безотлагательно начинать тренировку.

*Твои мысли — они твои и больше ничьи, моя дорогая. Твои эмоции, движения, местоположение и инстинкты — это совсем другое дело.*

Мой инстинкт должен был сказать Каллуму, что тут он заливает. В надежде, что он уловит этот маленький психологический момент, я скатилась с кровати и нетвердой, вихляющей походкой поплелась к платянному шкафу. У меня было такое чувство, словно я пробежала марафон. Через резервуар с цементом. С грузом на ногах.

Прошлой ночью я была слишком одурманена своей силой, чтобы прислушиваться к любым возражениям, которые могло высказать мое тело в отношении взятого мной темпа. Сегодня же каждая жалоба регистрировалась четко и ясно.

*Пожалуй, мы начнем с утренней пробежки. У тебя есть немного времени перед началом занятий.*

Я была уверена в том, что это не было просто мое воображение. В голосе Каллума, раздававшемся в моем сознании, было какое-то самодовольное веселье. Он что, не понимал, что было утро понедельника и вставать в такую рань было почти что преступлением против

Господа и человека? Я не была уверена, смогу ли передать ему свои мысли в словесной форме. Откуда мне знать, может быть, один только альфа обладал такими способностями. Но потом подумала, что попытаться стоило.

*Садист!*

Его ответ пришел ко мне скорее в красках и ощущениях, чем в словах, но смысл был абсолютно понятен. Каллум смеялся надо мной. Эдак посмеивался, очень довольный собой.

Я надавила на Каллума — не с тем, чтобы оборвать связь, а чтобы просто вытеснить его прочь из своей головы или задвинуть куда-нибудь в самый дальний уголок сознания. Он задержался на минуту, и его присутствие так перегрузило мои мысли, что я не могла двигаться. Заявив о себе подобным образом, Каллум удалился.

Тупые оборотни с их вечной тупой борьбой за лидерство. Это уже совсем никуда не годилось — иметь с ними дело каждый день в конфликтной ситуации. Меньше всего я нуждалась в людях, метивших свою территорию *у меня в голове*.

Недолго думая, я послала Каллumu мысленный образ — собаку, задравшую лапу на пожарный гидрант. А потом еще один — повстанческий флаг времен Американской революционной войны. [\[22\]](#)

Ответ Каллума мне в голову не поступил, но я знала, что он получил мое послание, потому что он встретил меня у входной двери и первое, что сказал мне, удивленно выгнув одну бровь, было:

— Что, не давить на тебя?

— Лучше сказать, не мочиться в метафорическом смысле на мои мозговые волны.

Ощущение одно и то же, поверь мне.

— Вульгарность тебе не идет, Брин.

— Ты мне собираешься лекцию читать или мы пойдем бегать?

Каллум вздохнул, и мне не нужно было никакой связи со Стаей, чтобы понять — подумал о том, что я всегда была очень трудным ребенком. А потом, чтобы мне стало совсем понятно, он еще и вербализировал эту мысль:

— Ты всегда была очень трудным ребенком.

Я мило улыбнулась:

— Я стараюсь.

Каллум склонил голову набок, я кивнула, и мы побежали. С полмили мы бежали по тропинке, а потом Каллум резко свернул в заросли и поддал газу. Я бросилась вдогонку. И едва мы завершили пятимильную петлю, он пошел на новый виток.

— Неплохо для старика, — сказала я, задыхаясь. Уж я-то знала, что он может этим заниматься бесконечно.

— Сопля, — бросил он в ответ совершенно обычным тоном.

Уже очень давно мы не проводили время подобным образом: один на один и чтобы он не читал мне нотаций и не делал великих заявлений о моей жизни и моем будущем на его территории. Когда я была совсем маленькой, мы это делали чаще. Каллум учил меня драться. Мы бегали каждый день, и, когда я раскисала в самом конце, он нес меня на спине. Потом я становилась старше, и таких моментов становилось все меньше, а перерывы между ними становились все длиннее. Каллум отступил на шаг назад. Оставил меня с Эли. И большую часть времени занимался делами Стаи, к которым я не имела никакого отношения.

Я не хотела признавать, что для меня это было очень больно — устанавливать связь со Стаей, чтобы вернуть внимание Каллума. Это что, в самом деле? Он проводил время со

мной, потому что сейчас мы были крепче связаны друг с другом или из-за тех условий, которые навязал мне? В чем здесь было дело? Или я была еще одной рутинной заботой, и альфа просто выполнял свои обязанности — так, просто маленькая сопливая девчонка, ничего больше?

— Я могу сама закончить, — сказала я. — Я уже много лет сама тренируюсь.

— Конечно же сама. Поэтому и темп сбросила. Нужно постараться, Брин.

У меня было такое чувство, что Каллум говорил не только о физических тренировках. Прошло уже больше половины семестра, и по алгебре у меня все еще была четверка с плюсом, хотя я спокойно могла бы получить оценку «отлично». Я дружила с Девонем, но не стремилась к общению с другими своими сверстниками. И если «Древу жизни» хотелось походить на пожарный гидрант, то я была готова вернуться и к этой теме.

— Если ты станешь говорить про колледж и про выбор жизненного пути, то меня здесь нет, — пообещала я Каллуму. — А если тебе еще что-то нужно сделать или быть в каком-то другом месте, не позволяй мне задерживать тебя.

Мне тогда стало немного не по себе, словно что-то неприятное проникло в мое чувство Стаи, как будто кто-то колол меня холодной иглой.

— Я здесь, и ты остаешься со мной, Бронвин.

Я приняла слова Каллума как подсказку — по-видимому, эта холодная игла означала, что он был весьма раздражен.

— Хорошо, — сказала я.

И как только Каллум и я погрузились в молчание, голоса на периферии моего сознания — чьи-то жужжащие и шепчущие души — зазвучали более отчетливо. Постоянный шквал эмоций, просачивающихся сквозь мою связь со Стаей, расплывающихся, словно чьи-то возгласы со дна плавательного бассейна, — это изнуряло меня так же, как пробежки, которыми Каллум радостно меня изматывал.

*Сосредоточься, сказала я себе. Сосредоточься на текущем моменте. Сосредоточиться на том, почему ты это делаешь.*

И я сфокусировалась на Чейзе.

Это было забавно. Я видела его всего один раз и не могла бы с уверенностью вспомнить его человеческое лицо. Но его волчий облик и его голос в моей памяти всплывали столь же ясно, как будто я только что видела и слышала его.

*Меня укусили.*

*Меня укусили.*

*Меня укусили.*

Вот почему я это делала. Мне нужно было знать, что случилось с Чейзом, и мне нужно было знать, какие меры были предприняты потом.

Я уже было раскрыла рот, чтобы прямо спросить Каллума, нет ли на нашей территории Бешеного — там, где напали на Чейза, — и кто, по его мнению, мог напасть на него, но как только я приготовилась выпустить на волю своего внутреннего инквизитора, как к нам присоединился кто-то третий.

Лэнс.

Узы, связывавшие меня с ним, сообщили мне о том, что он был крепким и тяжелым и что от него слегка пахло ванилью и кедром.

— Привет, Лэнс, — улыбнулась я.

Лэнс конечно же не сказал ничего.

— Прости, что бросила тебя в беде тогда... ну, ты помнишь, пару месяцев назад, — продолжила я, стараясь вытянуть из него ответ.

Ничего. *Просто по нулям.* Он бежал и бежал рядом со мной и Каллумом, не произнося ни слова. И воздух между нами был почти такой же пустой, хотя что-то в нем все же ощущалось. Либо неодобрение, либо изумление. А может быть, и то и другое.

*Смотри на Лэнса и будь естественной,* подумала я. А потом до меня дошло, что он может каким-нибудь образом слышать меня.

*Лэнс может услышать мои мысли?* — беззвучно спросила я Каллума.

*Он чувствует их так же, как и я, но слабее. Если только ты сама не захочешь, чтобы он их услышал. У большинства щенков в человеческом облике имеются проблемы с общением на уровне сознания, но ты, кажется, стала специалистом в этом деле. Я отношу это на счет твоего упрямого характера.*

— Упрямство — это мой каприз, — сказала я вслух, ухмыльнувшись своей шутке, в которую Каллум и Лэнс явно не врубились.

Минула целая вечность. И пока она тянулась, я сделала еще несколько замечаний, в которых мои спутники увидели столь же мало смысла, а Каллум выругал меня за потерю формы, и не раз, не два, а целых три раза: *Ты ломаешь темп, Бронвин Алессия. Опускайся на полупальцы.* Лэнс, Каллум и я затормозили.

Я наклонилась вперед, упершись руками в колени и тяжело дыша. Может быть, я не в форме. А может, двенадцать миль — это нечеловеческая (не говоря уже о том, что *негуманная*) дистанция, чтобы ее бегать. Так или иначе, но для драки я была не в самой лучшей форме. Правда, ни Каллум, ни Лэнс на мои страдания никакого внимания не обращали.

— Сейчас, — сказал Каллум, и Лэнс пошел на меня — сплошная грудa мышц.

Он не был столь же грациозным, как Каллум, но двигался легче, чем обычный человек его размеров, и, в отличие от меня, над его легкими не надругались только что самым жестоким образом.

Вместо того чтобы метнуться в направлении его удара, ослабляя его силу, я последовала своему инстинкту и бросилась плашмя на землю. Кулак Лэнса, размером с хороший окорок, едва не врезался мне в голову.

В драке сила тяжести — это либо ваш лучший друг, либо злейший враг. Поскольку перевес был явно не в мою пользу, действовать я должна была очень аккуратно. К сожалению, из-за падения на землю я оказалась в невыгодной позиции, и когда Лэнс наклонился ко мне — с явным намерением поднять меня и метнуть как диск, — мой вес не был в достаточной степени распределен вдоль тела, чтобы дать мне возможность изогнуться для защиты. Из положения низкого старта, в котором я находилась, я могла двигаться только вперед. Двигаться вперед означало двигаться на Лэнса, и это было приблизительно то же самое, как направить пикап на стальную стену.

И тогда я решила двигаться сквозь Лэнса. А еще точнее, я нырнула ему между ног. И это был бы неплохой финт, но только в последнюю секунду я почувствовала, как его ноги капканом сомкнулись на моих ногах, и я стала совершенно незащитной.

— Брин, на ноги. Лэнс, еще раз!

По команде Каллума Лэнс отпустил меня и, не помедлив ни секунды, пошел на меня снова. Точно так же, как он сделал в прошлый раз. Предсказуемость его движения дала мне дополнительную долю секунды на обдумывание ответного движения, но попытка что-то

обдумать уже была ошибкой, и он достал меня в плечо.

*Используй связь, сказал мне Каллум. Почувствуй его движения до того, как он их сделает. Не думай. Просто делай.*

— Еще раз! — произнес он вслух.

На этот раз я умудрилась увернуться от удара Лэнса, и когда он сделал подсечку, я подпрыгнула и перехватила кулак, летевший мне в лицо, собираясь использовать инерцию его движения против него же. Что конечно же могло отлично сработать, будь я обром. Обром я не была, и попытка остановить могучий кулак вызвала вспышку боли в моей ладони.

*Не позволяй своей связи убедить тебя в том, что ты одна из нас, Брин. Ты человек, и не важно, что ты можешь ощущать себя обром.*

— Еще раз!

Раз за разом Лэнс наносил мне удары, и я увертывалась от них, используя всю свою силу. Я была быстрой, легкой и не боялась грязной игры. Я была маленькой, гибкой и, как в какой-то момент пропыхтел Лэнс, совсем чокнутой. Связь, конечно, помогала мне предвосхищать его движения, но была почти бесполезной, когда речь шла о том, чтобы не позволять ему следить за моими движениями. Наверное, потому что я сама не знала, что буду делать в следующее мгновение.

— Еще раз!

Я начинала по-настоящему ненавидеть эти слова. Если так и дальше пойдет, я даже в душ не успею зайти перед началом занятий. В нетерпении я решила на этот раз не ждать, когда Лэнс подойдет ко мне. И нарушила Правило первое из пособия «Сто одно правило боя с оборотнями». Я атаковала. А потом, когда ко мне вернулся рассудок, в то мгновение, которое потребовалось Лэнсу, чтобы оправиться от неожиданного удара по весьма чувствительному месту, я поджала хвост и свалила, влетев на верхушку дерева до того, как он смог снова вцепиться в меня.

— Хорошо, — сказал Каллум.

Интересно, заметил он или нет, что на этот раз я выбрала дерево повыше. С ветки, на которой я сидела, Лэнс вряд ли смог бы меня сбить, даже если бы очень хорошо прицелился. Я ждала, что Каллум снова прикажет нам начинать схватку, но приказания почему-то не поступило, а Лэнс взглянул вверх на меня и улыбнулся... или изобразил нечто напоминавшее улыбку, как он всегда делал.

Потом он кивнул головой Каллumu — этакий официальный полупоклон — и побежал обратно в лес.

Каллум тоже взглянул на меня:

— Тебе пора в школу. Вечером еще побегаем. А завтра будешь биться с Сорой.

— Когда я смогу встретиться с Чейзом?

— Когда будешь готова.

— А когда я буду готова?

— Мы это увидим.

— Слова *прямой ответ* для тебя что-нибудь значат?

— Хватит, — сказал Каллум властным голосом, в своей обычной манере «это мое последнее слово». Я была почти уверена, что от такой *альфости* связь, существовавшая между нами, просто задрожит. Однако нет, ничего такого не произошло. Как будто этот его тон, который ассоциировался у меня с Каллумом, гневно топающим ногой, не имел никакого

отношения к Каллуму — вожаку нашей стаи и ко всему, что делало его Каллумом, а меня — мной.

— В данном мне разрешении ничего не говорится о том, что нельзя задавать вопросов, — сказала я ему, чувствуя себя вполне уверенно на своем насесте.

— А в твоей просьбе ничего не говорилось об окончании обучения, — возразил Каллум.

Я прищурилась:

— Это было решение Эли, а не твое.

Каллум ничего не ответил, и мне пришло в голову, что выражение лица Эли, когда она делала мне втык за незаконные приключения в подвале у Каллума, весьма подозрительным образом напоминало то выражение, которое было на лице у альфы сейчас.

Ладно, значит, это было совместное решение. И вполне возможно, условия для получения мной разрешения были не единственной картой в колоде Каллума, чтобы держать меня в повиновении.

— Позавтракаем? — спросила я, наполовину предлагая, а наполовину желая посмотреть, воспользуется ли он моим предложением или у него найдутся какие-нибудь другие, более неотложные дела. — Если я не пойду в душ, у меня хватит времени, чтобы позабавиться с поп-тартом. [\[23\]](#)

Человек, возможно, счел бы подобное заявление нахальным. Но Каллум человеком не был, а насчет пота обры не так чтобы очень заморачивались.

— У тебя больше времени осталось бы на душ, если бы ты не свалилась после пустячной пробежки. — Губы Каллума изогнулись в изысканной волчьей улыбке, и он слегка наклонил голову, принимая мое приглашение на завтрак.

И мне стало интересно — так, всего на одну секунду, — а вдруг он был здесь не только для того, чтобы тренировать меня? Неужели я была не единственной, кто помнил, сколько времени мы проводили вместе, когда я была маленькой.

— Так ты идешь или собираешься весь день просидеть на дереве?

Уголки губ Каллума язвительно поползли вверх, и тогда, к полному его изумлению, я ответила на вопрос, сиганув ласточкой с дерева прямо на него, и мы оба свалились на землю.

*Укусили.*

*Укусили.*

*Меня укусили.*

Я напомнила себе, что именно ради этого я тренировалась. Не ради Каллума и себя. Не ради Стаи — той, которая сидела там, на задворках моего сознания. Это все было ради Чейза. Ради Чейза и Бешеного, ради вопросов и ответов. Это было самым главным.

— Что-то ты тормозишь, — сказала я Каллуму.

Одним толчком он поставил меня на ноги и через мгновение уже стоял рядом со мной, но его слова опровергали легкость этого движения. — А ты, малышка, растешь.

# Глава ДЕСЯТАЯ

Как говорится, не приноси нож на разборки с огнестрельным оружием. Следуя этой логике, не будет большим преувеличением сказать, что не надо надеяться на обычные приемы самозащиты при выяснении отношений с оборотнями. Ножи приносить нужно. И пушки. И серебра столько, сколько сил хватит дотащить.

Не у всех обров, которых я знала, была аллергия на серебро — у Девона, например, не было. Но старинные мифы о серебряных пулях явно имели под собой какую-то основу. Ранение, вызванное серебряной пулей, могло привести к длительному воспалению и даже гибели обра. Помимо этого, у добрых восьмидесяти, а то и у девяноста процентов обров была аллергия на серебро, приблизительно такая же, как у большинства людей на ядовитый плющ. В лучшем случае это заканчивалось сыпью и вызывало физическое недомогание. В худшем, если серебро попадало в кровь, это могло убить обра. В любом случае, если только вы не дрались с волком, обладавшим иммунитетом на серебро, вроде Девона, борьба шла не на равных. Обр может убить вас в одно мгновение, а вы, если очень повезет, будете в состоянии всего лишь причинить ему небольшой ущерб.

Так что я не была сильно удивлена, когда после недели спаррингов с чуть ли не дюжиной членов Стаи Каллум решил изменить режим моих тренировок и дал мне мои собственные когти. Метать ножи он научил меня примерно в то же самое время, когда я научилась завязывать шнурки на ботинках, так что в этом для меня ничего нового не было. Конечно, точность моих бросков оставляла желать лучшего — в яблочко я попадала всего лишь восемь раз из десяти, — но зато они несли в себе хороший заряд ярости. И если я могла сохранить между собой и противником приличную дистанцию, чтобы сделать бросок с дальнего расстояния, у меня имелся неплохой шанс нанести ему хоть какой-то урон, особенно если нож, который я бросала, оказывался серебряным.

Конечно, общины оборотней не слишком одобрительно относились к людям, которые имели при себе серебряное оружие. И с того самого раза, когда я впервые попала в яблочко, Каллум регулярно давал мне понять, что только в том случае, когда я по-настоящему буду уверена в том, что моя жизнь подвергается неминуемой опасности, я могу применять серебряное оружие. Законы Стаи запрещали оборотням нападать на людей, но люди, которые орудовали серебряным оружием или просто носили его при себе, относились к особой категории. Сенат с такой же вероятностью мог принять решение, что не обры напали на людей, а совсем наоборот — это люди решили на них поохотиться.

Так что сам факт, что Каллум заставлял меня практиковаться с ножами и даже произнес вслух в моем присутствии слово *пушка*, не был совсем уж неожиданным. Я поняла, что Каллум был уверен: я в опасности.

И это конечно же заставляло меня задуматься о том, есть ли еще что-нибудь, чего я не знаю про Чейза.

— Отлично, Девон, — похвалил Каллум. — А теперь делаешь Брин удушающий захват. Не так уж приятно на самом деле слышать такие слова.

Далее инструкции Каллума прозвучали еще менее доброжелательно:

— Брин, выходишь из захвата и задействуешь нож. Ты должна справиться со своей задачей за самое короткое время — вывести Девона из строя, но не наносить увечий.

Я не так чтобы очень хорошо обращалась с ножом, серебряный он или не серебряный, чтобы действительно нанести увечье Деву, но, как ни крути, в мире существует два типа людей: те, которые не прочь пустить кровь лучшему другу, и те, которым это не нравится. Я относилась ко второй категории.

— Все в порядке. Ну-ка, малышка Брин, попробуй достать меня.

— Противный ты, Дев. Прямо как Йода.<sup>[24]</sup>

И хотя обмен ударами между нами был вполне привычным, моя связь с другом — и с остальной стаей — говорила мне, что никому из нас это не нравилось. Если мы двое были неотделимы друг от друга еще до того, как раскрылась моя связь со Стаей, то теперь у меня иногда возникало такое чувство, что мы с Девонем были одним целым. Каллумовские волки, все до одного, сидели, спрятавшись, в закутках моего сознания, и их глаза следили за каждым моим движением, куда бы я ни пошла. И если мои одноклассники из стаи в кои-то веки стали мне ближе, то Девон, наоборот, стоял между нами стеной, словно каменная плита, а не оборотень, и выглядел он так же устрашающе, как его отец, только был куда более болтливый.

Девон не хотел ранить меня. Его волк скрежетал зубами при одной только мысли об этом, и на какую-то долю секунды у меня появилось чувство, будто это сам зверь Девона говорил со мной. Или с чем-то звериным внутри меня.

Самок, как говорится, надо *защищать*. Щенков — *холить и лелеять*. Девочка была его, и он *не хотел* поднимать на нее руку. И *не хотел* драться с ней.

*А, ну да, меня тоже не греет драться с тобой*, послала я мысль в направлении Девона. Его голова дернулась, и я удивилась тому, как быстро мои слова дошли до него. Это было очень странно. Я обращалась к его волчьим инстинктам, а не разуму, но, кажется, обе части отлично меня понимали.

— Ну, детишки? — начал подгонять нас Каллум.

Девон слегка поклонился, выказывая подчинение, и затем точно выполнил приказ Каллума. Он обхватил меня рукой за шею, не вложив в захват ни капли силы, однако это было похоже на стальные тиски. Поскольку большую часть прошлой недели я отрабатывала способы освобождения от захватов, мое тело ответило немедленно: изогнув ноги в сторону и используя жесткий захват, я вскинула тело вверх и правой ногой, сделав ножницы, ударила Девона в висок. Другая его рука потянулась к моей ноге с целью схватить ее, и это движение дало мне возможность боднуть головой в сгиб локтя Девона и выскользнуть из захвата.

Ножи, словно молнии, сверкнули у меня в руках, и, как только Девон бросился на меня — расплывшееся пятно, состоящее из накрахмаленной рубашки и выглаженных дизайнерских джинсов, — я скрестила руки на груди в форме буквы X, чтобы затем выбросить их вперед в форме буквы V, взрезая его одежду и рассекая плоть.

Но даже самые прекрасно спланированные планы могут закончиться неудачей.

Рассуждая логически, я знала, что раны Девона затянутся за час, если не за несколько минут. Инстинкт приказывал мне биться с ним не на жизнь, а на смерть, используя все подручные средства, которые только смогу найти, ведь я должна была выжить. Но и логика, и инстинкт куда-то пропали, как только я увидела этикетку на его рубашке.

Если бы Девон двигался быстро, мои несовершенные человеческие глаза вряд ли смогли бы разглядеть название фирмы.

А он двигался не быстро.

Поэтому я бросила ножи на землю и просто врезала ему кулаком в лоб.



Каллум остался недоволен:

— Брин!

— Что? Он еле двигался, а ты хочешь, чтобы я его *на нож посадила*?

— Я хочу, чтобы ты смогла защитить себя.

— От кого? *От Девона*?

Вопрос повис в воздухе. Мне не нужно защищаться от Девона. Или Соры. Или Лэнса. Или от кого-либо еще, кого Каллум выставит против меня. И я даже не была уверена, что мне нужно было уметь защищаться от *Чейза*. Он был просто *мальчишка*. Молодой волк. Обр, который еще не вполне научился контролировать свои животные инстинкты. Который каждый день работал с Каллумом, чтобы укротить свою волчью породу.

Он не был Атиллою, Долбаным Ханом Оборотней.

Лоб Каллума покрылся морщинами — верный признак разочарования, — и он обратил внимание на Девона:

— Хочешь, чтобы она осталась живой?

— Да, сэр.

— Тогда врежь ей. Посильнее! Бросься на нее на полной скорости. Не сдерживайся. Она должна знать, что ты бьешь в полную силу.

Девон кивнул.

— Это приказ. Начали снова, вперед!

От слов Каллума моя кожа запульсировала. Я вздрогнула. Потом все кончилось, но я все еще чувствовала отзвуки приказа альфы, они проходили через Девона и доносились до меня через связь с ним.

Самок надо *защищать*, а вожаку *повиноваться*.

Весьма затруднительно для Дева, который, в отличие от меня, не обладал человеческими качествами и моей способностью — есть ли связь или нет — принимать собственные решения, даже когда Каллум пытался навязывать свою волю.

Девон, с дергающимися губами, снова взял меня в захват, и я сделала единственное, что смогла на ходу придумать, чтобы облегчить ему чувство вины и настроить на схватку по-настоящему.

— Армани — это для маменькиных сынков, а если в фильме ничего не взрывается, то это не кино вообще.

*Ты попала, Бронвин. Слова прямо для драки.*

Я на полсекунды отвлеклась на слова Девона, прозвучавшие у меня в голове, но едва его рука сжалась вокруг моего горла и желание вздохнуть стало невыносимым, внутри меня что-то щелкнуло.

*Драчься.*

*Драчься.*

*Драчься.*

Выброс адреналина — непонятно откуда. Стало холодно, в голове прояснилось, но на каком-то подсознательном уровне поняла, что мои яростные движения кому-то, наблюдающему со стороны, могут показаться дикими. Я вырвалась из захвата Девона, отскочила назад и еще до того, как в моей левой руке появился нож, правой сделала выпад прямо в сердце нападавшему.

Девон увернулся, отбил лезвие и снова схватил меня. Я изогнула левую руку, направив нож к его груди. Издав нечеловеческий рык, Девон резко ударил меня, и я упала на землю.

Он бросился на меня, прижимая к земле, и потянулся зубами к моей шее.

Я откатилась в сторону, прижимая ноги к груди, и резко ударила его ими в грудь. Он не колыхнулся.

*Западня.*

*Кровь.*

*Драться.*

**ВЫЖИТЬ.**

От силы этого приказа мир вокруг меня завращался медленнее. Это слово — *выжить* — толчками прошло через мою кровь, подобно тому, как воздух, слишком долго сдерживаемый в легких, вырывается наружу. Я не видела ничего, кроме всеобъемлющей кроваво-красной пелены перед глазами. Через секунду Девон уже придавил меня к земле, а еще через мгновение я впилась зубами ему в шею. Он отпрянул, а я смогла дотянуться рукой до лежавшего на земле ножа, который — еще до того, как я поняла, что со мной происходит, — метнулся прямо к сухожилию, к ноге Девона.

Деталей я не замечала — в груди встал комок, и поле зрения сузилось. Я знала только одно — мне нужно *драться*.

*Брин, стоп!* Голос Каллума-альфы рассердил меня, и я замотала головой, пытаясь освободиться от него, но он зазвучал снова, еще громче. И настойчивее. И, что странно, теперь это был больше голос Каллума-друга, чем Каллума-альфы. *Бронвин, ПРЕКРАТИ.*

Я так и сделала. Остановилась. Пелена перед глазами рассеялась. И, только застыв с занесенной рукой, я осознала, как близко я была к тому, чтобы перерезать лучшему другу ахиллесово сухожилие.

Потрясенная, я сидела, не шелохнувшись, а Девон, глаза которого стали расширяться и желтеть, затряс головой, очищая сознание и выталкивая прочь своего зверя. Первым из нас двоих очухался Девон, и, протерев руками глаза, все еще обведенные по краям красным ободком, он наклонился вперед, выдохнул мне в лицо и, подражая моему жесту, стукнул меня кулаком в лоб.

— Армани, — сказал он раздраженно, — это для *джентльменов*.

Я хотела ухмыльнуться, но с ножом в руке у меня это как-то не получилось. Девон не был человеком. Все равно, что бы я ни сделала, его раны затянулись бы быстрее, чем у меня сошел синяк, упави я утром с кровати. Напугало меня совсем не то, что я почти сделала. Меня напугало то, что я не осознавала, что делаю это.

Что со мной случилось? *Чем я была?*

— Эта связь изменила меня? — Слова вылетели изо рта быстрее, чем вопрос сформулировался у меня в мозгу. — Что ты сделал со мной, когда пометил меня? Что я сделала с собой, когда впустила Стаю в... сделала это... я что...

— Ты человек, Брин. Связь соединила тебя с нами — она меняет образ твоих мыслей, и она меняет образ мыслей Стаи о тебе, но никаких физических последствий это не влечет.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что это меняет образ моих мыслей? — спросила я. — Я только что носилась здесь, как Тарзан — дитя джунглей. Только не говори мне, что это нормально.

*Не говори мне, что это свойственно человеку.*

— Брин, Эли связана со стаей, один раз — через Кейси, и еще раз — через меня. Ты когда-нибудь видела, чтобы она на кого-нибудь бросалась, как Тарзан — дитя джунглей, или кто-нибудь вроде этого?

Эли могла с малышней препираться — это у нее получалось очень неплохо, — но физически она была не очень сильна. Бойцом она не была, это верно. И тем не менее я легко могла ее представить вступающей в смертельную схватку с любым обром и побеждающей его.

И потом, моя связь со стаей была раскрыта. У Эли, наоборот, закрыта.

Прищурившись, я взглянула на Каллума:

— Ты клянешься, что не изменял меня?

Он кивнул:

— Ты, моя дорогая, осталась точно такой же, какой была всегда.

Я тоже кивнула в ответ, но что-то такое было в глазах Каллума — зрачки вибрировали, то увеличиваясь, то снова уменьшаясь, — и мне очень хотелось понять, что он на самом деле имел в виду, сказав это.

Но вдруг Каллум затряс головой, словно животное, пытающееся отогнать муху, и он сказал два слова, которые с возрастом я стала ненавидеть сильнее всего:

— Еще раз.

Тренировка. Школа. Тренировка. Сон. Водные процедуры. И все сначала.

Утро за утром, ночь за ночью — дни шли за днями. С Девонем я дралась, используя серебряное оружие. С остальными — стальное. Домой приходила вся покрытая синяками. Обры приходили домой, истекая кровью. И почему-то каждый раз, когда я дралась с одним из них, я чувствовала, что моя связь со Стаей становится еще теснее. Узы, связывающие нас, крепи, и, несмотря на то что эти тренировки были не чем иным, как простыми драками, которыми обычные волки развлекаются в щенячем возрасте, именно схожесть с ними и таящаяся в них энергия усиливали мое чувство принадлежности к Стае и изводящее душу тревожное ощущение того, что я *была* одной из обров.

Первый раз в своей жизни я чувствовала себя двуногим, не покрытым мехом, безволчным оборотнем. В пятнадцать лет и так хватает проблем с идентификацией личности, и условия, выдвинутые Каллумом, превращали меня в гигантский клубок противоречий.

Связь говорила мне, что я — член Стаи. Мое физическое несовершенство твердило, что я — не обр. Мне нравилось драться. Я любила напор. Я любила свои ножи. И в то же время уроки прошлого слишком крепко засели в мозгу, чтобы позволить мне забыть, что я не должна бороться с обрами, мне следует этого бояться и мой единственный путь при соприкосновении с оборотнем — это вырыть нору и сбежать. Спрятаться в ней. Забраться куда-нибудь подальше. Найти защиту.

Все мое детство Каллум внушал мне, что я не обр, что моя жизнь находится в опасности, что я всегда буду в невыгодном положении, и я боялась. Но сейчас, когда он приказал своим волкам набрасываться на меня из-за каждого угла, я чувствовала себя в большей безопасности, чем когда-либо.

Совершенно понятно, что я была не в себе.

И что было совсем ненормально, я была счастлива. А Эли, напротив, счастлива не была. Она не хотела смотреть на меня, когда я возвращалась домой после тренировок. До тех пор, пока я не отмывалась дочиста и не заматывала себя бинтами, я была невидимкой, если только не оставляла грязные следы на ее безупречно чистом кухонном полу. Она отказывалась спрашивать меня об условиях, которые Каллум возложил на меня в ночь

полнолуния, а я по собственной воле ей тоже ничего не рассказывала.

Вместо этого мы затевали серии сварливых разборок по совершенно другим поводам. Эли заявляла, что я слишком много времени провожу у себя в студии, пристально следила за моими отметками на семестровых экзаменах и самым отвратительным образом грозилась посадить меня под домашний арест (снова!), если Девон и я по крайней мере один вечер в неделю не будем развлекаться и смотреть телевизионные шоу на DVD. Чем больше я погружалась в тренировки, тем настойчивее Эли заставляла меня заниматься проблемами нашей повседневной жизни. В пятницу мы вообще устроили грандиозную перебранку — она каким-то образом уговорила Каллума изменить расписание моих снарринговых боев, чтобы я вместе с ней поехала в город после школы, походить по магазинам.

Эли не оставляла меня в покое. Каждый шаг, который я делала, чтобы сблизиться со Стаей, встречал отпор со стороны Эли. Она все время напоминала мне, что я никогда этого не хотела. Что в жизни есть кое-что посерьезнее кулачных боев. И что мне всегда нравилось заниматься самыми разными вещами. Я что, хочу, чтобы моя жизнь так и прошла, только потому, что Каллум возомнил себя Господом Богом?

Я не понимала, в чем проблема. Я была счастлива. Стая или не Стая, но я оставалась самой собой. Эли что, хотела, чтобы я притворялась, что со мной все в порядке? Кого она пыталась обмануть? Я никогда не была нормальной девчонкой.

А однажды утром, в субботу, я спустилась к завтраку, и мне вдруг все стало понятно, когда Эли напрямую заявила мне, что на тренировку я больше не пойду.

Соломинка сломала спину верблюда. И понеслось.

— Ты *не имеешь права* говорить мне...

— Ты не станешь заканчивать это предложение, юная мисс. Ты сейчас сядешь, закроешь свой рот и начнешь есть.

— И как я буду есть с закрытым ртом?

— Брин, *хватит*.

Даже у Алекса и Кети хватало благоразумия правильно отреагировать на настроение Эли. Но благоразумие не было тем качеством, которым я была наделена в избытке. И меня уже тошнило от того, что Эли постоянно твердит мне — это я могу делать, этого я не могу делать... Я устала от ее попыток сделать из меня что-то, чем я не хотела быть вообще.

— Я пойду на тренировку.

Брови Эли поползли вверх, и мое сердце перестало биться. Пульсирующие вены на лбу, вздернутые брови... Я вступала на опасную территорию. Физически Эли даже рядом не стояла ни с одним из тех противников, с которыми я регулярно вступала в схватку. Но она была *Эли*.

Поэтому я попыталась быть рассудительной.

— Я должна идти, Эли. У меня нет выбора.

*И у тебя тоже* — я надеялась, что мои слова дойдут до нее, — *его нет*.

— Выбор всегда есть, Брин. Даже если ты его уже сделала. И если ты хочешь изменить свое решение, если ты хоть на одно мгновение сомневаешься в альфе...

— Нет.

Эли наклонила лицо ко мне близко-близко:

— Если ты в чем-то не уверена, скажи мне. Только скажи мне, и я все исправлю.

Бизнес стаи так не работает, но чтобы сказать об этом Эли, нужен был кто-то похрабрее меня.

— Я не хочу отказываться от него. И я на самом деле должна.

Эли не позволила мне закончить:

— Ты должна поесть, убрать свою постель, и щетка должна пройти по твоим волосам перед тем, как ты покинешь этот дом. На данный момент это все, что ты должна сделать.

— Разрешение так не работает, Эли.

Она прищурилась, и мое чувство здравого смысла, поддержанное Стаей, посоветовало мне опрокинуться на спину и подставить живот, и пусть на этот раз все будет так, как хочет она.

— Ты не первая в этом мире, Брин, кто имеет дело со Стаей. Я знаю, как работают эти разрешения.

То, что Эли не сказала, повисло между нами в воздухе: о чем она просила и чем она была вынуждена заплатить. Торговалась ли она из-за себя или, что более вероятно, приносила в жертву ради меня остатки своей независимости, чтобы со временем купить мне мою собственную. Вопрос уже готов был сорваться с кончика моего языка, но Эли предвосхитила его, шлепнув на тарелку передо мной куски яичницы:

— Я знаю, что ты должна сделать, чтобы выжить здесь, Брин. Я очень долго занималась этим за нас двоих. К твоему сведению, когда я сказала, что сегодня ты не должна идти на тренировку, я не собиралась выяснять с тобой отношения. — Она села на стул рядом со мной и уставилась на яичницу, отказываясь встречаться со мной взглядом. Ее голос был очень тихим. — Каллум звонил. Он придет к нам после завтрака, а потом вы пойдете к нему.

— Только мы двое? — спросила я, стараясь не выдать себя, не дать понять Эли, что у меня внутри появился проблеск надежды.

— Кейси тоже пойдет, — сказала Эли. — Может быть, Сора и Лэнс там тоже будут.

Три волка.

Три няньки.

Три телохранителя.

— Я иду на встречу с ним?

Тон моего голоса не оставлял сомнений в том, что это был за «он», о котором я спрашивала.

— Да, детка. Идешь.

Эли очень давно не называла меня деткой. Внезапно я почувствовала себя самым неблагоприятным отродьем в мире — из-за того, что ругалась с ней.

— Я увижу его.

Слова эти не были извинением, которое я хотела произнести, но Эли, кажется, все поняла.

— Да.

У меня было такое чувство, словно я работала над этим очень долго и по пути совсем забыла о конечной цели. И сейчас, когда все стало реальностью, я не могла поверить в это. Совсем!

— Ты встретишься с ним. Ты спросишь у него обо всем, о чем тебе нужно у него спросить. Ты сделаешь то, что ты должна сделать. А потом все это кончится. Больше не будет никаких разрешений. Никаких условий. Только мы.

Не будет больше драк.

Не будет больше связей.

Безумного гона вместе со стаей при полной луне.

Я снова стану прежней. Той, которой Эли хотела меня видеть. Я подумала про маленький шарик, который привиделся мне перед тем, как я прекратила оборону в ту ночь, в полнолуние, и подчинилась разуму Стаи.

Там ли они еще, не случилось ли с ними чего-нибудь в том месте, где я их оставила? Могу ли я вернуться? Да и хочу ли?

— Давай, — сказала Эли, — одевайся. Заправляй постель. И ради всего святого, Брин, причешись. Ты становишься похожей на пещерного человека.

— Брин хочет убить динозавра, — сказала я, изобразив пантомиму, которая, по моему представлению, вполне походила на убийство динозавра.

Впервые за много недель Эли рассмеялась:

— Ладно. Если будешь себя хорошо вести, Эли откроет большой-пребольшой секрет — как приготовить вкусное сочное мясо динозавра. *На огнеееее.*

Я фыркнула:

— Фигня.

— И тебе того же, детка.

Нормальный такой обмен любезностями. Очень по-человечески. Совсем не похоже на то, как я вела себя в последнее время. Сейчас, когда я собиралась встретиться с Чейзом, чокнутая часть меня хотела, чтобы парень увидел эту Брин, ту, которая смеялась с Эли, а не ту, из которой Каллум хотел вылепить образцового борца.

— Я встречу с ним, — сказала я, пробуя слова на вкус и размышляя, какое из моих «я» встретится сегодня с Чейзом. — Сегодня!

# Глава ОДИННАДЦАТАЯ

— Кейси, если хоть один волос упадет с ее головы, ты всю оставшуюся жизнь будешь спать один на кушетке.

Произнеся эти слова, Эли поцеловала мужа, но это не помешало ему воспринять их со всей серьезностью. Она уже было собралась обратиться с угрозами и к Каллуму, но тот отрицательно покачал головой.

— Я когда-нибудь возвращал ее тебе в худшей форме, чем она была, когда я ее забирал у тебя? — спросил он.

Эли открыла рот, чтобы ответить, и мой барометр сарказма почувствовал приближающееся изменение давления. Но Каллум просто взглянул на нее из-под выгнувшейся дугой брови над одним глазом — точно так же, как она еще совсем недавно смотрела на меня.

— Элисон.

Явно, что я была не единственной, кого приводили в чувство произнесением вслух имени в полной форме.

— Ты никогда не возвращал ее непоправимо травмированной, — нехотя признала Эли. — И лучше, чтобы этот раз не стал исключением.

Другие обры, находившиеся в комнате, включая Кейси, сощурились, их спины напряглись. Чувство Стаи подсказало мне, что им не очень понравился вызов, брошенный авторитету альфы. Это было неестественно. Безнравственно. Дерзко. Когда Эли вышла замуж за Кейси, она должна была получить и его статус в Стае, но она слишком долго жила среди обров, не имея никакого положения в ее иерархии, чтобы попытаться сейчас занять в ней какое-то место. Поэтому брошенный ей вызов раздражал. По крайней мере, Кейси следовало понимать, с кем он связался, женившись на Эли, ведь она никогда не пыталась сделать даже малейшей попытки, чтобы не демонстрировать отсутствие уважения к традициям стаи.

— Эли... — начал Кейси, но, взглянув на выражение лица жены, застыл, и волна спокойствия, центром которой был Каллум, прошла по комнате.

— Я позабочусь о ней, Элисон, — улыбнулся Каллум, рассеивая тревогу Эли и в то же самое время успокаивая волков. — *Я всегда это делаю.*

Эли кивнула и, не сказав больше ни слова, вышла из комнаты. Каллум обернулся ко мне:

— Как только выйдем из дома, вступает в силу второе условие нашего договора. Сора, Кейси и Лэнс — главные. Ты подчиняешься. Делаешь то, что скажут они. Тебе что-то сказали — ты исполняешь. Никаких возражений, никаких обсуждений приказов, спуску за неповиновение не будет. Ты — член Стаи, и ты действуешь вместе с ней. Это понятно?

Оглядываясь назад, скажу — очень хорошо, что Эли ушла именно тогда. И очень даже возможно, что это совсем не было совпадением, Каллум просто дождался ее ухода и потом объявил о своем решении. Потому что по его глазам я прочитала, что никакой безопасности он мне не гарантирует. Совсем. Чейз не прикоснется ко мне ни когтем, ни клыком, ни рукой, но я-то знала, что случалось с рядовыми волками, которые осмеливались бросить вызов доминирующему.

Ничего хорошего.

— Я поняла тебя, альфа.

Каллум кивнул, и мы вышли из дома все вместе. Беря пример с Лэнса, я не произнесла ни слова. Остальные последовали нашему примеру. Но все-таки мы отлично понимали друг друга — с помощью беззвучных слов, мыслей и чувств. Волки урчали, а меня мутило от страха. Я прикасалась пальцами к ножам, висевшим у меня на боку, ища успокоения в чем-то знакомом.

Я не знала, чего ждать, когда мы войдем в дом Каллума, но только не Чейза, сидевшего на диване и игравшего в компьютерную игру. Его пальцы двигались по пульта с пугающей размеренностью, даже когда он отвернулся от экрана и посмотрел прямо на меня:

— Привет, Брин.

Чейз совсем не походил на того мальчишку, которого я помнила: запертого в клетке в подвальном этаже, с грустью в глазах. Но когда я взглянула на него более пристально, то мне показалось, что я снова увидела его. Хотя и не была в этом уверена.

Чейз опять взглянул на меня, *нормально так*.

Потом еще раз. Я тоже на него посмотрела.

— Я оставляю вас вдвоем, — сказал Каллум. — У вас есть один час.

Я внезапно поняла, что Каллум уходит. Чтобы оставить нас наедине друг с другом? И как это возможно с тремя няньками в волчьем обличье?

Нет, здесь была какая-то другая причина. Каллум ничего не делал без причины, но на этот раз я решила, что его намерения я смогу обсудить позже. А теперь в моем распоряжении был всего лишь час.

— Кхм... можно сесть? — Я не была уверена, к кому я обращалась с этим вопросом — к волкам или к Чейзу.

Чейз кивнул и опустил ноги с дивана. Я продолжила двигаться вперед, но глухое ворчание, слетевшее с губ Лэнса, заставило меня остановиться.

По всей видимости, это было что-то, о чем находящемся в подчинении стоило спрашивать разрешения.

Я медлила, и три охранника обменялись взглядами.

— Чейз, пересядь на стул. Брин, оставайся на диване. Не смейте прикасаться друг к другу. — Сора говорила, выделяя каждое слово, и мне показалось, что она слишком придирчиво выбирает слова.

Я, естественно, их усвоила и позволила своему чувству Стаи вцепиться в них. *Повинуйся. Повинуйся. Повинуйся.* Я должна повиноваться.

Двигаясь быстро и даже, как мне хотелось бы надеяться, с некоторой долей грации, я села на то место, которое указала Сора, а Чейз скользнул на стул. Его движения были такими легкими, что казалось, будто он перетекал с места на место. Он не двигался — он тек. Возможно, Чейз делал успехи, научившись контролировать то, чем он был. Но скрывать этого он все еще не научился. Уверена, что, если бы кто-нибудь увидел его, сразу бы понял, что здесь что-то не так. Что он — нечто *большее*, чем кажется.

— Ну... кхм... как вообще дела? — спросила я.

Я проклинала Эли, которая шлепком по спине все время приводила меня в чувство: чтобы слова бездумно не выскакивали изо рта, чтобы моя первая реакция была полностью человеческой... Сначала идет светская беседа! А мне нужны были ответы. Я хотела надавить на Чейза, залезть ему в голову и выпитать все, что знал он. Но я этого не сделала.

Я оттолкнула прочь это желание и выпитала то, что подсказали мне мои инстинкты. До



некоторой степени Каллум сделал Чейза членом Стаи. Он был Стоун Ривер точно так же, как Лэнс, и точно так же, как я, но пока мы находились здесь — все вместе в одной комнате, — я его не чувствовала. Я вообще не осознавала, что Каллум привел Чейза в стаю.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Не могу пожаловаться, — ответил он на мой вопрос безжизненным голосом. — Здесь есть еда. Телевизор. По ночам мы бегаем в лесу. Я обладаю нечеловеческой силой и уже почти не скучаю по системе патронатного воспитания.

— Ты жил в чужой семье?

*Сосредоточься*, сказала я себе. *Задавай ему важные вопросы*. Но человеческое во мне утверждало, что именно эти мои вопросы были самыми важными. И что я была совершенно права, когда почувствовала, что мы с Чейзом — одно и то же.

— С восьми лет. Отец нас бросил. Мама умерла, когда я был маленький.

— Дорогая, тебе не нужно говорить об этом, — сказал Кейси, и на долю секунды тот факт, что он использовал ласковое обращение, почти замаскировал значение его слов, и я сразу не поняла, что это был приказ. — Оставь эту тему, пожалуйста. Ведь ты не хочешь расстраиваться.

Одна из частей моего «я» хотела заметить, что за то время, пока Кейси и Эли были женаты, он не очень-то стремился изображать из себя папочку. А сейчас для него вдруг такое удачное время наступило — можно внезапно озаботиться моим психическим здоровьем. Особенно если принять во внимание тот факт, что я должна повиноваться.

Отлично. Я не буду говорить о своих мертвых родителях, что я тоже не помню их. Но если Кейси думал, что может запретить мне задавать трудные вопросы, то он ошибался.

— А каким ты был раньше?

Ладно, это конечно же не самый трудный вопрос, но мне нужно было это знать.

— Разным, — сказал Чейз. — Тихим. Упрямым. Сердитым.

— А сейчас ты...

— Сердитый, тихий и упрямый, — предположил он, слегка усмехнувшись, и я внезапно заметила маленький полукруглый шрам около его рта.

— Сердитый, тихий и упрямый, — повторила за ним я, и улыбка растянула уголки моих губ. — Ведь это так трудно.

— Все непросто. — Чейз помолчал. — Той ночью, когда ты пришла ко мне...

— Да?

— Ты меня прости, понимаешь...

— Ты хотел меня съесть? — предположила я.

Чейз кивнул, и даже это почти незаметное движение было наполнено зловещей грацией. Я вгляделась в его лицо, на мгновение захваченная тем, как сила его волчьей сути как будто бы излучалась из кожи. Если бы я не знала, что к чему, я была бы готова поклясться, что от Чейза исходило сияние, но люминесценция в пакет оформления обратной не входила.

— Ты сбила меня с толку, — сказал Чейз. — Ты...

— Другая? — снова высказала предположение я.

Он кивнул.

— Это так странно. — Я старалась говорить так, как будто это только что пришло мне в голову. — Тебя растили люди, а теперь ты обр, а меня растили обры, но я человек.

— Ты — Брин, — сказал Чейз, и то, как он это произнес, заставило меня подумать о

том, что за последние месяца два он так хорошо познакомился с культурой оборотней, что уже прекрасно знал, кем я была. Сиротка Энни. <sup>[25]</sup> Оливер Твист. Брин.

Приобретаем культовый статус, так вот.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне, что с тобой случилось, — сказала я, почти уверенная в том, что присутствующие сейчас вмешаются в наш разговор и не разрешат нам беседовать о том, что для меня так важно.

— На самом деле история не такая уж и длинная. Как-то я работал до поздней ночи, смена закончилась, я и пошел домой в темноте. А этот парень зажал меня в углу. Вот только что он был человеком, а потом раз — и все. Я даже как-то растерялся, схватил кусок трубы, попытался сбить эту дрянь с ног, но...

— Ничего не вышло? — рискнула предположить я.

Чейз кивнул:

— Он меня укусил.

На этот раз слова не произвели на меня никакого впечатления. Может быть, это было результатом тренировок. Каллум постоянно трудился над тем, чтобы выгнать из меня страх. Говорил, что это для того, чтобы я не боялась Чейза, но я начинала сомневаться, не происходило ли это из-за того, что какая-то часть моего «я» слишком долго была испуганной.

— Большинство укушенных умирают, — сказала я, втайне желая, чтобы Чейз посмотрел мне в глаза и прочел в них то, чего я не могла сказать вслух. — Когда Бешеные нападают, люди умирают. Они не меняются. Они просто...

*Умирают*, закончила я про себя.

Наши глаза встретились, и мышцы моего тела напряглись — чуть-чуть.

*Как твои родители?*

Я не шелохнулась. Даже виду не подала. Не подала ни одного визуального сигнала, что в моей голове зазвучал голос Чейза. И на его вопрос я тоже не ответила.

*Мне сказали, ты не любишь говорить о своих родителях*, беззвучно произнес он, но на самом деле мы не разговариваем.

Он понял. Слава богу, он понял. Вслух же я сказала что-то совсем другое:

— А как он тебя укусил?

— Сначала за горло. Потом за живот. Сейчас трудно вспомнить. После этого я ничего не помню. Кажется, мне удалось сбросить его с себя, но он все время возвращался. Сначала руки, потом ноги...

— Хватит, — сказала Сора, обрывая Чейза.

Он замолчал, и воздух вокруг нас, казалось, изменился, придавленный силой приказа Соры. Я перевела взгляд с Соры на Чейза, потом обратно и только тогда поняла, что он их тоже должен был слышать.

Повинуйся. Повинуйся. Ты член Стаи, ты должна повиноваться.

— Слышал, ты любишь заниматься искусством, — сказал Чейз, возможно, тоже подчиняясь приказу вести светскую беседу, вместо того чтобы говорить о том, как его методично потрошили.

Я кивнула:

— Бывает иногда.

Подумала о перепалке с Эли сегодня утром, и о частичке своего «я», спрятанной далеко-далеко, и как в одно мгновение что-то хрустнуло и появилась та сила, которая

позволила мне задавать эти вопросы. И еще невероятное, несомненное желание увидеть Чейза.

— Что ты любил, когда был... человеком?

Я бы сама не хотела, чтобы мне задавали такие вопросы, но связь со Стаей я ощущала почти как поводок на своей шее — он душил меня и тащил прочь. Чтобы я не задавала тех вопросов, ответы на которые мне очень хотелось узнать.

*Ты можешь с этим бороться,* шепнул тоненький голосок где-то у меня в затылке. Нет, это не был голос Чейза. Это был мой голос.

*Драться.*

*Драться.*

*Я в ловушке.*

*Драться.*

Но я не стала драться. Замедлила дыхание и отбросила от себя пелену панического страха, которая грозила опуститься на меня в тот самый момент, как я осознала, насколько крепок был на самом деле мой иносказательный поводок. Жалобный вой застыл где-то глубоко в моей плотке, и я стала ждать ответа Чейза. Чего-то большего, чем пустая болтовня. Что Каллум — через своих прихвостней — позволит мне услышать на самом деле.

— До того нападения мне нравились машины, Йейтс,<sup>[26]</sup> и чтобы в двери моей спальни был замок.

Чейз задумался, и за его кривой, самоуничжительной улыбкой мне почудился отголосок того жалобного воя, который застрял у меня в горле.

*Прочь.*

*Прочь.*

*Прочь.*

Нам хотелось бежать *прочь* отсюда.

Глаза Чейза запульсировали желтым. Не произнеся ни слова, Лэнс подошел к нам и положил крепкие руки ему на плечи. А потом прижал к полу и заставил встать на колени.

Жалкий писк вырвался у меня из горла, и тогда Сора положила руку мне на плечо. Она не давила, не напрягала, но когда я наклонилась вперед, ее рука просто еще крепче схватила меня и мягко оттащила назад.

— Посмотри на меня, — прорычал Лэнс, и сидевший на полу Чейз повиновался. Его тело дернулось раз, другой, третий, пытаюсь вырваться из хватки Лэнса, и воздух наполнился запахом паленых волос и мужского одеколona. Это не был запах Стоун Ривер. Это было что-то чужое, и оно было здесь.

Еще секунду я сидела на стуле, а в следующую секунду Сора уже толкнула меня к Кейси:

— Уводи ее отсюда!

Но, поскольку приказ напрямую ко мне не относился, то и выполнять его мне было необязательно. А главной заботой Кейси, кажется, было смотреть на Чейза, и вот он смотрел и смотрел, словно бросая ему вызов, чтобы тот подошел поближе.

*Стая. Не Стая. Стая. Не Стая. Стая.*

Волосы у меня на затылке встали дыбом. Ничего подобного я раньше не видела. Каллум сделал Чейза частью Стаи Стоун Ривер, но все волки в комнате реагировали на него как на чужака.

Чужак на нашей земле.

Угроза.

*Мне*, подумала я.

Всего мгновение назад я говорила с Чейзом.

Он был у меня в голове.

Даже сейчас я чувствовала каждый спазм в его мышцах — в тех же, что и у меня.

— Чейз, посмотри на меня. — На этот раз голос Лэнса был тихим и спокойным, но в этих словах мне слышался приказ, и в тоне Лэнса мне почудились отголоски голоса Каллума-альфы.

*Посмотри на Лэнса*, молила я беззвучно Чейза, в уверенности, что это поможет — правда, не понимая почему. *Посмотри на него*.

Чейз посмотрел на Лэнса, и постепенно запах чужого волка исчез, и в этой комнате остались только мы.

Я, Чейз, Кейси, Сора и Лэнс.

*Стая*.

— Что здесь только что случилось? — У меня первой прорезался голос, потом и остальные заговорили.

Если бы я обратила внимание, то могла бы заметить, как близко к последней черте подошли охранники Каллума.

Как близки они были к переключению.

— Он у меня в голове. — Голос Чейза был очень тихим. Слишком тихим. Любая другая девчонка вряд ли смогла бы различить его слова.

— Каллум. Волк. Они оба.

Это не был волк Каллума — тот, который наполнил комнату чужим запахом. И это не был Каллум, из-за присутствия которого у Чейза появился этот затравленный, ничего не выражающий взгляд.

Это был Бешеный.

Если Отметина соединяла тебя с оборотнем, то что тогда могло сделать само нападение? Конечно, тут все обошлось без ритуальных действий, но все же...

— Когда Бешеный напал на тебя, ты это почувствовал? — Из всех заданных мной глупых вопросов этот мог заслужить наивысшую похвалу, и я постаралась пояснить: — Ты здесь это чувствовал? — Сложив ладонь в кулак, я приложила к груди.

Кейси все еще держал меня за плечо, иначе я наклонилась бы к Чейзу, который все еще стоял на коленях на полу, и приложила руку к его сердцу.

— Я чувствовал это везде, — прошептал Чейз. — И иногда все еще чувствую.

— Кажется, хватит на сегодня, — сказала Сора.

Я почувствовала позади себя застывшего Кейси, его голова клонилась вниз, несмотря на то что спина оставалась прямой. Сора приказала ему вывести меня. Он этого не сделал.

— Брин, уходим. Сейчас. — Слова Соры прозвучали глухо, словно приказ, отданный вполсилы, и у меня появилось чувство, что это было из-за Чейза, а не из-за меня.

Лэнс все еще держал Чейза за плечи, но казалось, что вместо того чтобы прижимать молодого волка к полу, он его, наоборот, поднимал. Едва взглянув на Чейза, я почувствовала, как он был изможден, почувствовала, как обмякли все его мышцы, когда битва в его голове стихла.

— Прости. — Я не собиралась извиняться, но едва слова Соры подтолкнули меня к двери, как извинение само собой вырвалось у меня изо рта. Чейз был под контролем. Он был во власти Каллума. И что-то, что было сказано мной, это разрушило.

— Не извиняйся. — Голос у Чейза был вялый. Он еле держался на ногах. — Никогда не извиняйся.

Я почти подошла к двери, и меня охватило непреодолимое желание снова вернуться к Чейзу.

*Повинуйся. Повинуйся. Повинуйся.*

Если я хочу вновь встретиться с Чейзом, то сейчас я должна повиноваться. А Сора приказала мне уходить. Я поднесла руку к дверной ручке — очень медленно.

*Брин?* — зашептал в моей голове голос Чейза, и от этого ощущения по спине пробежал холодок.

*Да?*

*Ты спрашивала, что я любил... раньше.* Чейз замолчал, и тишина начала отсчитывать секунды у меня в голове, а холодок добрался до самых волос на затылке. *Раньше я любил машины, Йейтса, чтобы спальня запиралась изнутри... и тебя.*

Эти слова взорвались в моем мозгу, и если бы Кейси не поддерживал меня, то я бы, наверное, споткнулась.

*Ты даже не знала меня тогда.* Та часть моего «я», которая все еще думала, как человек, наверное, закатила бы глаза при таком заявлении Чейза — что он знал меня задолго до того, как мы встретились. Но чувство Стаи не позволило мне этого сделать. Потому что где-то в глубине души Чейз и был Стаей. Он и я были похожи, и бывают ситуации, в которых вы не можете ожидать от волка, оборотень он или нет, осознания течения времени.

Оглянувшись через плечо, я открыла дверь, сделала шаг через порог — и угодила прямо в руки Каллуму. Я не заметила, когда он ушел и сколько времени слушал наш разговор, но только он меня ждал. Каллум обнял меня, крепко прижал к себе, он держал меня так, как Лэнс держал Чейза — как будто мне нужна была помощь, чтобы стоять прямо. И, только упав в его объятия, я поняла, как близка была к чему-то страшному и опасному, когда последовала за Чейзом.

*Я любил машины, Йейтса, чтобы спальня запиралась изнутри... и тебя.*

И мне так захотелось снова пойти к нему.

— Хорошая работа, — сказал мне Каллум.

*Альфа,* сказала мне чувство Стаи.

*Каллум,* подумала я. Но часть моего сознания думала о чем-то еще, вернее, о ком-то.

*Чейз.*

— С тобой все в порядке. Ты в безопасности. Ты снова встретишься с ним. — Голос у Каллума был грубым, но для меня его слова звучали как колыбельная.

Чейз все еще не был под контролем Стаи. И тот, кто с ним это сделал, тот монстр, который изменил его, все еще скрывался где-то в закоулках его сознания, точно так же, как каждый член нашей Стаи скрывался в моем сознании.

— С тобой все в порядке. Ты в безопасности. Ты снова встретишься с ним, — повторил Каллум.

*Альфа. Каллум. Защитник. Стая.*

Эти не произнесенные вслух слова, каждое по отдельности, уверили меня, что с Чейзом все будет в порядке. Каллум не откажется от драки и не позволит Бешеному забрать одного из наших. Альфа-это значит безопасность. И до тех пор, пока я выполняла свою часть договора, следовала приказам Каллума, не мчалась обратно к Чейзу и не закрывала пространство между нами, в безопасности была я сама.

# Глава ДВЕНАДЦАТАЯ

Многие недели спустя мысли о Чейзе по-прежнему постоянно преследовали меня. И совсем не важно, что я делала — бегала с Каллумом, спарринговала с Сорой или Лэнсом, — Чейз всегда был со мной, и в его голубых глазах пряталась какая-то тайна. Я видела его лежащим в клетке — так, как он лежал тогда, в первую ночь. Я видела его стоявшим на коленях, придавленного каменными кулаками Лэнса. Я видела его таким, каким он, наверное, должен был выглядеть, когда возвращался домой с работы — в тот страшный день, когда Бешеный методично рвал его на куски.

Когда-то Чейз был человеком.

Он должен был умереть.

И каждый раз, когда он всплывал в моем воображении, каждый раз, когда я думала о новой встрече с ним, мне приходило в голову, что я тоже должна была умереть. Разрозненные воспоминания о той давней ночи терзали мое сознание, и я собирала их, как головоломку...

Кто-то постучал в дверь моих родителей. Мне нужно было побежать, открыть, но я не побежала. Я отступила назад. Мимо меня прошла мама. Я отступила еще на шаг.

*Кровь. Брызги во все стороны.*

Каких-то деталей мне не хватало. Я не могла вспомнить, как выглядел мой отец. Я не могла вспомнить длину белого платья матери. Я помнила только человека, который превратился в серого волка, белую звезду у него на лбу... и кровь.

А еще помню, как я бежала.

Где-то пряталась.

Горячий воздух в горле — он обжигал. Паника охватила меня.

Помню, как все глубже и глубже вжималась в шкафчик под раковиной. Помню слова странного человека.

Еще тишину... Помню, что было очень тихо, а потом — ничего, только розовая пелена перед глазами.

*Кровь.*

Сидящий рядом Девон оторвал взгляд от бумаг и склонил голову набок.

*Ты в порядке?* Я поняла это по выражению его лица, почувствовала в усилении его связи со Стаей и через нее — со мной. Но голос его у себя в мозгу я не слышала. Я вообще ничьих голосов не слышала, даже Каллума.

Пока не встретила Чейза.

Не думаю, что я и Чейза слышала. Я сопротивлялась непреодолимому стремлению снова встретиться с ним, закрыв глаза, отринуть психологическую зависимость от Стаи, которая была для меня всем, пока я не встретила этого парня.

Сейчас я была послушной дочерью Стаи, выполнявшей все, что приказывал Каллум. Я просто ждала подходящего момента, когда он снова позволит мне встретиться с Чейзом.

*Кровь. Брызги во все стороны. Паленый волос и мужской одеколон.*

У меня все смешалось в голове — Чейз и Бешеный, изменивший его; Каллум и Бешеный, которого альфа убил в ту ночь, когда погибла моя семья; Стоун Ривер, волки-чужаки...

Хотелось убежать и потеряться в непреодолимой силе — нас.

*Я в порядке.* Я послала Девону сообщение на чувственном, а не вербальном уровне, но выражение его лица — даже без самого слабого намека на усмешку — сказало мне, что он не поверил. Я еще раз самым старательным образом попыталась изобразить на своем лице улыбку. Девон бросил на меня взгляд, в котором явственно читалось, что он не чувствует ни малейшего уважения к моим несуществующим актерским способностям и что он *намерен поговорить* со мной об этом позже. И снова уткнулся в бумаги, лежавшие перед ним на парте. Я сделала то же самое.

Провалить годовую контрольную по алгебре с моей стороны было бы по меньшей мере неразумно.

Май наступил и закончился очень быстро, и лист бумаги, лежавший передо мной на парте, был единственным, что отделяло меня от приближающегося лета, а также от Чейза, который под руководством Каллума работал над тем, как изгнать бешенство из своей головы.

*Завтра, Брин. Сразу после школы.*

Я ждала этого, ведь накануне Каллум пообещал мне встречу с парнем. И если все эти недели Чейз присутствовал в моей душе, то теперь он не вылезал у меня и из головы.

*Раньше я любил машины, Йейтса, чтобы спальня запиралась изнутри... и тебя.*

Не могу сказать из-за чего-то ли из-за моей связи со Стаей, то ли из-за того, что Чейз был первым мальчишкой, появившимся в моих снах, — но если я долго не видела его, у меня появлялось странное чувство, что слова, которые сказал Чейз, были правдой. Мне казалось, что я всегда знала его.

Как будто мы были одним целым.

Это было смешно и глупо и совсем не помогало, когда дело доходило до вычерчивания кривой для уравнения  $y = \sin x$ .

Выбросив все лишние мысли из головы, я сосредоточилась на задании. Велела цифрам обрести смысл. Противопоставила всю силу воли темным силам, грозящим мне неудовлетворительной отметкой, и заставила их покориться.

Я укротила эту контрольную так, как никогда раньше ничего не могла укротить. И никого.

*Завтра, Брин. Завтра после школы.*

Этих пяти слов Каллumu было достаточно, чтобы превратиться из человека, пообещавшего Эли позаботиться обо мне, в того, кто не давал мне никаких гарантий безопасности, если я сделаю хоть один шаг в неправильном направлении.

Я и была Стая, и я буду действовать, как действует она.

*Я буду подчиняться.*

И если мое прошлое посещение Чейза было каким-то знаком, Стая не позволит мне подобраться слишком близко к нему. Не допустит, чтобы я задавала парню вопросы, ответы на которые я знать не должна.

*Я знала, что приходил Бешеный. Я знала, что он очень плохой. Я оказалась в ловушке, испугалась и убежала. Спряталась.*

Было ли то, что произошло со мной, похоже на то, что случилось с Чейзом?

— Пять минут, — объявил учитель, и для ясности вывел мелом на доске большую пузатую цифру *пять*.

Девон, сидевший справа от меня, начал проверять свои ответы. А сидевший слева Джеф, тот самый парень с мотоциклом, просто отказался от дальнейших попыток победить

математические задачки и усталая на милую тихую девочку, которая кинула его вскоре после того, как он подарил ей мою ручку.

Писать я закончила за сорок пять секунд до назначенного срока, и хотя у меня совсем не осталось времени еще раз проверить свои вычисления, я не могла избавиться от чувства, что написала все на отлично. Долгими бессонными ночами — с Большим Злым Волком, поджидавшим меня в моих снах, — ничего не оставалось делать, кроме как учить алгебру и думать о Чейзе.

Он рос в патронатной семье.

Все время злился на нее, сколько себя помнил.

Высоко ценил силу уединения... или это было раньше, еще до превращения?

Он был настоящим ходячим недоразумением.

И он был моим.

*Стая. Не Стая. Стая. Не Стая.*

— Время вышло!

Голос учителя звучал слишком весело для человека, обычно испытывавшего особое удовольствие при виде наших испуганных лиц. Но, принимая во внимание тот факт, что для учителя летние каникулы начинались в ту же секунду, что и наши, я решила, что обвинять его за это я не могу. Раньше лето для меня значило одно — бегать босиком вместе с Девонем да ждать визита к нам единственной девочки-оборотня, примерно одного со мной возраста. Но теперь я нутром чувствовала: это лето должно было стать другим.

Я не была готова к этому.

И когда ко мне подошел учитель, чтобы забрать экзаменационную работу, у меня случился приступ легкой паники, и я едва подавила в себе желание вцепиться в свою работу и не отдавать ее. Ведь не сдал работу — значит, лето еще не наступило.

Если бы не лето, я не смогла бы встретиться с Чейзом.

А если бы я не встретила с Чейзом, я бы начала мучиться по поводу того, что он мог мне рассказать. И что могла бы вспомнить я сама.

— Мисс Клер?

Учитель был настолько сбит с толку моим поведением, что я, улыбнувшись, разжала пальцы и позволила ему забрать мою работу. Сидевший рядом Девон ухмыльнулся.

— Ну что, все написала? — спросил он, когда мы, собрав сумки, пошли к выходу.

Я не ответила.

— Да ладно, Брин, мои планы на лето, так же как и твои, между прочим, зависят от твоих отметок. Ты хорошо написала?

Если мне повезет, то летние планы Дева, скорее всего, будут состоять из попыток организовать театральный фестиваль оборотней. Меня передернуло при мысли о том количестве ролей, которые мне придется сыграть: в Стае наблюдался переизбыток представителей мужского пола, и они отказывались надевать на свои головы белокурые кудрявые парики для исполнения женских ролей, что было бы вполне в традициях истинно шекспировского театра.

— Я хорошо написала, — улыбнулась я. — И, к твоему сведению, я еще не согласилась ни с одним из твоих так называемых «планов на лето».

С Девонем было легко. Кроме Эли он был единственным, с кем я могла общаться, не думая об остальной Стае.

— Ты не обязана идти, так ведь? — Девон произносил слова нехарактерным для него



приглушенным голосом. — Если ты решишь, что захочешь смотаться в Денвер и провести ночь в городе, поскольку только я смогу показать тебе...

Мой насмешливый взгляд прервал эту речь на середине предложения.

— Прости. Просто... ты пахнешь так же, как он. — Девон старался говорить беззаботно, но по его лицу было заметно, что слова давались ему с трудом. — Ты несколько недель не видела его, не прикасалась к нему, и все равно ты пахнешь, как он.

Это было для меня новостью. Однажды я специально понюхала свою руку, и несколько городских девчонок, заметив это, захихикали: они подумали, что я проверяю, не пахнет ли от меня.

— Ничем я не пахну, — сказала я тогда Девону, игнорируя городских тупиц.

Девон ничего не ответил — просто покрутил между пальцев свою ручку, словно маленькую, наполненную чернилами полицейскую дубинку.

— Давай, — сделал он еще одну попытку. — Ты. Я. «Нетфликс».<sup>[27]</sup>

Он был точно таким же, как Эли, — тянул меня прочь от края, не давая мне броситься вниз головой в разверзшуюся бездну.

*Да пошли они все, городские,* подумала я и устроила настоящее представление, ткнувшись Деву головой в грудь...

— Ты же знаешь, что я пойду, — сказала я.

Девон вздохнул, один раз тихо, другой — с мелодраматическим надрывом, к чему я уже начала привыкать.

— Да. Я знаю. Никто беби не загонит в угол, и так далее, и так далее, бла-бла-бла.

Тот факт, что в конец цитаты из «Грязных танцев» Девон поставил не два «бла», а целых три, свидетельствовал о его упадническом настроении.

— Со мной все будет в порядке, — улыбнулась я.

Девон ничего не ответил.

— Чейз не сделает мне ничего плохого.

Даже если Каллум и Бешеный будут убивать друг друга за господство в его голове, даже если я влезу под кожу Чейзу хотя бы в такой же степени, как он влез под кожу мне, со мной все будет в порядке. Я была в этом уверена.

Следующие слова Девон произнес так тихо, что я почти не разобрала их:

— Я не о Чейзе беспокоюсь.

Я попыталась заставить его повторить то, что он сказал, но он не стал этого делать. И теперь я убедилась в том, что Девон беспокоился не обо мне и не о Чейзе.

О Каллуме!

— Ты, по-честному, не должен волноваться, — сказала я Деву, но едва слова вылетели у меня изо рта, я почувствовала, как волк внутри него ошетинился.

Самок нужно было *защищать*, но альфе следовало *подчиняться*.

— Каллум никогда не сделает мне больно.

Я повторяла это как молитву с тех пор, как альфа спас меня, вытащив из-под раковины. Он часто напевал мне вполголоса. Говорил со мной. Отгонял дурные мысли.

— Если ты нарушишь свои обязательства, у него не останется выбора, — вздохнул Девон.

Я нанесла резкий удар кулаком ему в живот — вполне достаточно для того, чтобы вырубить обычного мальчишку. Но Девон даже не покачнулся.

— Я не собираюсь нарушать договоренностей, — заявила я. — Я их и в прошлый раз не

нарушала. Я не такая глупая.

Это заявление было встречено обидным молчанием.

— Я что, в прошлый раз приказаниям не следовала?

Снова продолжительное молчание, и Девон разразился песней из *Энни*.<sup>[28]</sup>

Я заметила, что он от меня не отодвинулся — его волку казалось, что если стоять рядом, то со мной ничего не случится.

— Верь мне, Дев, — я похлопала его по плечу. — Со мной все будет в порядке.

Наверное, мои слова походили на правду, потому что Девон попятился, а я задумалась, не стану ли я лгуньей в будущем. Потому что в последний раз, когда я видела Чейза, со мной что-то было явно не так. Я не нарушала обязательств. Не заставляла Каллума форсировать события. Чейз пальцем ко мне не притронулся. Однако со мной что-то было не в порядке.

*Выходи, выходи давай, ну, где ты спряталась, малышка? Зачем прятаться от Большого Злого Волка? Все равно рано или поздно я найду тебя...*

Единственным способом сделать так, чтобы со мной ничего не случилось — сейчас или вообще, — было точно узнать, что случилось с Чейзом, и поверить в то, что это не случится больше ни с кем.

Никогда!

# Глава ТРИНАДЦАТАЯ

— Не могу поверить, что ты хоть на секунду притворишься, что не знаешь точно, что может случиться!

— Элисон!

— Ты достал меня своим «Элисон», Каллум. Ты хочешь обсудить условия? Что там за условия у меня были, а?

— Элисон!

Я узнала голоса, доносившиеся откуда-то метров с пяти: Эли, Каллум и Кейси. Они так громко орали, что, казалось, даже не заметили, как я подошла к ним. Это было действительно странно, потому что звука шагов я не скрывала, и Каллум с Кейси должны были слышать меня за милю.

— Это между мной и Каллумом, Кейси. Если не можешь поддержать меня, стой и молчи.

Голос Эли стал глуше, и вместо Кейси от возмущения задохнулась я. Если бы она в таком тоне говорила со мной, я бы, ни слова не сказав, развернулась и ушла.

— Я не понимаю, зачем...

Глухой, ни на что не похожий звук вырвался у Каллума из глотки, и Кейси замолчал. Я не была уверена, было ли рычание Каллума угрозой или предупреждением, но, чем бы оно ни было, Кейси так и не закончил свою, явно необдуманную, фразу.

*Не понимаю, зачем мне беспокоиться?*

*Не понимаю, зачем я пытаюсь это сделать?*

*Не понимаю, зачем я веду себя так, как будто есть малейший шанс, что ты меня услышишь?*

Не важно. Даже я могла сказать, что Эли была не в том настроении, чтобы прислушиваться к чему-либо подобному. Она бросила вызов Каллуму. Кейси пытался отговорить ее от этого. Наш дом каким-то образом оказался в самом центре разборок за влияние в Стае, и у меня родилось подозрение, что причиной тому была я.

Кейси злился на Эли. Эли была в ярости от Каллума. А Каллум говорил низким, ровным голосом, как будто он не мог в один момент заставить их встать на колени, если бы такое могло прийти ему в голову.

Это было нехорошо.

Я остановилась. Задержала дыхание.

— Я бросила свою семью. Своих друзей. Ни с кем из них я больше не буду встречаться. Я хранила тайны Стаи. А что ты дал мне взамен?

Это был отнюдь не риторический вопрос. Эли ждала ответа, и Каллум ответил ей. Голос его был тихим и нежным, как будто он журил малое дитя, вместо того чтобы обратиться к нему ярость мамы-медведицы.

— Я дал тебе Брин.

— Она моя, Каллум. Не твоя. И не Стаи. Она моя дочь, и ты поклялся мне, что, когда речь пойдет о ее безопасности, мое слово будет решающим. Так что все, что ты знаешь, все, что ты видел...

А потом наступила тишина, резко так, что мне на секунду показалось, будто я потеряла

сознание или внезапно оглохла на оба уха.

— Можешь к нам присоединиться, — сказал Каллум, возвращал меня в реальность. Голос у него был строгий, как будто ему было давно известно, что я болтаюсь где-то неподалеку и ловлю каждое их слово. — Это касается тебя.

Я услышала, как Эли пробормотала что-то вполголоса, но не разобрала что. Медленно и осторожно я подошла к ним, останавливаясь на каждом шагу, совсем не уверенная в том, что мне хочется увидеть выражение их лиц.

Я была права, что беспокоилась.

Эли выглядела как Эли, Каллум — как Каллум, а Кейси — так, как будто хотел меня прикончить.

Как и все другое, это была *моя* вина. Хотя я еще ничего не сделала. Пока!

— Как дела с контрольными? — спросила Эли, нарушая тишину вопросом, который прозвучал так обыденно, что мне даже показалось на мгновение, что вопли мне просто почудились.

Но, взглянув краем глаза на Кейси, поняла — не почудилось.

— Все в порядке с контрольными, — сказала я, прижимаясь спиной к стене: инстинктивное движение, от которого я не могла избавиться, несмотря на то что мы все здесь были одной семьей. — Уверена, что алгебру написала на отлично.

Я почувствовала, что Каллум, стоявший рядом со мной, улыбнулся. Но когда я посмотрела на него, то лицо его было спокойно-нейтральным. Лицо альфы, занимающегося делами Стаи.

Моя рука дернулась к поясу джинсов в поисках напоминания — физического напоминания — о том, что, даже когда он был альфой, он оставался Каллумом. Даже когда решались дела Стаи, я все-таки была — *его*.

— Это из-за того, что я снова встречу с Чейзом? — спросила я.

Я обращалась к Каллumu, но на мой вопрос ответила Эли:

— Ты не должна к нему идти.

Сначала Девон, теперь Эли. Почему они решили, что я не должна этого делать?

— Не надо, — сказала Эли. И я подумала о том, почему мои мысли *всегда* так явно отражаются на моем лице. — Я не знаю ничего из того, что знаешь ты, Брин, но тут не надо быть ученым, чтобы догадаться, что из этого ничего хорошего не получится.

— Чейз не сделает мне ничего плохого, — упрямо пробурчала я.

Эли взглянула на Каллума, и у меня в голове всплыли слова Девона — *Я не о Чейзе беспокоюсь*.

*Каллум тоже не причинит мне зла*, подумала я, но вслух не сказала. То, что я должна была так сказать или подумать, это было просто уму непостижимо. Я обратилась к Каллumu как член его Стаи, и все, что делал он и что делала я, в равной степени определялось нашим договором. Я была не так глупа, чтобы нарушить слово, данное ему перед всей Стаей, да и твердости во мне было больше, чем они могли представить.

Одно дело — искушать судьбу, совсем другое — шутить с Законом Стаи.

— Ты готова? — спросил Каллум, не обращая внимания на Эли. Его глаза сказали мне, что он знал меня лучше, чем она. У него даже ни на секунду не возникло сомнения в том, что я могла уступить.

— Он просто мальчишка, — сказала я вслух. *Просто мальчишка с Бешеным в голове, да еще который к тому же заявляет, что любил меня еще до того, как мы встретились.* — Я

готова.

Эли вздохнула, и звук получился очень неестественный, как будто ее легкие были проткнуты, и воздух из них высасывался какой-то внешней силой.

— Позаботься о ней, Кейси, — сказала Эли, и я не смогла определить, были ее слова просьбой или приказом. — Пожалуйста.

Кейси кивнул, и уже не в первый раз я спросила себя, думал ли Кейси, когда женился на Эли, что напорется на кого-то вроде меня.

— Мы будем вести себя очень осторожно, Элисон. Даю слово.

Возможно, что слова Каллума звучали успокаивающе, но, будучи сама специалистом заморочить голову кому угодно, я не могла не заметить того, чего он не сказал. Он не сказал, что будет *защищать* меня. Он сказал, что мы будем *вести себя осторожно*, и я была не настолько глупа, чтобы думать, будто это одно и то же.

Кейси, Каллум и я в молчании шли к дому. На половине пути к нам присоединились Сора и Лэнс.

— Ты прекрасно знаешь, что он не просто мальчишка, — сказала я, чувствуя необходимость объясниться, пока Эли не было рядом.

— Знаю, — усмехнулся Каллум, и мне стало интересно, хотелось ли ему, чтобы я заметила слабый отголосок печали в его голосе.

Эта встреча ничего общего не имела с обычным свиданием мальчика с девочкой. И то, что Чейз преследовал меня в моих снах, роли не играло.

Все дело было в Бешеном.

Все дело было во мне.

К тому времени, как мы подошли к дому Каллума, я уже ничего не пыталась себе объяснить.

— Кейси, Сора и Лэнс — главные. Твоя связь со Стаей остается прежней. Ты не имеешь права прикасаться к Чейзу.

С этими словами Каллум исчез, и я снова спросила себя, почему вышло так, что он не остался — не мог или не хотел? — чтобы наблюдать за моим общением с Чейзом.

— Привет!

Ну вот, только помяни дьявола. Сколько глубины было в одном этом слове. Один только звук голоса Чейза вызывал в моем воображении полную луну, серебристую и преувеличенно огромную.

— Привет! — ответила я, чувствуя себя человеком, и человеком очень маленьким.

Когда-нибудь я побегу с Чейзом, так же, как я бежала со Стаей. Но не сегодня.

Через несколько секунд мы уже сидели так, как в прошлый раз: я на диване, Чейз — на стуле рядом. Он улыбался, и в изгибе его губ я почти могла разглядеть его волка.

*Правила такие же, как в прошлый раз*, сказала Сора, и ее строгий голос раздался в моем мозгу.

Никаких прикосновений.

Никаких разговоров о семье и о том, как родные Чейза умерли.

Не спрашивать парня о том, как Бешеный разрывал его на куски.

— Как твои дела? — спросила я, чувствуя себя еще более скованной, чем в прошлый раз.

— Хорошо, — ответил Чейз. *Я контролирую себя*, добавил он беззвучно. *Сейчас у меня в голове никого чужого нет, только я один. Большую часть времени.*

Его голос отчетливо раздавался в моем сознании, яснее, чем когда-либо. И я знала, что

это не было просто моим воображением — нас связывало нечто большее, чем просто чувство Стаи. Я не чувствовала Чейза в своем бедре — в метке Каллума. Я чувствовала его в своем животе и легких. Я дышала Чейзом, вдыхала его и выдыхала, он жил в моих мыслях и в воспоминаниях — там, где его сначала не было.

— У меня письменный экзамен сегодня был, выпускной, — удивилась я.

Слова были малозначащие и к делу не относились, но как только они вылетели у меня изо рта, мои охранники расслабились. Они не возражали, чтобы я вела беседу с Чейзом-мальчишкой. Они просто хотели, чтобы я держалась подальше от его волка. Не подбиралась к кровавой ночи его рождения.

— Я не скучаю по экзаменам, — сказал Чейз. — Если задуматься, я и по людям тоже не скучаю.

— Не скучаешь по тому времени, когда был человеком? — удивилась я.

Одно дело — смотреть, как обры в полнолуние освобождаются от своей человеческой природы, наблюдать за тем, как волк постепенно овладевает телом Каллума или Девона, и совсем другое — вообразить, что ты переходишь из своего состояния в состояние теперешнего Чейза.

*Это могла быть я.* Такая мысль поразила меня.

Чейз сидел на стуле, развалившись, словно лев в саванне, словно волк, растянувшийся на мокрой лесной траве. Его руки свободно свисали по бокам вниз, глаза вбирали в себя все, перепрыгивая с моего тела на тела моих охранников.

*Это могла быть я.*

— Я не скучаю по тому времени, когда был человеком. — Чейз помолчал — человек в нем сдерживал те слова, к которым подталкивал его волк. — Я скучаю по тебе.

Воздух между нами наполнился статическим электричеством, и я почувствовала к нему магнетическое притяжение. На грани между человеческим и *не*-человеческим.

*Сосредоточься,* сказала я себе. Я пришла сюда не для того, чтобы запечатлеть картинки из жизни Чейза — такой, какой она была до превращения. И не для того, чтобы общаться с его волком или пытаться выяснить, что это было за чувство, которое заставляло женщин из человеческого племени оставлять свои семьи ради возможности умереть, рожая щенков оборотней.

*Я не такая девушка,* беззвучно сообщила я Чейзу.

Он пожал плечами, и мне стало интересно, понимал ли он, что я имела в виду. И имел ли он хотя бы самое слабое представление о той силе, с которой притягивал к себе мое тело.

— Каллум приказал мне не дотрагиваться до тебя, — заметил Чейз. — Ты больше не пахнешь мясом.

Я не знала, как отнестись к этому заявлению, но в голубых глазах парня я увидела нечто новое: владение собой, которого не замечалось во время нашей последней встречи. И одиночество, которое не может иметь право на существование в самом центре Стаи оборотней.

— Что случилось с волком, который напал на тебя? — Каждый раз, когда я хотела задать Чейзу вопрос о нападении, я спрашивала его о жизни. А сейчас, когда я хотела сказать ему, что он не одинок, совсем другой вопрос слетел у меня с языка.

— Он убежал.

— Он мертв? — Этот вопрос я задала своим телохранителям. — Мы его затравили?

Ответ Соры прозвучал почти незамедлительно:

— Тебе не нужно забивать этим голову, Брин.

Это был не ответ. Это был приказ. Они приказывали мне не интересоваться Бешеным, а ведь это была единственная и самая главная причина моего посещения Чейза.

— Я называю его Пренсер.<sup>[29]</sup> — Чейз спас меня от полного разочарования. Хотя бы он обладал способностью не отклоняться от важной темы.

— Ты называешь волка, который напал на тебя, почти убил и изменил... ты называешь его *Пренсером*?

— Мне нужно было когда-то прекратить бояться. Если дать призраку имя, он уйдет. — Чейз пожал плечами, а потом продолжил у меня в голове. *Каллум научил меня, как не впускать его в свое сознание, но воспоминания изменить невозможно. Я засыпаю — и он уже там. Когда я сплю, он хватается меня там, где хочет, и я, хоть убей, ничего не могу с этим поделать. Но когда я не сплю, он — Пренсер. Он не может контролировать мои мысли. Не может запугать меня. Если только я не дам на это своего разрешения.*

— Чейз говорит с тобой? — спросила Сора. — Мысленно?

Не знаю, как она могла догадаться. Может быть, она заметила, как изменилась моя поза или как мое тело качнулось по направлению к Чейзу. Может быть, она прочла это по моему лицу или почувствовала через связь со Стаей. В любом случае, мне не хотелось отвечать на этот вопрос, но тут Сора решила надавить на меня — подошла, поставила руки мне на колени и склонилась надо мной так низко, что мне пришлось откинуться назад.

Она господствовала надо мной. И в этот момент я не могла соврать Соре, даже если бы захотела.

— Да.

— Он вообще-то еще не должен этого делать, — удивленно сказал Кейси. — Рано еще.

Сора фыркнула и посмотрела на меня:

— Да и ей тоже.

*Они скажут, чтобы мы прекратили,* догадалась я.

*И нам придется прекратить,* ответил Чейз.

Никому из нас этого делать не хотелось. Я хотела, чтобы Чейз оставался у меня в голове, а я — у него. И за секунду до того, как Сора официально огласила приказ, мы двое соединились в наших мыслях, и образы потекли из его сознания в мое.

Темная аллея.

Грязные пятна у него на штанах.

Какая-то тень за спиной.

Тихий, вкрадчивый голос.

*Кто здесь боится Большого Злого Волка?*

Мои мысли кровавым потоком слились с его мыслями. Мужчина, которого я называла папочкой. Женщина, которая была моей матерью до Эли. Братья-сестры — у меня ведь были сестры или братья, так ведь? Потом стук в дверь и какой-то человек.

Человек с волком.

Человек убивает маму.

Волк убивает папу.

И они начинают искать меня.

*Кто тут боится Большого Злого Волка?*

— А ну-ка прекратить. Вы двое! Все, что вы уже сказали, немедленно повторить вслух. Это приказ.

Между мной и Чейзом повисла тишина, но все равно моя голова была заполнена мешаниной из его и моих мыслей, а также еще из того, что я показывала ему, потому что приказы, которые мне отдавались, запрещали мне говорить об этом вслух.

— Значит, — громко сказала я, — Пренсер укусил тебя. И ты выжил?

— Где-то так.

— И как мне кажется, мы уже почти закончили, — сказала Сора.

— Каллум сказал, что у нас есть целый час, — напомнила я ей.

— В этом случае положишься на мое решение, Брин. — Сора была непреклонна. — У тебя нет особого выбора.

*Это ради твоей же пользы, глупышка.*

И я была совершенно уверена в том, что она и не предполагала, что я это услышу.

— У него на лбу была белая звезда, — сказал Чейз. И в его голосе появился отголосок грусти. — Это было последнее, что я увидел, перед тем как вырубился. Звезда, как у Пренсера.

Меня парализовало. Сердце яростно забилося. Внезапно я почувствовала свою кровь: как она прокачивалась по венам. Как легко нам с Чейзом было поменяться местами.

*У него на лбу была белая звезда.*

*Кто тут боится Большого Злого Волка?*

Я подумала, что сейчас меня стошнит. Не получилось.

— Они — одно и то же, Пренсер и Большой Злой Волк, — прошептала я.

— Брин, — подняла руку Сора, но это не было приказом. Не было. Значит, подчиняться я была не должна.

— Человек, который сделал это с тобой, и человек, который сделал это со мной...

— Я же сказал тебе, чтобы ты не говорила об этом, Брин. — Это Кейси, который, кажется, был так напуган, что не решался отдать мне еще один приказ — из опасения, что я не стану подчиняться.

Я дала Эли обещание, он тоже. Я не буду совершать глупостей. Кейси не позволит сделать мне больно. Но мне уже сделали больно. Очень больно.

*Выходи, выходи, где ты прячешься?..*

А потом они все вдруг появились у меня в голове. Стая. Все обры, без исключения. Они влезали в душу, вытаскивали оттуда Чейза, заставляли меня подчиниться, приказывали занять свое место, стать их дочерью.

Быть управляемой.

Быть в подчинении.

*Со мной все будет в порядке,* пообещала я Эли. *Я не наделаю глупостей,* поклялась я Девону. Но они не знали... я даже на секунду не могла поверить, что они оба могли знать правду — то, что Каллум скрывал от меня в течение этих нескольких месяцев. Он не просто держал меня вдали от Чейза, приказывая мне работать до изнеможения в его присутствии. Он вообще *ни к чему* меня не готовил. Он маскировал ситуацию в целом, скрывая правду.

Я почувствовала, как цепенеет мое тело, а мозг взрывается. Наконец я все поняла. Тот человек, который напал на Чейза, и тот, который убил мою семью, это был один и тот же человек. Казалось, это было невозможно по тысяче причин, и каждая из этих причин заставляла меня действовать.

*Драться.*

Я могла с этим бороться. Я могла бороться со всем, что навязал мне Каллум ради



сохранения моей безопасности. Я могла сопротивляться поводку, душившему меня и тянувшему назад. Приказам, которые выкрикивала Сора.

*Западня.*

Знакомая пелена окутала меня. Не поддающаяся контролю. Непознаваемая.

*Западня.*

*Драться.*

*Кровь.*

— Встреча закончена, — сказала Сора, собираясь взять меня за руку, и это стало последней каплей.

Она не могла прикасаться ко мне. Не могла запретить мне общаться с Чейзом. Запретить думать о том, что не нравилось Стае.

Ограждать меня от правды. Не только сейчас. Вообще.

*Повинуйся. Повинуйся. Повинуйся.*

*Подчиняйся. Подчиняйся. Подчиняйся.*

Чувство Стаи начало зашкаливать, но когда Сора попыталась рывком поставить меня на ноги, она совершила критическую ошибку Потому что только одна вещь была сильнее, чем моя связь со Стаей, — стремление быть в безопасности. Желание спастись.

*Я чувствовала, как он подходит. Я чувствовала, как он подходит, и побежала и спряталась.*

Они все мне ввали. Все до единого. Сначала выключилось мое периферийное зрение, потом наплыла темнота, красная и шероховатая, как забрызганная кровью стена, как будто бы я смотрела на мир из-под раковины.

*Повинуйся. Дерись. Западня. Подчиняйся.*

*Выживай.*

Только этот приказ имел значение. Больше ничто. Я вскочила с дивана, темнота сомкнулась вокруг меня, и мои охранники, пораженные этим проявлением откровенного неповиновения, не смогли достаточно быстро отреагировать. Не сумели достаточно быстро подавить меня своей волей, не сумели достаточно быстро задержать меня, когда я прорвалась сквозь один приказ, потом другой, а потом еще один с неистовством и свирепостью загнанного в угол животного.

Я бросилась к Чейзу, он схватил меня и прижал к себе так сильно, что я почувствовала, как на руках образуются синяки. Но это было не важно.

Мы прикоснулись друг к другу.

Они приказали нам не прикасаться друг к другу, а мы прикоснулись.

*Моих родителей искусали. Они не выжили. Каллум убил волка, который это сделал. До того, как он добрался до меня. Но я догадалась, что он этого не сделал. Не убил его на самом деле.*

Еще больше информации проходит между нами. Чувства — гнев, ненависть, страх, любовь, надежда... Слова, обрывки образов... Я — в памяти Чейза. Он — в моей памяти. Я не вижу ничего. Даже его лица.

*Западня.*

*Драться.*

*Они хотят забрать меня.*

*Я должна... должна...*

Сора, Лэнс и Кейси вскочили на ноги, я не вижу их — все красное, слишком много

красного, — и Чейз держит меня еще крепче.

— Моя, — рычит он.

— Отпусти ее.

— Нет, — говорю я, вынуждая тело подчиниться своему приказу и заставляя окружающий мир не вращаться перед моими глазами. — Не отпускай.

Все, что я знала в этой жизни, было враньем. То существо, монстр, который убил мою семью, он все еще был здесь, и Каллум знал об этом. Знал, но скрывал от меня, прятал Чейза, и не потому, что тот был опасен, а потому, что Бешеный был у него в голове.

Потому что вместе мы бы это разгадали.

— Отпусти ее. Сейчас же!

Воздух задрожал от напора Лэнса. Я не представляла, каким он был сильным и как близок к тому, чтобы самому быть альфой. А то, что он говорил очень редко, придавало его словам особую силу. Волк Чейза повиновался приказу, пятясь назад, рыча и огрызаясь.

Его пальцы отпустили мои плечи.

*ПОВИНУЙСЯ. ПОВИНУЙСЯ. ПОВИНУЙСЯ.*

Меня ломало. Плющило. Мне не хватало воздуха. Я почувствовала панику Чейза, и это каким-то образом позволило мне не запаниковать самой. Мое зрение стало идеальным — потому что он еле видел. Мои мысли не путались — потому что его были в беспорядке.

*Западня*, донеслись до меня его мысли. *Драться. Брин.*

Я почувствовала, как Чейз сходит с ума. Увидела, что он теряет над собой контроль — понемногу, шаг за шагом. И вспомнила, что я сделала с Девонем, когда, растерявшись в подобной ситуации, попала в западню, и выхода совсем не было.

Если он бросится на Лэнса, они убьют его.

*Драться.*

*Смотри на меня*, подумала я, борясь с туманом в голове, своей и его. *Только на меня, Чейз.*

Я могла бы перекрыть мою связь со Стаей, могла бы найти оправдание выставленной блокировке своего сознания, но я этого не сделала.

Вместо этого я, напрягшись всем телом в попытке сохранить свои самые главные инстинкты, собрала все, что было между мной и Стаей, все, что связывало нас, делало меня одной из них — каждый невидимый волосок, связывавший меня с моими братьями-волками, — и бросила все это Чейзу.

*Мой*, подумала я.

*Западня. Драться. Выжить.*

*Мой.*

Потом — *фуух!* как будто воздух в одно мгновение высосали из комнаты, и наступила тишина. И Стая ревела на меня уже откуда-то издалека, совсем неслышно. Тишина.

Тишина и Чейз.

# Глава

## ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Ты что это сделала только что? — грубо спросил Кейси, но на его лице было написано что-то вроде ужаса. — Вы двое, вы что это такое сделали?

Чейз посмотрел на Кейси, потом на меня. Паника исчезла — и у меня, и у Чейза, — и ее место заняло энергичное напряжение, теплыми нитями проходившее сквозь наши тела, притягивающее нас друг к другу дюйм за дюймом.

— Я могу не отвечать, — сказал Чейз растерянно, — хотя обычно, когда они о чем-то спрашивают, я должен ответить. — Он склонил голову набок. — А это все-таки еще там... Каллум. Волк. Стая. Я могу слышать их, но сейчас все по-другому. — Чейз наклонился вперед, зарывшись носом в мои волосы, и втянул носом воздух. — Это ты.

— Она перенастроила связи, — глухо сказала Сора. — Теперь они друг для друга на первом месте, а Стая — на втором. — Я чувствовала, как ее душа рыскала вокруг меня, проверяя, где кончается наша связь, пытаясь уничтожить то, что я сделала, что бы это ни было.

— Это невозможно, — возразил Лэнс, обменявшись взглядами с Сорой, и их взгляды напомнили мне, что опыт многих столетий научил их разбираться в мельчайших деталях выражения лиц друг друга. — Или нет?

— Моя, — сказал Чейз и потерся щекой о мою шею.

Я вздрогнула — от прикосновения било, как от электротока.

— Мой, — согласилась я, зарываясь рукой в его волосы. — Но только без сумасбродства. И я — не твоя собственность. И еще каждый сохраняет свою независимость. — Я пихнула Чейза локтем. — Правильно?

Он пожал плечами:

— Конечно.

Наверное, это очень здорово, что он не родился обром.

— Они идут сюда. — Это снова Сора. Ее голос по-прежнему бесстрастный.

— Кто? — спросила я.

— Тот, кто находится достаточно близко, чтобы почувствовать, что здесь только что произошло, — ответила Сора. Она закрыла глаза, пытаясь узнать их, и мне стало интересно, смогу ли и я сделать это когда-нибудь, если, конечно, очень постараюсь. — Маркус. Братья Коллинз. Все твои одногодки, кроме Девона. Кое-кто из жен.

Кейси резко втянул в себя воздух:

— Это плохо.

Из груди Лэнса вырвалось глухое рычание.

*Очень плохо*, перевела я Чейзу.

А он крепко обнимал меня и никак не мог понять, как что-то, происходящее между нами, может быть плохим. Ведь все так здорово. К несчастью — а может быть, и к счастью, — я все еще в достаточной степени была человеком. И наше нежное мурлыканье, и прикосновение кожи Чейза к моей отнюдь не убеждали меня в том, что мы находились в безопасности. Мы были вместе, это точно. Но и дела наши были хреновые. Особенно у меня.

Инстинкт выживания, который довел меня до того, что я только что сделала — чем бы это ни было, — теперь не стоил и плевка. Какие условия Каллума я здесь нарушила? Я не

только послушалась волков, которым должна была подчиняться, — я бросила вызов их господству надо мной и над Чейзом. Да еще каким-то образом все соединения переустановила. Связь, которую я согласилась в свое время раскрыть для того только, чтобы прийти сюда, направила во что-то новое. Стая все еще была соединена со мной, а я все еще была соединена с обрами, но сейчас все это сопровождалось всепоглощающим единством, перетекавшим от меня к Чейзу и снова от него ко мне.

Я обратилась к Каллуму как член его Стаи, и я послушалась Каллума тоже как член его Стаи. По зеленоватому оттенку на лице Кейси и по тому, что Сора больше не орала на меня, мне стало ясно, что все это значило.

Я уже была мертва.

Эли и Девон никогда не простят мне этого. И, что еще хуже, они никогда не простят Каллума.

— Нет, — прорычал Чейз, поднимаясь и отодвигая меня себе за спину. — Они ничего тебе не сделают. Я не позволю им.

— У тебя нет выбора, сынок. — В комнату вошел Каллум, утомленный, с каменным лицом.

И хотя наша связь с ним была заглушена, подавлена тем, что я сейчас делила с Чейзом, я изо всех сил старалась расслышать его, почувствовать, узнать, о чем он думает. И я это слышала.

*У тебя нет выбора, сынок. И у меня тоже нет.*

Правосудие Стаи — это вам не игрушка. Точно так же, как и у диких волков, у обрвов существовало правило: бросивших вызов альфе следует бить, пока они не покорятся, или устранять. Мне доводилось видеть, как взрослых мужчин почти на клочки разрывали за меньшие прегрешения, чем я натворила сегодня. Конечно, они выздоравливали. Со временем. Потому что не было ничего такого, от чего оборотни не могли бы вылечиться, если только речь не шла о серебряной пуле или отсечении головы.

А я?

Нехорошо. Очень, очень нехорошо.

— Я ни о чем не жалею. — Я прошептала эти слова и испугалась, как бы Каллума инфаркт не хватил. — Ты должен был сказать мне обо всем.

Каллум просто обязан был. Он знал меня. Он видел, что сделал со мной Бешеный, и каждый вечер, год за годом, позволял мне ложиться спать с мыслью, что монстр, убивший мою семью, был мертв.

Мне нельзя было узнать от других людей, что безопасность, которую я ощущала в Стае, была призрачной. И что Бешеный был все еще жив и нападал на людей. На Чейза напал.

На *моего* Чейза.

Каллум мне не ответил. Он просто проигнорировал мои слова. Смотрел сквозь меня так, как будто я не стояла прямо перед ним. Как будто я уже была мертвой.

— Сора? — Его голос был обманчиво тихим. — Буквально на одну минуту, если не возражаешь.

Сора кивнула, и ее лицо было точь-в-точь как у него. Каллум перевел взгляд в сторону Лэнса и Кейси:

— Пусть рядом с ней никого не будет. Правосудие свершится. Но альфа здесь я, и будет так, как я скажу. Если кто-нибудь оставит на ней хотя бы царапину, до того как я прикажу, он умрет.

От этих слов у меня дыхание перехватило.

*Брин?* Неуверенный голос Чейза у меня в мозгу. Он хотел защитить меня. Его волк тоже хотел защитить меня. Они хотели быть рядом со мной. Они не понимали, почему слова Каллума проняли меня до самого нутра, когда моя жизнь и так была поставлена на карту.

— Он связан своим словом, — прошептала я, прижимаясь к спине Чейза.

Каллум не мог просто так угрожать убийством. Если бы кто-нибудь тронул меня, ему бы пришлось его убить.

*Хорошо*, втянул носом воздух волк Чейза. Он поможет Каллуму убить всякого, кто только прикоснется ко мне.

— Вот ты не могла во все это не влезать, а? Ты не могла — хотя бы в этот раз! — поверить, что есть кто-то, кто разбирается во всем этом лучше тебя? Ты действуешь не думая. Ты всегда так делала, никогда не думала, прежде чем действовать. И сейчас... — Кейси смолк. — Ты понимаешь, как это подействует на Эли?

У меня слезы навернулись на глаза, но я все равно не смогла удержаться и подколола его:

— Ну, я думаю, тут и гадать не нужно — придется тебе спать на диване.

Кейси повернулся и врезал кулаком по кофейному столику Каллума. И разбил его пополам, прямо по центру. Чейз зарычал, его верхняя губа вздернулась, а зрачки расширились и изменили цвет.

— Все в порядке, — сказала я. *С нами все в порядке.*

Чейзу не нравилось, когда Кейси орал на меня. Ему сразу хотелось вцепиться в него за жестокость — пусть даже по отношению к предмету мебели, — ведь это так близко к...

*О нет*, подумала я. *Он ведь не хотел, нет, просто не подумал...*

А потом, как всегда, нашлись дела посерьезнее, чем искать определение тому, что произошло между мной и Чейзом. Потому что под чьим-то мощным ударом входная дверь уже влетела внутрь, и обры толпой ворвались в комнату.

— Вон! — заорал Лэнс, и хотя сила его приказа больше на меня не действовала, я смогла заметить, какой эффект это произвело на остальных.

Остальные — все до единого, — огрызаясь, рыча и бормоча проклятия, попятились прочь из дома.

— Всякий, кто притронется к девчонке без особого на то разрешения Каллума, умрет, — твердо сказал Лэнс. — Это слово альфы.

— Я не могу поверить в это! — насмешливо произнес стоявший у самого порога Маркус. В глазах — жажда крови, морда красная. — Она нарушила слово, данное Стае. А он ее защищает!

— Он делает то, что считает нужным, — парировал Лэнс. — Он всегда так делает. Именно поэтому он — альфа. Ты хочешь оспорить его власть?

В этом вопросе я прочла и другие произнесенные слова: *ты хочешь бросить ему вызов?* Маркус усомнился в решении Каллума. Решил поиграть в неподчинение. И пусть он хотя бы просто подумал об этом, этого было бы достаточно, чтобы поставить власть Каллума под сомнение.

Достаточно для того, чтобы Каллум убил его в назидание остальным.

— Нет, — прорычал Маркус. — Я не оспариваю власть альфы.

— Хочешь бросить вызов? — Лэнс сделал шаг в его сторону, и Маркус слегка склонил голову, изогнув шею:

— Нет.

Рядом со мной дрожал от ярости Чейз. И я держала его мускулы под контролем вместе с ним. Маркус хотел причинить мне боль. Чейз чуял это. Его волк унюхал это в воздухе. И — я еще глубже влезла в его мозг — что-то было знакомое в Маркусе. В его ненависти. В том, как ему хотелось ударить меня.

Чейз все понял. Он видел такие проявления у других людей раньше, когда еще был человеком.

То, что знал Чейз, знала я. Это ощущение могло бы быть подавляющим, если бы я могла позволить себе роскошь быть подавленной чем-то. Чейз отлично справлялся с контролем над своим волком, но я все же чувствовала заряд энергии на его коже, чувствовала его ярость, словно миллионы булавочных уколов. И я ощущала, как ворочался в нем его зверь.

Чейз выгнул спину, и если раньше мне казалось, что он светится в темноте, то это не шло ни в какое сравнение с тем, какая энергия изливалась из него сейчас.

— Ш-ш-ш-ш-ш-ш... — неосознанно прошептала я ему. — Просто дыши. Ты в порядке. Я в порядке. Мы в порядке.

Мне нужно было, чтобы Чейз держался. Мне нужно было — я это поняла, — чтобы он был в безопасности, что бы ни случилось со мной.

*Ты не можешь драться с ними, сказала я. Что бы они со мной ни сделали, ты не можешь с ними драться.*

Он резко повернулся ко мне:

— Можно я?

— Нет.

*Нет.*

Мы двое участвовали в нашей собственной битве за господство — Чейз и его волк, с одной стороны, я — с другой. Связь, соединявшая нас, обострилась, подводя нас к конфликту, и мы были к ссоре ближе, чем когда-либо раньше.

Я не прекращала думать о том, что я делаю. Я просто смущала Чейза взглядом. Будь у меня хотя бы минута, чтобы подумать над этим, я, возможно, пришла бы к выводу, что бросать вызов обру — дело неблагодарное, даже если ты можешь влезть в его шкуру и устроиться в ней почти так же удобно, как в своей. В прошлый раз, когда я встречалась с Чейзом, Каллум и Бешеный бились за контроль над его сознанием. Сейчас он был мой, а достаточно долго принадлежала Стае и очень долго *Каллуму*, чтобы и прекрасно понимать, что мы защищали свое.

— Ты должен мне обещать...

Мысленно я противопоставила свою волю воле Чейза, с единственной целью навязать ему это. В последний раз. Но это мысленно. А вслух я его умоляла. И наконец, либо из-за отчаяния, прозвучавшего в моем голосе, либо из-за безмолвной бескомпромиссной силы, давившей на него с моей стороны нашей невидимой связи, он кивнул.

Не знаю, чего Чейзу стоило обещать это, но его боль поразила меня, как настоящий удар. Мне хотелось свернуться калачиком рядом с ним, стать ближе к нему, заставить эту боль покинуть его. Чейз обнял меня.

— Ну и что мы имеем? — пробормотал Кейси. — Бойфренда никогда не было. И заводить не собиралась. Волосы не расчесывала до тех пор, пока Эли не напоминала. И вот вам, пожалуйста. У тебя промежуточных состояний не бывает, так, что ли?

Я была всего в нескольких минутах от того, чтобы понести страшное и, без сомнения,

физическое наказание. И что, Кейси *именно сейчас* нужно жаловаться на мои пристрастия в выборе партнеров или на отсутствие таковых?

Но в то же самое время он был прав. Для меня не существовало промежуточных состояний. Я жила на пределе. И возможно, так же и умру.

Прямо. Сейчас.

*Глупая, глупая, глупая!*

Да, я глупая. Да, меня предали. И я совсем не уверена, что из этого было хуже. Я почувствовала, как у меня за спиной в комнату вошел Каллум, и, как только он подошел ко мне, я повернулась, стараясь не смотреть прямо на него. Мгновение спустя поняла, что можно было не беспокоиться. Было совсем не похоже, что Каллум смотрел на меня. Движения его были неуклюжими, лицо ничего не выражало. И я осмелилась предположить, что в первый раз за тысячу лет он выглядел старым.

Каллум ничего мне не сказал. Просто кивнул Соре, она подошла и сказала Кейси, чтобы тот отошел от меня.

Он не захотел.

Он хотел остаться.

Защищать!

Но он обещал и потому отпустил меня. А я его.

— С ним ничего не сделают? — спросила я Сору, совершенно уверенная в том, что Каллум не ответит.

— Его дела лучше, чем твои, — ответила Сора. — Его неповиновение так, среднее.

Чейз не изменил договору, заключенному с нашим сообществом. Я нарушила обещание. Сообщение получено.

— Что со мной будет? — Я не хотела я произносить эти слова, но они как-то сами собой вырвались.

Сора не ответила. Просто выволокла меня на лужайку перед домом. Каллум пошел вслед за нами, но у порога остановился.

— Разрешение было дано, и условия установлены, — сказал он, достаточно громко, чтобы слышали все. — Условия выполнены не были. Правосудие требует крови.

И это я услышала от Каллума. Который был почти моей семьей, вместе с Эли. Человек, чью отметину я несла — и она навсегда останется со мной — на своем теле. Человек, который лгал мне многие годы. Человек, который так долго был для меня всем в этом мире.

— Однако, — сказал Каллум, и это вызвало недовольное ворчание толпы, которое сразу же стихло, как только альфа потребовал тишины. — Однако эта девочка принадлежит к человеческой расе. Ее тело не оправится после того, что она, по совести сказать, заслужила. А наше правосудие, если оно действительно правосудие, не может быть слепым. Сора выполнит это вместо меня. Она добудет нам фунт плоти.

Я надеялась, я очень-очень надеялась на то, что про этот фунт Каллум говорил в переносном смысле. Ледяной ужас сковал меня, и я замерла, не в силах пошевелиться.

— Но Сора будет делать это в человеческом облике, и только до тех пор, пока тело девочки не откажет.

Откажет?

То есть как это — откажет?

— А как Сора узнает, что уже достаточно? — Как ни парадоксально, этот вопрос, который вот-вот был готов сорваться у меня с языка, поступил от Маркуса, и его губы

сложилась в гримасу. — Она что, судья, чтобы решать? Стая *должна* получить удовлетворение. Это не может быть простым шлепком... — Маркус помолчал, а потом добавил: — Альфа. — Он произнес это слово с уважением. Для того, наверное, чтобы предотвратить наказание за попытку бросить вызов вожаку Стаи.

— Сора будет знать, — сказал Каллум, и это было предупреждением для меня. Вот только что все обсуждалось совершенно абстрактно, и вот вокруг меня образовался круг из островов и Сора — *мать Девона, защитница* — швырнула меня на землю. Я с трудом поднялась на ноги, но в следующий момент Сора снова бросилась на меня, и ее кулак ударил меня в грудь. Я отлетела назад, и в ушах что-то хрястнуло. Через секунду до меня дошло, что это хрустнули мои ребра.

Мне еще повезло, что она их пополам не разломала. Правда, счастливее от этого я не стала. Я снова встала на ноги, и снова Сора бросилась на меня. Инстинкт подсказывал мне вытащить ножи, но у меня хватило ума этого не сделать. То, что сейчас происходило, было чем-то вроде отсрочки исполнения смертного приговора, которую Каллум мог дать мне. Если я прикоснусь к серебру, ее у меня не будет.

Я умру!

И кроме того, как ни крути, я была в долгу перед Чейзом. Я слышала его вой, как будто откуда-то издалека, и знала, что он проиграл битву за контроль над собой, что он переключился, и теперь это был волк, а не мальчишка, который был связан данным мне обещанием не вмешиваться.

Я не смогла удержать эту мелькнувшую в моем мозгу мысль, потому что Сора ударила меня наотмашь, и так сильно, что я снова свалилась на землю. Потом она осыпала меня градом ударов, и я почувствовала, как у меня вокруг глаз наливаются синяки, губы распухают, а тело уже не может сопротивляться этому напору.

Каллум так тренировал меня, и вот до чего я дошла. Я не могла драться, не могла оказать сопротивление, не могла вообще ничего сделать — я просто позволяла Соре бить себя.

*Выжить.*

Это слово, как невнятный шепот, прозвучало на кончике моего языка, как призрак, промелькнуло в моем сознании, а может быть, просто пролетело мимо, как отголосок ветра. Раньше я жила этим словом. Я впитала его в себя, действовала с оглядкой на него.

*Выжить.*

*Не знаю, что мне поможет выжить,* подумала я. Ведь я теряла свою семью. Своих друзей. Иллюзию безопасности, которая у меня была. Все обещания, которые я себе давала, — что никто и никогда больше не сделает меня жертвой.

*Выжить.*

Сора снова ударила меня ногой в бок, но, скорее всего, не уследила за моим перемещением, промахнулась и остановилась. Ее угловатое лицо не выражало ни эмоций, ни напряжения. И до того, как она смогла восстановить равновесие, я отползла назад и заставила себя встать на ноги.

Лицо у меня было мокрое, горячее и липкое, и я чувствовала вкус крови во рту. Но уже тогда я знала, что могу выдержать больше, много больше. И что это может продолжаться еще долго.

Когда Стая будет удовлетворена?

И как Сора узнает, что пора остановиться?



*Западня. Драться. Кровь. Бежать.*

Я чувствовала, как во мне росла эта потребность. Чувствовала, как ярость угрожала овладеть моим сознанием, как она хотела захватить все мои чувства.

*Нет.*

Если я стану сопротивляться, будет еще хуже. Драться я не могу. Не могу и убежать. Но я должна это сделать. Мое сердце бешено колотилось. Ребра нестерпимо болели. И вокруг не было ни одной кухонной раковины, под которой можно было спрятаться. И ни одного странника, который мог бы меня спасти.

*Драться.*

И тогда я выпрямилась. Стояла, не двигаясь. Не бежала никуда. Просто стояла там, и все: преодолевая боль, борясь с пеленой в глазах и необходимостью чувствовать вкус своей крови...

Я должна выйти отсюда живой.

*Кто тут боится Большого Злого Волка?*

Я боялась. Боялась отчаянно. И на этот раз Большой Злой волк был не Бешеный. Это была Сора. Ее кулак ударил меня в челюсть. Моя голова резко запрокинулась назад.

*Опасно. Драться. Кровь. ВВЖИ...*

Нет! Слово взорвалось у меня в мозгу, и вместе с ним наступил паралич. Он постепенно охватывал мое тело: начал с ног, потом прошелся по телу, по рукам и даже по губам, пока они не издали первый вскрик, когда кулак Соры снова угодил мне в лицо.

Я не буду этому сопротивляться.

Я не могу.

В моей голове что-то взорвалось, замелькали красные точки, перешедшие в черноту, а затем — в ничто. В благословенное ничто, в полную бесчувственность. А потом, когда чернота превратилась в усеянную звездочками серую пелену, я свалилась на землю.

Без сознания.

# Глава

## ПЯТНАДЦАТАЯ

*Меня нес ручей Мертвеца, и я смотрела в ночное небо. Перед моим взором мелькали то куски абсолютной черноты, то яркие звезды, но это мельтешение чернильно-черного и слепяще-белого глаз мне не резало, точно так же как не холодила мою кожу вода вокруг.*

*Мне даже мокро не было.*

*Было тихо, и я была одна. А потом не одна.*

*Чейза не было рядом со мной физически, но я могла ощущать его и на расстоянии. Мне казалось, что я слышала, как воет его волк. Призывая меня.*

*Я закрыла глаза, позволяя звуку пронестись сквозь меня вместе с ознобом, жаром и непреодолимым желанием завывать в ответ. Потом исчезло ночное небо, исчез ручей, и, когда я снова открыла глаза, мне потребовалось всего лишь мгновение, чтобы понять, что это были не мои глаза.*

*Это были его глаза.*

*Наши глаза.*

*Сейчас мое зрение стало острее, и крошечные детали окружающего мира выделялись настолько ясно, что увидеть картину в целом я не могла. И потом я услышала его.*

*Услышала себя.*

*Услышала нас.*

*Вой. Вопли. Страх. Ярость. Отчаяние. НЕТ!*

*Я увидела лежащую на земле девушку и только потом поняла, что это была я. У нее — у меня — полный рот крови... и запах. Ужасающий.*

*Нам нужно подойти к ней. Включается наше зрение, подавляемое чем-то большим.*

*Грубые руки хватают наше волчье тело и тянут назад, и, хотя мы давали обещание не делать этого, мы деремся — не для того, чтобы ранить того, кто нас держит, а для того, чтобы вырваться из его хватки, подбежать к девушке, накрыть ее своим телом и заставить ее жить.*

*Жалобный вой вырывается из наших глоток. Нам нужно драться, но мы обещали не делать этого.*

*— Чейз. — Это голос Каллума. Голос альфы. Но эффект не такой, как обычно. — Переключись обратно. Переключись обратно, и ты сможешь подойти к ней.*

*Каким-то образом слова проникают в наши головы, и с минутой Чейз и его волк, кажется, обдумывают их, но ярость и страх, распространившиеся по их телу, слишком сильны, чтобы удержаться в человеческом облике.*

*Они хотят убивать.*

*Нет, подумала я, и голос отчетливо прозвучал в моих ушах, и так же громко — в его. В наших ушах.*

*Я здесь, сказала я. С тобой. Со мной все в порядке.*

*Тело, лежавшее на земле, казалось, возражало против этого, но мое присутствие утешило Чейза. И, пока он успокаивался, стихала ярость его зверя. Не прошло и доли секунды, как мы трое уже находились в состоянии идеальной гармонии. Возможно, ему казалось, что нас троих слишком много для его сознания, но это было не так.*

*— Изменись, — снова приказал Каллум.*

Волку в Чейзе эта мысль не нравилась, и я хотела согласиться с ним, сбежать и стать частью Стаи, и не заморачиваться с человеческим обликом, которое никогда не будет подходить на мне так же хорошо, как их мех. Но Чейз бежать отказался. Он отказался сбежать, поджимая хвост, или бросить меня — пусть даже просто мое тело.

— Я умерла? — спросила я.

Вопрос породил рычание в глотке Чейза, и я была поражена тем, как воспринимала это, тем, как все это было воспринято телом, которое было волком.

— Она не мертва, — сказал Каллум. Чейз и я, мы оба остановились, в смятении от того, что он мог прочитать наши мысли. — Принюхайтесь. Она просто потеряла сознание. Переключитесь, и вы сможете подойти к ней.

Запах. Сосновые иголки и корица.

Брин!

Хорошо. Я была жива. Может быть, я просто спала.

Пронзительная боль от разрывающего кости, раскаленного добела металла сотрясла меня, отрывая от размышлений, и ужасный скрипящий звук, как будто гравий под подошвами рабочих ботинок, отозвался в моем — нашем — его тем.

И именно тогда я поняла, что Чейз снова переключается.

В человеческом облике, сжавшись, он припал к земле в движении, больше свойственном животному, чем человеку.

Чуять. Видеть. Иметь потребность.

Брин!

— Почему бы тебе не надеть на себя что-нибудь? — предположила я еле слышно.

Теперь, когда мы снова стали людьми, я поняла, что могу думать более четко. И еще, мне было немного неловко от того, что я находилась внутри сознания голого мальчишки, который не был еще в достаточной степени человеком, чтобы осознавать, что он голый.

— Может, мне сначала надеть на себя что-нибудь, — эхом откликнулся Чейз. Вслух!

Каллум взглянул на него, весьма удивленный: надо же, голый, прижавшийся к земле и готовый к атаке, а произносит вполне нормальные человеческие слова.

Мои слова.

И вдруг я снова очутилась в ручье Мертвеца и снова плыла, влекомая его течением. Тихо. Я снова одна. И затем резкий белый свет разрезал ночное небо, и волна боли разлилась по моему телу, разрывая его на куски, один за другим.

Мои ресницы вздрогнули, но я не смогла открыть глаз. Странное ощущение — чьи-то руки под моими плечами, поднимающие меня в воздух, — застало меня врасплох. И как раз перед тем, как я снова погрузилась в темноту, я услышала, как Каллум пролаял приказ.

— Занеси ее внутрь, Маркус.

Меня снова несет течением. Оцепенение. Ничего не болит. Благословенная темнота.

Я повернулась на бок, погрузив половину лица в воду, и поняла, что все еще могу дышать — могу дышать прямо сквозь ручей, как будто его совсем не было. Полностью смирившись с развитием событий — и будучи этим очень довольной, — я сделала глубокий вдох и нырнула.

— Положи ее на диван, Маркус.

Снова в теле Чейза — к счастью, в одежде — я увидела Маркуса, который с суровым лицом, следуя приказу Каллума, тихо опустил вниз мое избитое тело.

— Теперь ты доволен? Она получила достаточно? — спросил его Каллум.

Маркус взглянул на меня, и желание Чейза вырвать ему глотку стало ощутимым в нашем совместном сознании. Чейз не хотел, чтобы Маркус смотрел на меня. Не хотел, чтобы он был рядом. Он не мог позволить им еще раз сделать мне больно.

— Она не притворяется, — нехотя сказал Маркус.

— Нет, — согласился Каллум. — Сора была девчонку до тех пор, пока она не потеряла сознание.

Чейз ненавидел Каллума за бесстрастность его голоса, за то, что он сделал со мной. С нами.

— Люди слабые, — сказал наконец Маркус. — А женщины совсем слабые. Хватит ей. — Маркус отвернулся от меня.

Правосудие Стаи свершилось.

Каллум кивнул, и мне стало понятно, что он не случайно выбрал Маркуса, чтобы тот занес меня в дом. Если жажда Маркусом моей крови была удовлетворена, то возражать больше никто не станет.

— Сейчас оставь нас, — сказал Каллум. — Я займусь девчонкой.

Маркус пошел и был почти у порога, когда зарычал Чейз:

— Брин. Ее зовут Брин, а не «девчонка». И однажды я убью тебя за то, что ты сделал с ней.

*Я снова в ручье, под водой. Несусь к поверхности и, разрывая воду, выпрыгиваю в воздух, словно горбатый кит или дитя русалки. И наступает тишина. Надолго.*

Долгое время я то впадала в беспамятство, то снова приходила в себя. А из бессознательного состояния возвращалась в сознание либо свое, либо Чейза, и это перемешалось до такой степени, что я не была уверена, где была или кем, да и что вообще происходит. И когда я открыла глаза, ощущения снова заполнили мое тело, и мне тогда на самом деле захотелось, чтобы ничего этого не произошло.

Двигаясь очень осторожно, я села, и мое тело предъявило мне множество претензий. Все просто пульсировало болью. После того как боль немного утихла, я смогла поднять и опустить руки, ощупала ноги, руки и верхнюю часть туловища в поисках повреждений, со знанием дела проводя проверку на предмет сломанных костей.

Если бы мои преступления совершил оборотень, то его кишки уже лежали бы вывернутыми наружу для всеобщего обозрения. Я же могла похвастаться множеством синяков, несколькими сломанными ребрами и лицом, которое, если оно выглядело так же мерзко, как я это ощущала, вряд ли в ближайшее время могло привлечь внимание жюри на конкурсе красоты.

— Могло быть и хуже, — сказала я, подмигнув, и сразу же решила, что двигать распухшей челюстью совсем не так легко и, значит, нечего разговаривать самой с собой.

Открылась дверь, и первым моим желанием было спрятаться или смыться куда-нибудь, но деться было некуда. А потом тело расслабилось, расплывшись, как масло, когда я поняла, что это была Эли. И как бы ни сосало у меня под ложечкой, я не собиралась приходить в себя в эту самую секунду, чтобы снова оказаться в объятиях правосудия.

— Ты очнулась.

Эли никогда не умела изрекать очевидные истины. И пользоваться короткими предложениями. Или смотреть куда-то мне за плечо, вместо того, чтобы смотреть прямо в глаза.

— Я очнулась, — подтвердила я.

Темные круги у нее под глазами были какой-то странной формы, как чернильные пятна на листе бумаги. Я была абсолютно уверена, что сама я выглядела еще хуже, но то, как Эли расплатилась за мои прегрешения, поразило меня в самое сердце.

— Сколько времени я была в отключке? — спросила я, всеми силами стараясь не показать, как больно мне было говорить.

— Три дня. Док не смог этого объяснить. Вообще никто не смог.

Три дня? Я три дня была без сознания, с разбитым лицом и кучей сломанных ребер? Это ненормально, не правда ли? Принимая во внимание тот факт, что прежде меня вообще не били, я уже не была в этом уверена. Единственное, в чем я была уверена, так это в том, что вырубилась я не из-за боли, которую Сора причинила моему телу, нанося по нему удар за ударом кулаками и ногами. Я не теряла сознание урывками, мгновение за мгновением, так как не получала особенно сильных ударов в голову.

Я вырубилась потому, что отказалась сопротивляться, драться за свою жизнь.

Это заключение не имело смысла, и именно в нем в то же самое время был скрыт весь смысл. Мое лицо болело так сильно, что у меня просто не было сил, чтобы сомневаться в этом. Вспомнила о тумане в голове, когда осознала необходимость защищать себя, и о солнечном затмении в мозгах, когда отказалась это сделать. Я замерла, и на мгновение у меня отнялся язык.

Наконец я пришла в себя, не желая больше думать о происшедшем. О том, как совсем не по-человечески я почувствовала себя, поддавшись словам, которые кто-то шептал у меня в затылке: *драться, драться, драться, выжить*.

— Где я?

От моего вопроса лоб Эли покрылся морщинами.

— Ты в своей комнате.

На секунду мне показалось, что я страдаю от необратимых мозговых процессов, поскольку ответ казался очевидным, но потом мой мозг обработал полученную информацию, и я поняла, что у меня имелась весьма серьезная причина, чтобы не узнать свою комнату.

Я была голой. Совершенно голой. Мой письменный стол был пуст. Дверцы платяного шкафа были распахнуты, и одежды внутри не было. Мои книги были сложены в ящики, стоявшие рядом с книжными полками, и даже постельное белье, на котором я лежала, не было моим.

— А где мои вещи? — спросила я.

— Упакованы, — ответила Эли.

— Упакованы? — повторила за ней я.

Эли промолчала.

— Почему все мои вещи упакованы?

Эли вышвыривала меня на улицу? Каллум забирал меня у нее? Меня куда-то отсылали?

*Брин была плохой девочкой, и теперь она им больше не нужна.*

У меня перехватило дыхание и так сдавило грудь, что сломанные ребра нестерпимо

заныли.

— Вещи твои упакованы, потому что мы уезжаем, — сухо сказала Эли.

— Уезжаем? Куда? Кто уезжает?

— Да. В Монтану. Ты. Я. Близнецы.

О чем она говорит? Монтана? Это на самом краю территории Каллума. Там одни периферийные жили.

— Мы уезжаем?

— Ну, после того, что они с тобой сделали, мы точно здесь не останемся.

Я вспомнила лицо Эли и жестокость в ее голосе, когда она сказала, что я была ее первенцем, ее дочерью и она несет за меня ответственность.

*Когда речь идет о ее безопасности, мое слово — закон.*

— А Кейси? — Я не была уверена, что мне хотелось знать ответ, но все равно спросила.

Выражение лица Эли, и так напряженное, стало совсем безжизненным.

— Кейси, — сказала она таким тоном, который должен был донести до слушателя, что ее не следует больше беспокоить подобными вопросами, — ушел.

— Ушел — это вроде как умер?

Эли пожала плечами:

— И такое может быть.

— Ты бросаешь Кейси, — сказала я, и мой голос поднялся вверх на октаву. — Ты бросаешь Кейси, берешь меня и близнецов, и мы переезжаем в Монтану?

Эли кивнула.

— Так все и получается.

— Но, Эли...

— Это не обсуждается. Решение принято. Минивэн упакован, мы взяли вещей на пару дней пути. Мы только ждали, когда ты очнешься. Так, слушай, ты можешь встать с кровати?

Нет, встать с кровати я не могла. Куда там встать, я просто врубиться не могла — что здесь такое происходит? Я, конечно, понимала, что Эли не очень хорошо воспримет все эти дела с Правосудием Стаи, но чтобы так...

— Брин, ты можешь встать с кровати? — повторила Эли. — Идти можешь?

Я свесила ноги с края кровати и встала. С учетом всех обстоятельств это было нетрудно. Даже мои ребра слишком сильно не протестовали.

— Док сказал, что твои раны здорово затянулись, пока ты была без сознания, — сообщила мне Эли. — Ты была в отключке, а зрачки не расширены. И еще он сказал, что если не будет признаков травмы головы, то ты спокойно можешь ехать.

Ехать.

Ехать — значит, оставить.

Оставить наш дом.

Оставить нашу семью.

Оставить Стаю.

— Эли, мы не можем ехать, — твердо сказала я.

Она повернулась и пошла к двери. Сначала я подумала, что она так и уйдет, не сказав мне ни слова. Но вместо этого она заговорила глухим, сдавленным голосом, и мне показалось, что она не обернулась ко мне только потому, что самой себе не доверяла, не думала, что сможет сохранить контроль над выражением лица.

— Они били тебя, Брин. *Каллум* бил тебя. Он приказал тебя *избить*. Когда тебя

принесли ко мне, ты истекала кровью. На тебе было четырнадцать кровоподтеков, шесть рваных ран, два синяка под глазами, и ты была без сознания. Вот они что с тобой сделали.

— Я правила нарушила, — сказала я. — Закон Стаи.

Эли резко обернулась ко мне:

— Только не смей говорить, что это твоя вина. Не смей даже думать об этом. И не вздумай извиняться перед ними. Они избili тебя. А другие стояли там и позволяли им это делать — мои друзья, твои друзья, мой муж... — Голос Эли захрипел, и она сгорбилась. На мгновение мне показалось, что она так и продолжит сгибаться вперед и свалится на пол, но ничего подобного не произошло, Эли выпрямилась и откинула голову назад. — Мне не важно, что ты сделала. Мне не важно, что они о себе думают или что говорит Закон Стаи... и кто кого главнее... — Она сделала длинный прерывистый вдох. — Для меня важна *только ты*.

— Со мной все в порядке, — попыталась улыбнуться я.

Эли прошла через комнату и поднесла к моему лицу зеркало:

— Скажи мне еще раз, что с тобой все в порядке.

Бесстрастное зеркало в недвусмысленных выражениях сообщило мне, что, хотя синяки на моем лице и начали тускнеть, я все еще выглядела так, как будто меня замочили в чане с краской черного, синего, зеленого и трупного цветов.

— Эли, со мной все будет нормально, — сказала я, пытаюсь убедить ее сделать шаг назад и обдумать это. — Ведь все могло быть гораздо хуже.

Эли хмыкнула:

— Если ты полагаешь, что нашла убедительный повод для того, чтобы остаться, то ты ошибаешься. Ты только послушай, Брин, что ты говоришь. «Все могло быть гораздо хуже». А кто мне может сказать, что этого не случится в будущем? — Она замолчала. — Ты думаешь, я этого для тебя хочу? Или для Кети и Алекса?

Кети и Алекс!

И если до этого момента я ничего не соображала и находилась под влиянием стресса, то сейчас я просто запаниковала:

— Они не позволят тебе забрать близнецов. Стая... они никогда не позволят Кети уйти. Ты сама видела, как они...

— О-о, будь уверена, я знаю, как обходиться со Стаей. — Голос, которым Эли это произнесла, не оставил у меня сомнений в том, что, когда она говорила «Стая», она имела в виду «Каллум».

Каллум, который в первую очередь отдал меня ей.

Каллум, который приказал наказать меня.

Каллум, который ни разу не взглянул на меня и не сказал мне ни слова с тех пор, как я прикоснулась к Чейзу.

— Каллум не виноват, — сказала я, отчаянно желая поверить в это. — Эли, он защитил меня. Он дал мне единственный шанс, который он мог.

— Я не хочу разговаривать с тобой об этом, Брин. Не буду. Не могу. — Эли провела рукой по волосам и на мгновение показалась очень молодой. — То, что ты не питаешь к нему ненависти, просто разбивает мне сердце. И если бы мы не уехали из-за того, что они сделали с тобой, мы бы уехали только потому, что Стая так тебя исковеркала, что ты стала думать, будто это нормально — обращаться с тобой подобным образом. Это совсем не так. И мы уезжаем.

Спорить с ней было бесполезно. Легче Девона уговорить надеть «левые» шмотки.

Эли обхватила меня руками за талию — очень нежно, чтобы не задеть израненное тело, — и притянула к себе, зарывшись лицом в мои волосы. Ее плечи вздрагивали, и я поняла, что она плачет. Рыдает. И прижимается ко мне так, что я даже подумала, что она меня никогда не отпустит.

— А ты все никак не приходила в себя, Брин, — сказала она наконец. — А я все ждала, Брин, и ждала, а ты все не приходила в себя и не приходила.

— Я не нарочно, — прошептала я.

Я на самом деле не собиралась ничего этого делать. Даже представить не могла, что все так выйдет.

Это была моя ошибка. Только моя.

Без предупреждения Эли отпустила меня и выпрямилась. Одним нежным отрывистым движением вытерла слезы сначала у себя, потом у меня, затем пошла к книжному шкафу, взяла один из ящиков и повернулась ко мне, собираясь уходить:

— Собирайся, через час выезжаем.

Один час. Как за один час человек может подготовиться к тому, чтобы оставить за спиной всю свою жизнь? Я села на кровать, не беспокоясь особенно о том, что мои кровоподтеки и ссадины страшно запротестовали, а боль от них расплескалась во все стороны, как вода переливается через края бассейна.

Девон. Я должна позвонить Девону.

И Чейзу.

*Чейз!*

Внезапно воздух вокруг меня потеплел, а комната стала очень маленькой. У меня перехватило дыхание, и желудок рухнул вниз, как будто в кишках задвижку открыли.

Если Эли выполнит то, что сказала, если мы уедем, я его потеряю.

*Брин!*

Его голос в моей голове успокоил меня, несмотря на то что мое разумное «я» несло всякий вздор, разъясняя, что последнее, о чем я должна была заботиться, когда вся моя жизнь ускользала у меня из-под ног, был какой-то мальчишка, которого я видела ровно два раза.

*Я здесь, беззвучно ответила я. Я пришла в себя. И Эли хочет увезти меня.*

Чейз ответил не сразу, и на мгновение мне показалось, что он пропал. Но затем, очень медленно, из его сознания в мое начали переплывать образы. Они танцевали где-то на самых дальних его краях и, словно бабочки, вспархивали и улетали прочь, едва я пыталась схватить их.

Это Чейз их забирал.

Крепко сжав губы, я представила связь между нами и сильно потянула за нее. Пока я росла, тягаться силами с другими ребятами из нашей Стаи мне было бесполезно, но в перетягивании каната я могла за себя постоять — веревку из рук я никогда не выпускала. Как только я хваталась за эту самую веревку, вырвать ее обратно можно было только у меня мертвой. Даже когда меня перетягивали через линию, я не прекращала борьбу.

Так что у Чейза шансов не было.

Образы мелькали у меня в мозгу, и я могла достаточно долго в них вглядываться, так что в моем сознании наконец сформировалась целостная картина.

Прутья решетки.



Сталь.

Клетка, так я поняла. Они *заперли его в клетку*. Я оскалилась от ярости. Разве они не понимают, как это ужасно — быть запертым в клетке. Я чувствовала, как Чейз мечется по ней туда-сюда.

Ему хотелось выйти наружу.

*Я не позволю им делать это с тобой.*

*Ничего*, сказал он в ответ. *Если я смогу выбраться отсюда, я выберусь.*

Долгое молчание.

*Они выпустят меня, когда ты уедешь.*

И тут на меня накатило — и стало все сразу понятно и легко от этого. Чейз не был наказан. Обры засадили его в клетку не из-за того, что он проявил неповиновение. Чейз сидел в ней, потому что уезжала я, и, неизвестно по какой причине, обры не хотели, чтобы он попытался остановить меня.

Еще один смутный образ — наполовину завершенная мысль, и Чейз очень не хотел, чтобы я ее услышала.

— Эли.

Я произнесла это имя вслух, и мне все стало очень, очень ясно. Эли попросила посадить Чейза в клетку, и обры согласились. Будь у меня все в порядке с головой, я бы, наверно, заинтересовалась, чем на самом деле Эли заставили пожертвовать, чтобы получить взамен обещание выполнить ее просьбу и уж тем более разрешение уехать. Но я была слишком сердита, чтобы думать о чем-нибудь, кроме одного, ведь, несмотря на все крики и стоны Эли по поводу того, как Стая поступила со мной, именно по ее просьбе обры обходились с Чейзом как с животным.

Я не могла позволить Эли делать это. Просто не могла. На самом деле я вообще не позволю ей ничего сделать. Ноги моей не будет в той машине, и заставить она меня не сможет. Скорее снег в июле выпадет, чем я позволю ей поступить по-своему со мной. И с ним.

И с Кейси. И с близнецами.

Она ничего не сделает.

Никогда!

# Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Я бы сказала, что ты не можешь злиться на меня вечно, но у меня такое чувство, что ты воспринимаешь это как вызов.

Ровно два часа спустя после произнесенной мною клятвы, что только через мой труп Эли сумеет уехать вместе со мной и близнецами, я сидела на переднем сиденье, вполне себе живая и уж совсем никак не истекающая кровью. Последнюю сотню миль я изводила Эли молчанием, хотя толку от этого не было абсолютно никакого.

Где-то в глубине души я понимала, почему она это делала. Если бы Эли не была столь решительной по отношению ко мне, я бы, наверное, возненавидела и Стаю, и Каллума. Но это «если бы» можно было оставить до лучших времен. Прямо сейчас я еще могла справиться со своей злостью на Эли, но не была уверена, что смогу справиться потом. Я не собиралась рисковать из-за того, что бурлящий водоворот эмоций, затаившийся в моей душе, вдруг вырвался наружу. Сдаваться я не собиралась. Ни здесь, в машине. Ни в Монтане, когда мы туда приедем. Вообще нигде.

— Ты сама бы сделала то же самое, — сказала Эли. — Если бы что-то случилось со мной, а ты бы отвечала за Кети, ты бы сделала то же самое, если бы Стая настроилась на нее.

— Заткнись, — нарушила я молчание.

— Я это делаю, и я не жалею, что делаю это, — усмехнулась Эли. — Так что можешь жить с этим и дальше, малышка.

— Ты даже не спросила меня, чего я хочу, — бросила я в ответ. — Что бы ни случилось, это случилось *со мной*. — Конечно, плохо было то, что Каллум возложил на себя право решать, что я могла и чего не могла знать относительно той ночи, про которую-нельзя-говорить. И я не собиралась позволять Эли забрать у меня еще и право распоряжаться своей дальнейшей жизнью. — *Я* — та, которую они избили. *Я* — та, которая истекала кровью. И это *я* — та самая, чье тело так покрыто шрамами, что теперь я вполне могу откликаться на прозвище Штопаная. И именно я должна была смотреть, как Каллум...

Я смолкла. Не хотелось заходить так далеко.

— Смотреть, как он — что? — тихо спросила Эли.

— Ничего, — буркнула я сквозь стиснутые зубы. — Он сделал все, что мог.

Я знала, что глупо было злиться на Эли за то, что она старалась защитить меня. И уж тем более на Каллума — за то, что бил меня. Мне было просто все равно.

— Ты на самом деле веришь, Брин, что Каллум не знал того, что может произойти? Начиная с того самого момента, когда он оставил тебя наедине с Чейзом?

Эли, не отрываясь, смотрела на дорогу перед собой, а я наклонилась вперед и стала вертеть ручку радиоприемника, надеясь, что музыка заглушит ее слова.

Лицо Эли напряглось, и она выбросила руку вперед. Моя же рука, словно одержимая бесом, дернулась вверх, защищая лицо, еще до того, как рассудок сообщил мне, что Эли просто собиралась выключить радио.

Сконфуженная, я опустила руку и крепко прижала ее к груди, чувствуя себя маленькой, и глупой, и самым неприличным образом разоблаченной.

Если Эли и заметила мою реакцию, у нее, по крайней мере, хватило деликатности не укорять меня этим. Вместо этого она продолжала развивать старую тему: Каллум,

правосудие и я.

— Сколько раз в жизни тебе удавалось взять верх над Каллумом, Брин? И вообще кому-нибудь это удавалось? Альфа прекрасно знал, черт возьми, что ты нарушишь условия еще до того, как он их отменит.

Каллум всегда знал, что я собираюсь сделать, еще до того, как я делала это. Всю жизнь я посвятила тому, чтобы хоть в чем-нибудь обыграть его.

*Нет!* Я не хотела ничего слышать. Эли не может меня заставить... Радио... Включить...

На заднем сиденье захныкала Кети, сидевшая в кресле для младенцев. Весь первый час близнецы отчаянно ревели и минут пятнадцать назад, окончательно обессилев, заснули. Мои брат с сестрой были не счастливее меня, покидая наш дом.

*Ш-ш-ш*, сказала я Кети беззвучно. *Все хорошо. Я здесь.*

Чем дальше мы отъезжали от владений Каллума, тем слабее становилась связь близнецов со Стаей, и они все крепче вцеплялись в Эли и в меня. Особенно в меня. И я была абсолютно уверена в том, что Кети вскоре осознает, что я не волк. Та ночь, когда я бежала со Стаей, сбила малышку с толку. Даже сейчас, когда моя собственная связь со Стаей ослабла, я была для девчушки самым прочным связующим звеном с обрами.

С домом.

— Я больше их не чувствую, — пробормотала я, и мои слова были заглушены ревушей из динамиков музыкой.

Начался дождь. Эли включила дворники и выключила радио.

— Ты не чувствуешь кого? — повернулась она ко мне.

— Обров. Даже после того, что я сделала, они все еще были со мной. Едва ощутимо...

Но сейчас, когда быстро мелькающие столбики за окном размеренно отсчитывали мили, все становилось еле слышным, и я совсем не чувствовала обров, кроме Чейза, хотя и его было слышно еле-еле. Он существовал как образ, как звук, как ощущение в закоулках моего сознания, но даже это постепенно ускользало.

— Чейз не сделал ничего плохого, — сказала я, позволяя гневу заполнить пустоту в своей душе. — Ты заставила засадить его в клетку, а он ничего плохого не сделал.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но я не чудовище, Брин, — вздохнула Эли. — Я попросила Каллума запереть его в клетку, потому что Каллум издал указ, чтобы никто не смел препятствовать нашему отъезду. Судя по тому, как мальчишка стоял на страже возле тебя, пока ты была без сознания, и со скоростью молнии переходил из одной формы в другую, так что нам пришлось увести его от тебя, я предположила, что он, скорее всего, не сможет сдержаться, когда мы уедем, и что тебе, наверное, не захочется, чтобы он встретился с тем самым *правосудием*, с которым столкнулась ты.

Целую секунду я не знала, что сказать.

— Ты что, и Кейси предложила им запереть? — усмехнулась я, как только пришла в себя от потрясения.

— Если хочешь знать правду, — ответила Эли, и ее руки еще крепче вцепились в руль, — сказала.

Радио... Включить... Только на этот раз это было решение Эли, не мое. Она убавила звук и сменила станцию. На заднем сиденье Кети снова закрыла глаза, и следующую сотню миль мы четверо провели почти в полной тишине, только тихие переливы кантри звучали в машине.

Эли гнала машину сквозь ночь. В какой-то момент я заснула, и во сне ко мне пришел Чейз в волчьем обличье. У него была черная шкура, тело — худое и мускулистое, а глаза светлее, чем у него же в человеческом образе: два голубых, как лед, кристалла. Я не произношу ни слова, он тоже не издает ни звука. Мы лежим, распростершись, вдвоем на траве, сантиметрах в тридцати друг от друга. Я чувствую на своем лице его теплое дыхание; мы, не отрываясь, смотрим друг на друга; проходит целая вечность, и я зарываюсь руками в его мех, которому, как мне кажется, следует быть грубым, но на ощупь он оказывается нежным, как шелк. Когда он дышит, его грудная клетка вздымается и опускается, и я чувствую, что мое сердце бьется в унисон с его сердцем.

— Ведь это не значит, что мы — пара, — говорю я Чейзу.

Он широко зевает.

— Борьба за равноправие женщин и все такое... — продолжаю я и хватаю его руками за морду. — Никаких отметин. Никаких пожизненных обязательств. Никаких вывесок «собственность такого-то». Просто связь между нами, вот и все.

Его хвост тихо бьет по грязной земле, и улыбка появляется у меня на лице.

— Неудачник, — говорю я и треплю его по загривку, испытывая непреодолимое желание почесать ему брюхо.

В ответ на это страшное оскорбление Чейз в притворной угрозе скалит зубы, а сам прижимается ко мне, я кладу голову ему на шею, и мы двое — волк и девушка — засыпаем и во сне видим сон.

*Я тебя вижу.*

Слова капают, кап-кап... Лица нет. Тела нет. Просто рот. Кости трещат, челюсти хрустят...

*Я тебя вижу.*

Улыбка коварная, клыкастая и красным вымазана.

Я узнала голос. Я узнала кровь. Но это не мой кошмар. Это все — Чейза.

И, словно вспышки стробоскопа, передо мной появляются и исчезают образы, быстро, как при стрельбе из пулемета. Мужчина — карие глаза, открытое лицо, нет и тридцати. Зубы красные. Серый волк, белая звезда. Челюсти щелкают.

Как много крови.

Я ищу Чейза, зову его, но не могу найти. Я слишком далеко.

*Волк. Дратья.*

Не мой сон. Не мой инстинкт. Не мой туман в голове, а весь мир все равно кроваво-красный, почти лиловый. Разложившийся. Свернувшийся, как кровь.

Чейз. Я должна найти Чейза.

Я чувствую, как открываются его глаза. Резкая, как молния, боль в животе. И острая боль в челюсти, когда в человека переключаешься.

*Посмотри на меня,* шепчет ему Каллум, призрак, сидящий на его плече.

*Ты мой,* говорит волк с белой звездой на лбу. *Я тебя сделал. Ты принадлежишь мне.*

Чейз не принадлежит крови и панике. Не принадлежит Бешеному. Он не принадлежит даже Каллumu, решительному и уверенному.

Он принадлежит *мне*.

Свет, оплетая нас огненными языками, вздымается вверх — что-то среднее между взрывом атомной бомбы и фейерверком на День независимости.

*Теплый. Невредимый. Мой.*

И вдруг, ни с того ни с сего, Чейз и я — мы снова на кровати из мокрых листьев и травы, и прелый запах напоминает мне о том, что это был сон. Всего лишь сон.

Чейз в человеческом обличье лежит, свернувшись, рядом со мной. Его лоб влажный от пота, и я провожу пальцами по его свалявшимся волосам так же естественно, как проводила ими по волчьему меху. Я прижимаюсь к Чейзу всем телом, и слежу за тем, как замедляется его дыхание, и мое дыхание тоже замедляется, и мы оба растворяемся в безмятежном, блаженном небытии.

— Просыпайся, Спящая Красавица.

Первая инстинктивная реакция на слова Эли — зарычать. Но поскольку меня снова окружал реальный мир, а защитный инстинкт, пробудившийся под влиянием сна, от меня ускользнул, я вспомнила две вещи. Во-первых, я вообще-то не была оборотнем и поэтому не имела гена обладания и защиты, который мог бы диктовать мне каждое движение, а во-вторых, в настоящий момент я с Эли не разговаривала. Чувствуя себя очень неудобно в собственном теле, я стерла кулаками остатки сна из уголков глаз и вместо рычания пристально уставилась на нее.

Эли же меня игнорировала. Она просто расстегнула ремень безопасности и вылезла из машины, захлопнув дверь перед самым моим носом. Ей плевать было на мое мрачное настроение. И пока я пыталась пережить это оскорбление, Эли открыла пассажирскую дверь со своей стороны и, расстегнув ремни, взяла Кети с сиденья.

— Я так понимаю, мы остановились? — спросила я.

— Мы уже здесь, — поправила меня Эли. — Ты спала мертвым сном и пропустила завтрак. Может быть, у кого-нибудь здесь найдется немного еды, если ты голодна. — Усадив Кети на бедро, Эли махнула рукой на другое сиденье. — Не возражаешь?

Я хотела сказать, что возражаю, но, взглянув на несчастное лицо Алекса, решила, что из принципиальных соображений капризничать не стоит. Расстегнув ремень безопасности, я открыла дверцу и выскользнула из машины. И уже наполовину освободила Алекса из кресла, когда мой разум наконец-то воссоединился с телом и заинтересовался, где же находится это самое «здесь».

Воздух был слишком свежим для лета и пах, как мне показалось, снегом, хотя на покрытом травой куске земли под моими ногами не было даже намека на что-нибудь белое. Взяв Алекса на руки, я повернулась и подняла глаза. И попятилась от того, что раскинулось передо мной — зеленая, ровная и нетронутая земля.

Медленно повернувшись на триста шестьдесят градусов, я осмотрелась. Прямо перед нами стояло большое деревянное здание — ресторан или придорожная кафешка; чуть дальше, над невысоким крыльцом, изогнутая вывеска, слова на которой я не смогла прочитать. Вдаль, к горизонту, темными пятнышками тянулись дома поменьше, и выглядели они так, как будто их вырезали из земли, на которой они стояли. Виднелись там еще деревья, разбросанные в беспорядке, и где-то совсем далеко я разглядела густой лес и что-то голубое. Вода. Озеро, наверное.

И вот в ту самую секунду я и поняла, где мы находимся и кто живет в этой самой Монтане.

И точно, как только Эли и я пошли по направлению к самому большому зданию, сразу стало видно, что написано на вывеске. На пороге показался мужчина — высокий, с

неопрятной бородой, смотревший на нас с обманчиво скромным видом.

— «Странник», — прочитала я вывеску.

— Разве я не сказала тебе, что это то самое место, куда мы направляемся? — спросила Эли.

— Нет. Этой деталью ты пренебрегла, — усмехнулась я.

— Ах да, конечно. — Эли улыбнулась. — Ведь мы не разговаривали.

Иногда Эли могла быть такой же мерзавкой, как и я. Вот что значит, когда опекун старше тебя всего лишь в два раза. Даже меньше.

— Эли! — поприветствовал ее стоявший на пороге мужчина.

— Митч! — Эли пожала мужчине руку, и тон ее голоса был почти такой же, как у него, — нежный, теплый, и удивления в нем совсем не было.

— Это твои детеныши? — спросил Митч, посмотрев на близнецов.

Эли кивнула:

— Да. Кейтлин и Александр. Им почти четыре месяца уже.

— А эта малышка любит своего волка, — сказал Митч с улыбкой. — Она растет быстрее, чем ее брат.

Эли дунула на выбившуюся прядь волос, а Кети, словно совершенно определенно зная, о чем ведут речь старшие, выгнула спинку, и ее зрачки расширились.

— О, нет, маленькая мисс, — сказала Эли. — Подожди, пока мамочка вынет тебя из этой одежды, и тогда...

Тело Кети содрогалось от приближения перемены, и Митч пришел Эли на помощь.

— Дай-ка ее сюда. Я подержу девушку.

Кети с удовольствием пошла к Митчу на руки, и на какое-то мгновение показалось, что она обо всем на свете забыла и меняться не собирается, что было бы просто чудом и вряд ли продлилось долго. С самого дня рождения Кети никогда так долго не пребывала в человеческом облике, и сейчас, когда дикая природа раскинулась перед ней, ее стремление к переключению возьмет верх, без всяких сомнений. Это был всего лишь вопрос времени.

— Брин, — поприветствовал меня Митч.

Он взглянул на мое побитое лицо и больше не обращал на него внимания. Кажется, его совсем не удивляло, что мы здесь.

Он знал.

У меня было такое чувство, словно я снова стояла в полнолуние перед Стаей, сдирая свою внутреннюю защиту, чтобы позволить обрам избить меня.

Да пошло все к черту!

То, что случилось, касалось только меня, и больше никого.

— Привет, мистер Митчелл, — сказала я.

— Митч, — грубо поправил мужчину, но, кажется, ему давно было известно, что это бесполезно.

Что-то было в нем такое, отчего я не могла назвать его по имени, которое он для себя выбрал. Может быть, из-за того, что он был частью нашей Стаи, хоть и посещал ее достаточно редко.

А может быть, оттого, что он был отцом Лейк.

— А Лейк сейчас... — начала было Эли.

— Она скоро будет, — сказал Митч. — Понятия не имею, чем она занимается. Мне вообще-то и знать это неохота, но, подозреваю, что от хорошей компании она не

откажется. — Митч замолчал на долю секунды. — Смотри только, чтобы она тебя не подстрелила.

Что касается Лейк, это был хороший совет. Может быть, она и мне ружье даст. В этот раз я была не прочь пострелять.

— Можно, я зайду? — спросила я, махнув рукой в сторону входной двери «Странника».

— Если только твоя мама не будет возражать, что ты уйдешь до того, как вы все четверо устроитесь.

— Все нормально, — сказала Эли. Сейчас она была не прочь от меня избавиться.

— Тогда давай! — Митч кивнул на дверь. — Заходи.

Я зашла.

Ресторан был почти пустой. Два человека сидели в угловой кабинке да какая-то белобрысая тетка лет тридцати пяти-сорока стояла за стойкой бара и вытирала прилавок. Когда я вошла, она наклонилась вперед, опершись на локти, и на лице у нее появилось выражение, по которому я поняла, что она была, наверное, из той породы барменов, которым посетители изливают души.

Я на это не купилась.

Барменша заметила, что я смотрю на нее, и я отвернулась потупившись и опустив плечи. Реакция была совершенно рефлексивная и к тому же совершенно мне незнакомая. И это заставило меня задуматься: когда это я стала девочкой-паинькой из Стаи, которая отводит взгляд и не нарываясь на неприятности, и вдобавок к этому, когда это я начала подчиняться людям? Я же всегда украдкой желала, чтобы чужие не пялились на меня повсюду с любопытством и скрытой симпатией.

Пора было отсюда убираться.

Задняя дверь «Странника» находилась всего лишь футах в двадцати от входа, но я обнаружила, что быстро дойти до нее я не смогу. За многие годы я столько всего слышала об этом месте. Я прекрасно знала, какие половицы нужно было приподнять, чтобы извлечь из-под них пачки жевательной резинки и скрытые запасы детских сокровищ. Я знала, что виски за прилавком иногда бывает разбавлен, потому что кое-кто изредка отливал себе втихаря стаканчик-другой, а потом доливал бутылку водой. И еще я знала, что бильярдный стол слегка покосился на правую сторону — знание это помогало, если вы собирались как следует отделать клиента.

К тому времени, когда я добралась до задней двери, у меня было такое чувство, будто я находилась внутри целую вечность. Желание выбраться отсюда, смыться куда-нибудь подальше и снова стать самой собой было непреодолимым. Едва я вышла на улицу, порыв холодного ветра ударил мне прямо в лицо, охлаждая мои синяки. Я огляделась. Недалеко стоял деревянный забор. На нем сидела девчонка с длинными ногами, длинными волосами и двуствольным дробовиком. Ноги у девчонки были загорелые, волосы — цвета пшеницы, а дробовик был нацелен прямо в мою левую коленную чашечку.

*Пустое лицо Соры. Ребра трещат. И западают внутрь.*

Я затрясла головой, прогоняя это воспоминание. Лейк — это не Сора. А Сора — не Бешеный. Никто в меня здесь не выстрелит.

— Что, так страшно, что боишься подойти ко мне поближе? — крикнула я, выдавливая из груди сгусток беспокойства. — Только не говори мне, что ты раскисла, Лейк.

Девчонка фыркнула, обнажив зубы в злой улыбке, потом соскочила с забора, бросила дробовик на землю и побежала ко мне. Я тоже рванула к ней, но не сделала и трех шагов, как

она врезалась в меня и свалила на землю.

— Эй, у меня ребра сломаны! — взвизгнула я.

— Ах ты, плакса желтопузая, — ответила Лейк. — Масенькая Бриночка опять упала и головкой бумкнулась?

— В тот раз я с дерева не падала, это ты меня *столкнула*, — возразила я.

— Ябеда, — приветливо усмехнулась Лейк.

— Дура! — засмеялась я и бросилась к ней и крепко-крепко обняла.

Если не считать Кети, Лейк была единственной самкой, родившейся на территории Каллума за последнюю сотню лет. А может быть, и больше, в зависимости от того, сколько лет было Соре. Лейк с отцом не часто приходили на наш участок леса, и не знаю, по какой причине, но Каллум никогда не заставлял их этого делать. Поэтому, когда я росла, между мной и Лейк установились отношения, которые, как я подозреваю, были очень похожими на те, которые случаются у людей, отдыхающих в летнем лагере. Когда мы были вместе, разделить нас было невозможно. С восхода солнца и до заката если вы находили одну из нас, то находили и другую. Девон был моим лучшим другом, но когда в городе была Лейк, наш дуэт легко превращался в трио: человек, чистокровка и обр-самка. Все натуральные фрики.

Лейк, еще не вполне осознающая свою силу, слишком крепко обняла меня в ответ, но, несмотря на это объятие, мои ребра лишь слегка занули, и я восприняла это как хорошее предзнаменование. Может быть, Эли не так уж и ошиблась, привезя меня сюда. Может быть, мне просто нужно время, чтобы перегруппироваться.

И разработать план.

Еще одна долгая пауза, и я оттолкнула Лейк от себя. И хотя я раньше никогда по собственному желанию объятий не размыкала, она немедленно отпустила меня. Мы сели, и я внимательно осмотрела Лейк, по привычке сравнивая с собой. На мне были джинсы, свитер и ботинки. Лейк была босая, и единственной причиной, по которой на ней были надеты майка-алкоголичка и мальчишечьи шорты, было то, что стрикинг <sup>[30]</sup> она переросла уже лет в семь.

Правда, случилось такое это еще один раз, летом, когда нам было лет по двенадцать, но это к делу не относится.

— Тебе не холодно? — спросила я ее.

Лейк ухмыльнулась:

— Нет.

Едва закончилась самая холодная за многие годы весна, а Лейк уже загорела, румянец на щеках, волосы местами выгорели. Я не могла даже вообразить, что кто-нибудь посмеет ударить ее, какой бы ни была причина.

Как будто почувствовав, в каком направлении движутся мои мысли, Лейк решила меня отвлечь:

— На сколько поспоришь, что я у того парня пулей пробью банку с колой?

Она махнула рукой в сторону «Странника», и я заметила новую группу людей, занявших одну из кабинок. С этого расстояния я едва могла рассмотреть их сквозь запыленное стекло, но ни на секунду не засомневалась, что Лейк видела их гораздо четче.

— Ничего не выйдет, — сказала я Лейк. Я научилась не спорить с ней — вообще-то было не из-за чего — с тех пор, когда нам обоим было лет по восемь.

Кроме одного раза, тогда, летом, когда нам было двенадцать. Но это, опять-таки, совершенно к делу не относится.



— И кроме того, Матильда твоя у забора лежит.

Я на самом деле никогда не встречалась с любимым дробовиком Лейк, но слышала о нем так много всевозможных историй, что вполне могла выстроить свое предположение на знании реального положения дел.

— Она очень непостоянная, моя Матильда, — признала Лейк. — Но, черт возьми, твоя старая подруга сможет справиться с этим делом.

— А что тот парень сделал вообще? — спросила я.

У Лейк было правило: она не стреляла в людей без причины или хотя бы уверенности в том, что их раны зарастут сразу же после того, как она в них выстрелит.

— Этот придурок девчонку свою кинул, — ответила Лейк. — И меня с чаевыми надул в прошлый раз.

Лейк работала официанткой в «Страннике» с двенадцати лет. Всякому, кто бывал в этом ресторане больше, чем один раз, было известно, что в бильярд у дочери Митча выиграть — дело безнадежное и что на чаевых экономить не следует. Я здесь раньше не была, но даже я это знала. И еще я знала, что если у вас есть тайна, то в «Странник» лучше не заходить. От Лейк скрыть что-либо было невозможно. Вообще!

— Так ты, значит, спрашиваешь разрешения, нарушаешь договор и Каллум тебя лупит, так что ли? — усмехнулась Лейк.

Первым моим инстинктом было отступить и не связываться с ней, но еще до того, как мои губы начали складываться в сердитую гримасу, я передумала, и напряжение сошло с моего лица. Все-таки Лейк — это Лейк. Не спросить она не могла. И возможно, было бы еще дерьмовей, если бы она не спросила. Но это не меняло того факта, что если бы я и решила рассказать кому-нибудь об этом деле, то это было бы только на моих условиях.

В следующий раз, когда имя Каллума слетит с моего языка, это случится потому, что я сама захотела произнести его, а не потому, что кто-то спросил о нем.

Ожидая моего ответа, Лейк сорвала травинку и начала ее жевать с невозмутимым видом.

— Не хочешь об этом говорить? — догадалась она.

Хотелось ли мне говорить о том, что я не повиновалась Стае? Что Каллум предал меня — и предавал много раз, снова и снова? Что каждый день он отпускал меня с верой во что-то несуществующее? Хотела ли я говорить о том, что мы вместе, Каллум и я, разрушили брак Эли и мою семью?

— Не особенно, — призналась я.

— Хочешь, побежим наперегонки к пристани? — спросила Лейк тем же небрежным тоном.

Я подумала о том, как я бежала вместе со Стаей и как это объединяло нас. Какой непобедимой я себя чувствовала.

— Десять секунд форы? — С Лейк можно было поторговаться.

— Пять, — засмеялась она.

Я сорвалась с места в тот самый момент, как слово слетело с ее языка. Не обращая внимания на боль в боку и на ноющие мышцы.

*Я была в порядке.*

Мимо меня вихрем пронеслась Лейк, не переключаясь на сверхзвуковую скорость только потому, что соперница не была такой быстрой. Челюсть выдвинута вперед, зубы крепко сжаты. Я поднажала, стараясь догнать подружку или просто не выпустить ее из

виду, — и где-то в подсознании почувствовала его.

*Чейз.*

Он и его волк хотели быть здесь. Они хотели бежать со мной, и я, напрягаясь все сильнее и сильнее, вообразила, что Чейз рядом со мной, что он тоже бежит, взяв меня за руку. В своих мечтах я продолжала наблюдать за ним. Охранять его. Я была сильной.

Меня не сломали.

«Странник» остался позади, и я бежала, стараясь оставить в пыли за собой все, кроме своих воспоминаний. Я изо всех сил старалась не отставать от Лейк, будто хотела наказать свое тело за слабость.

Если то, что я видела прошлой ночью, произошло на самом деле, Бешеный все еще преследовал Чейза в его снах. Тот самый Бешеный, который охотился за ним, как за добычей.

Не важно, что болели ребра. Не важно, что каждый раз, когда я моргала, я видела подступающий к лицу кулак Соры. Мне нужен план. Я должна быть сильной. И я продолжала бежать, что бы ни случилось, пусть бы даже наводнение накрыло всех с головой. Я не могла позволить себе быть слабой или слишком человеческой.

# Глава

## СЕМНАДЦАТАЯ

Когда я подбежала к пристани, Лейк уже отдыхала, опустив ноги в воду. Как мне казалось, у меня было два выбора: взять подружку в дело или нагло врать ей в лицо. Мой собственный опыт, а также уверенность в том, что Лейк ничего не стоит нажать на курок, подсказали мне: эту девчонку лучше иметь союзником, чем врагом. А если у меня и имелось что-то, принадлежавшее мне, и только мне одной, чтобы, уставившись на потолок, каждую ночь проигрывать это у себя в голове, то на этот случай у меня были другие советчики, чье мнение я была готова выслушать. И если так случится, что это мнение будет высказано официанткой, которую абсолютно не терзали угрызения совести по поводу подслушивания всех без исключения обрвов, проходивших по ее территории, так будет даже лучше.

— Ты слышала что-нибудь про нового волка? — спросила я, плюхаясь рядом с подружкой на доски пристани.

Мои ребра протестовали так отчаянно, что я забеспокоилась, не наделали ли они дырок в легких, однако вопрос достаточно легко слетел у меня с языка. Мне всегда было легко с Лейк, даже несмотря на то что мистер Митчелл клялся, что ее вторым именем было — «делать все самым сложным путем». Ну а моим, скорее всего, было — «дело Стаи».

— Я слышала, как отец говорил с Эли по телефону, — сказала Лейк, уставившись на воду. — Мать-Медведица была очень рассержена. Из-за тебя и из-за этого нового мальчишки.

— Чейз.

Произнося вслух его имя, я не теряла связи с реальностью, просто, когда мигала, я на долю секунды держала глаза закрытыми дольше, чем обычно — ждала, когда Чейз или его волк отпечатаются на моей сетчатке. Сейчас, когда я уже не бежала, мне было труднее нарисовать его в своем сознании и почувствовать на другом конце созданной мной связи.

— Эли не назвала имени мальчишки, — продолжила Лейк, закрывая глаза, она откинула голову назад, подставляя лицо солнцу. — Эли просто сказала, что это плохие новости — для тебя! И что Каллум скрывает что-то. И все кончится тем, что тебя изобьют.

Сначала я предположила, что разговор, который подслушала Лейк, был тот самый, который предшествовал нашему приезду в «Странник» — Эли, меня и близнецов. Однако потом засомневалась, ведь было очевидно, что Эли была в контакте с Митчем задолго до того, как я нарушила условия договора.

Уверенность Эли в моей неспособности не вляпаться в неприятную историю была просто поразительной. Или была бы таковой, если бы я могла доказать, что она ошибается, хотя бы самую малость.

— Эли или твой отец... они знали, что Бешеный, напавший на Чейза, убил и мою семью? — Я была совершенно уверена, что знала ответ на этот вопрос, но спросить была должна. Всего неделю назад и я была готова поклясться, что Каллум не скрыл бы от меня ничего важного.

К моему облегчению, как только второе слово — Бешеный — сорвалось у меня с языка, глаза Лейк широко распахнулись, и она чуть не упала с края пристани. Только сверхъестественная ловкость и способность сохранять равновесие не позволили ей нырнуть носом в озеро. Я бы так не смогла.

— Бешеный, который убил твою... Я думала, что Каллум убил этого грязного, мерзкого, подлого...

Чувствуя, что Лейк могла выдать бесчисленное количество прилагательных для определения того человека, которого Чейз называл *Пренсером*, я перебила ее:

— Я тоже так думала, но нет. Бешеный сбежал. Никто даже не подумал, насколько это важно — сообщить мне об этом. Одиннадцать лет прошло, и, можешь себе представить, он покусал Чейза.

На мгновение Лейк задумалась.

— И я так понимаю, альфа не очень-то и хотел, чтобы ты об этом узнала.

Я была очень признательна Лейк за то, что она на этот раз не назвала Каллума по имени.

— Он позволил мне встретиться с Чейзом, понимая, что я узнаю обо всем. А затем избил меня за то, что я сделала это.

Логика Эли так глубоко проникла в мои мысли, что я смогла рассказать обо всем этом Лейк. Уж если я смогла бежать со сломанными ребрами, то тем более могла заставить себя расстаться с парой неприятных истин и беззвучно произнести слова, которые больше всего ранили меня.

*Каллум. Стая. Стоун Ривер. Разрешение.*

Я внутренне произнесла эти слова, очень-очень громко произнесла, продираясь сквозь них и не обращая внимания на боль.

*Каллум.*

*Стая.*

*Стоун Ривер.*

*Каллум.*

Под поясом джинсов все еще была отметина. Я положила на нее руку, проведя пальцами по шрамам, образовавшимся на моей коже.

— Бешеный все еще жив. Он был жив все это время, он жив сейчас, он вмешивается в жизнь *моего*... — Категория принадлежности Чейза была важнее, чем существительное, которое должно было последовать за ней. Я не знала, как назвать Чейза: моего друга? моего волка? моего «второго я»?

— Значит, это правда, — сказала Лейк, освобождая меня от необходимости закончить предложение.

— Что правда?

— Про тебя и про того мальчишку. Что ты пометила его.

Когда Лейк повернула все таким образом, то стало ясно, что ситуацию невозможно игнорировать. Я не была оборотнем и тем более не была альфой Стаи Стоун Ривер. Каллума не было рядом в то время, когда я перебросила мою связь со Стаей на Чейза. Это не альфа придумал новую связь между нами; я не кусала Чейза, он не кусал меня; и то, что мы делили между собой, ничем иным, кроме связи между оборотнем и его партнером, не было.

И это также походило на связь между Каллумом и мной.

— Не так все это было, — вздохнула я. — Это было... — Как я вообще могла описать то, что случилось, даже Лейк? — Мы просто выяснили, что его Бешеный был тот же самый, что и мой, а они собрались нас разлучить. Мы и запаниковали. Оба. Мне нужно было успокоить его. Я не могла позволить, чтобы они его забрали. Я должна была... — Должна была — что? Я не могла толком этого объяснить. Лейк сидела очень тихо, и в глазах у нее был какой-то

странный свет, причину которого я не могла никак понять. — Я должна была защитить его. И себя. Поэтому, нащупав связь со Стаей, вместо того чтобы закрыться от нее, я за нее потянула. Потянула за нее, и толкнула к Чейзу.

Я ждала, что Лейк снова скажет мне, что все, что я сделала, невозможно. Но вместо этого она посмотрела на свои колени и самым тихим голосом, который только мне доводилось от нее слышать, задала мне последний вопрос, который я вообще не ожидала от нее услышать:

— А ты смогла бы сделать это снова?

На мгновение мне показалось, что Лейк спрашивала о том, смогла бы я, будь у меня возможность перенестись назад, сделать это, зная обо всех последствиях. Однако почти сразу же я поняла, что это не так.

Лейк спрашивала, смогу ли я пересоединить чью-нибудь еще связь со Стаей. Она имела в виду свою связь и связь Митча. Лейк и ее отец были периферийными. Каллум не требовал их присутствия на собраниях, но они все равно оставались частью Стаи Каллума. И он все еще был их альфой.

— Я не знаю, Лейк, — пробормотала я.

*А ты не можешь попробовать?* Я не слышала этих слов так, как я бы услышала их, если бы моя связь с Чейзом не стояла между интересами Стаи Каллума и моим здравым смыслом, но я почувствовала этот вопрос, готовый сорваться с кончика языка подружки. Однако через мгновение она закусил губу, и все, что мне привиделось или показалось, что привиделось, исчезло. И теперь Лейк сидела с таким видом, который у меня ассоциировался с ее решимостью сделать что-то важное.

Где-то в подсознании у меня прозвучал тревожный звоночек — обычно этот вид не предвещал ничего хорошего. Лейк Митчелл вызовов не отвергала.

— Подозреваю, что тебе хочется узнать, почему Каллум не убил Бешеного, — сказала Лейк.

Я кивнула.

— И еще я подозреваю, что ты хочешь узнать, есть ли у него планы убить Бешеного сейчас, когда он вернулся?

Вот почему я решила иметь дело с Лейк. Для нее не существовало запретов, правил приличия, и она была бесстрашна. Стая или не Стая, но она не станет сомневаться, вступать ей в противостояние с Каллумом или нет. Она выросла за пределами Арк Вэлли и потому могла следовать своей собственной воле, а не воле альфы. Даже суровое наказание не могло заставить ее уважать кого-либо, если она не считала это возможным.

— Если Каллум не убьет Бешеного, его убью я. — В первый раз я произнесла эти слова вслух, и я прекрасно знала, что это не пустые слова.

Я не то чтобы хвасталась или сболтнула, не подумав. Это не было безрассудством, и было совсем не важно, что я — человек, а Бешеный — нет.

Он вторгся в мою жизнь. Убил мою семью. Ранил Чейза. И единственной возможностью спасти от него Чейза было увидеть его мертвым.

Я все сказала Лейк, а она даже не моргнула. Она не спросила меня, как именно обычная девчонка собиралась справиться с Бешеным, которого наша Стая более десяти лет не могла выследить. Лейк просто поймала меня на слове и перешла к следующему пункту на повестке дня:

— Что мне нужно делать?

Уставившись на воду, я оценивала ситуацию, принимая во внимание все, что я знала о «Страннике», о Лейк и особой манере убеждения. Я подумала о тетке-барменше, с ее рожей типа «а ну-ка-поговори-со-мной» и глазами, в глубине которых таилась убежденность, что мимо нее ничего не проходит. И еще я подумала о той публике, которую могло привлечь это место, управляемое периферийным самцом.

Волки не любят одиночества. Там, где живет один, рано или поздно появятся и другие, а Митч и Лейк не были в стае единственными периферийными.

— Думаю, тебе нужно поговорить с барменшей, — сказала я, медленно обдумывая эту мысль. Если кто-нибудь из Каллумовых волков был здесь, барменша должна была знать об этом. А если при этом она подпоила их хорошенько, они могли что-нибудь сказать. Лейк не потребовала логического обоснования моих слов. Она просто встала и пошла обратно к ресторану, потому что знала так же хорошо, как и я, что безупречный план начинается с разведки.

Лишь только после того, как мы с Лейк уселись на стульях напротив барной стойки, я задумалась над тем, как могло случиться так, что обычная женщина работала у отца Лейк. В поиске ответа я закрыла глаза и настроила свои чувства. Женщина, о которой шла речь, пахла мылом из «Волмарт»<sup>[31]</sup> и елкой. На ней не было отметин, и она не имела связей со Стаей. Ни из Стоун Ривер, ни с какой-либо другой. Она не нервничала, и я не могла учуять ни капли страха в воздухе, окружавшем ее. Сзади нас что-то зашуршало, и мои пальцы рефлексивно сжались в кулаки.

*Волк.*

И не из наших.

— Спокойно, подруга, — сказала Лейк, хотя лично у меня появилось такое чувство, что при появлении незнакомца волосы у нее на загривке стали дыбом, впрочем, как и у меня. — Это нейтральная территория. Мы рады всем.

По-правде говоря, нейтральной территорией это место не было, и Лейк оно не принадлежало. Монтана была территорией Стоун Ривер. Она принадлежала Каллуму, а волк, стоявший позади нас, нет.

— Он — из периферийных, — сказала мне Лейк. — Один из Стаи Шей.

У меня не было большой практики в распознавании членов других стай по запаху, но имя я знала. Шей был самым младшим альфой в Северной Америке. Он бросил вызов бывшему вожаку Стаи Снейк Бенд в начале века и победил. Как и Девон, Шей был чистокровным обром, и Сора была и его матерью. Собственно говоря, это делало его сводным братом Девона, но, поскольку нам он был безразличен, мы о нем не думали. Шей оборвал все связи со своими родственниками задолго до того, как родились Девон и я.

— Твой отец позволяет волкам из Стаи Шей питаться здесь? — спросила я. Это было непостижимо.

— Только периферийным и только тем, кто умеет себя вести, — сказала Лейк. — Иметь друзей не повредит.

Я попыталась найти во всем этом какой-то смысл, как бы ни говорили мне мои инстинкты, что это все неправильно-неправильно-неправильно. Я-то думала, что «Странник» был местом отдыха для периферийных из Стоун Ривер, но, судя по множеству запахов, стоявших в воздухе, его клиентура была более разнообразна, чем я себе представляла.

Тем больше причин было поговорить с барменшей и выяснить то, что знала она.

— Я Брин. — Я подняла глаза и встретилась с ее взглядом, и если она заметила, что я принохиваюсь к ней, то виду не показала.

— Кили. — Это было единственным, что она сказала после довольно долгого молчания. Потом она повернулась и, прищурившись, посмотрела на Лейк: — Ты что-то задумала?

Губы Лейк сложились в непринужденную ухмылку:

— Как всегда. Ты что-нибудь слышала о Бешеном?

Я ожидала от нее вопроса поизящней, но чего тут можно было ожидать. Это была Лейк. Кили немного помолчала, потом хмыкнула:

— Если я совру, ты это почувешь. Поэтому я остановлюсь на *это не твоего ума дело* и предложу тебе на этом успокоиться.

Лейк открыла было рот, но я ущипнула ее за ногу — старый добрый знак для *заткнись и дай мне говорить*.

— Вы ведь знаете кое-что об оборотнях, — сказала я, встретившись с Кили взглядом.

— Надеюсь, что кое-что знаю.

— И вы еще живы!

Кили засмеялась:

— Вот она-то точно знает, как девушку умаслить, правда, Лейк?

Интересно, знал ли Каллум, что в Монтане были люди, догадывавшиеся о том, кто мы такие. А если не знал, то я не собиралась ему об этом докладывать. — Тот факт, что вы живы, говорит о том, что вы умеете держать рот на замке, — сказала я. — Я уважаю вас за это.

Лейк ущипнула меня. Я ее игнорировала.

— Поэтому я не буду спрашивать вас ни о Бешеных, ни о каких-либо тайнах.

Еще один щипок. На этот раз больнее.

Я шлепнула Лейк по руке.

— Но я хочу спросить вас, слышали ли вы о том, что значит для человека стать обром?

Моя логика в постановке вопроса не имела под собой в основе ничего, кроме инстинкта. Любой человек, находившийся на расстоянии полутора метров от оборотня и знавший, что это именно оборотень, и никто другой, должен был задаваться подобным вопросом. Как это бывает, когда переключаются? И что должно произойти, чтобы привести спусковой механизм в действие?

*Ребра трещат. Голова раскалывается. Удар за ударом... удар за ударом... удар за ударом...*

Я подавила накативший страх прежде, чем Лейк могла его унюхать. Прежде чем периферийный в правом заднем углу мог меня почуять. Кили и я не говорили про избияния. У меня не было причин думать об этом. Никаких. Мы не говорили об отметинах и о том, как избивают.

Мы говорили о жестоком убийстве.

— Я спрашивала об этом, — усмехнулась Кили. — Когда Митч сказал мне, кто они с Лейк такие, и предупредил, что здесь может быть шумновато временами. Он тогда сказал, что ни одной душе не позволит ко мне прикоснуться, но даже тогда я все-таки поинтересовалась, что будет, если меня вдруг укусят или поцарапают, — вдруг я превращусь в кого-то или вообще копыта откину? Информация никогда не помешает.

— Предполагается, что люди не могут стать обрами, это практически невозможно, —

сказала я и подумала, что, вместо того чтобы отмечать дни рождения, мне лучше размечать свою жизнь случившимися невозможностями. Одна — когда в четырехлетнем возрасте я спаслась от Бешеного. Вторая — когда была помечена тысячелетним альфой. Третья — когда закрыла свое сознание для Стаи, полностью и надолго. Четвертая — когда встретила с мальчишкой, который уже мог бы быть мертвым. Пятая — когда я предъявила свои права на него, несмотря на всю преданность Стае Каллума. И шестая — когда Чейз приходил ко мне в моих снах.

— Нет, это не невозможно, — улыбнулась Кили, упершись локтями в стойку бара и наклоняясь вперед. — Просто маловероятно.

А это уже было интересно. В молчаливом согласии с моей оценкой ситуации Лейк наконец-то прекратила щипать меня за ляжку.

— Да что ты? — спросила она Кили, и голос у нее был низкий и раскатистый, и в этот момент она напомнила своего отца.

Кили кивнула.

— Мне доводилось слышать, что за последнюю тысячу лет люди менялись раза три или четыре. Большею частью они просто умирали. И если кому-нибудь удастся выяснить, как заставить повиноваться людей, не убивая их, то, я так думаю, таких, как вы, волкоподобных, будет значительно больше, чем сейчас.

В численности всегда была сила обр. Чем больше Стая, тем сильнее ее альфа.

Я медленно переваривала информацию, полученную от Кили. Ситуация с Чейзом не была невозможной. Она была *немыслимой*. Я сохранила эту информацию на будущее.

— А вы знаете что-нибудь о других временах, когда подобное случалось? — спросила я Кили, на самом деле не очень надеясь на ответ.

Она покачала головой и извинилась, потому что обр, которого я почувствовала раньше, подошел к бару.

— Я думала, ты хотела выяснить о Бешеном, — понижая голос до шепота, сказала Лейк.

— Хотела, — прошептала я в ответ, — но эта Кили не очень разговорчива, и сейчас самая лучшая наводка на Бешеного — это Чейз.

Я не знала, где находится Бешеный или чем он занимается, но я точно знала, что часть его была в голове у Чейза.

*Паленый волос и мужской одеколон.*

Изгоняя из памяти воспоминания об этом запахе, я рассказала Лейк про тот день, когда Каллум первый раз взял меня на встречу с Чейзом. О том, как на несколько мгновений притязания Бешеного на свою добычу пересилили осторожность Каллума. О том, как я видела Чейза в своем сне и следовала за ним в его снах, и этого было достаточно, чтобы понять — Бешеный продолжал играть в свои игры.

— Так, давай-ка разберемся, — сказала Лейк, когда я закончила. Она откинулась на спинку стула, принимая позу, которую я никогда не могла повторить. — Ты, альфа Стаи Стоун Ривер и Бешеный боретесь за господство в голове у твоего мальчика-красавчика.

В этом предложении было очень много неправильного. Тот небрежный тон, с которым Лейк говорила о Бешеном. Сами слова — *Стоун Ривер, Стая, альфа*, — которые снова вызвали образ Каллума в моем сознании и заставили задуматься о том, как долго при мысли о нем у меня будет возникать чувство, будто я даю на незарубцевавшуюся рану, просто чтобы проверить, болит она или нет. И еще один момент — Лейк назвала Чейза моим мальчиком-красавчиком, когда на самом деле он был просто мальчик. Мальчишка. Мой



мальчишка.

*Мой!*

Приняв мою реакцию за обиду, Лейк быстро добавила к первому предложению еще одно, очень невразумительное:

— Если выбирать между Каллумом, Бешеным и печально известной Бронвин Клэр, я ставлю деньги на тебя.

Да, конечно! Отупляющая боль в моих ребрах ставила судьбу этой ставки под сомнение.

— Серьезно, Брин! — усмехнулась Лейк. — Хоть ты и человек, но я тебя знаю. Ты дерешься здорово.

Этот вотум доверия заставил меня улыбнуться, но от этого движения сразу же заныло лицо, напомнив мне снова о том, что непобедимой я не была.

И не была такой твердой, что меня невозможно было сломить.

— Мне нужно идти, — сказала я. — Посмотрю, как там дела у Эли с обустройством.

Лейк прищурилась, пытаясь уловить в моих словах скрытый смысл. Я встретилась с ней взглядом и долго смотрела не отрываясь, пока она не отвела глаза. Осознавая то, что я сделала — и как это будет выглядеть в ее волчьих глазах, — я протянула подружке оливковую ветвь:

— Я не сдаюсь, Лейк. Я просто перегруппировываюсь.

Мне нужно было подумать. Мне нужен был план, и, что касается меня, *разведка* уже началась.

# Глава ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Эли?

Я была не совсем уверена, что нахожусь в нужном месте, поэтому решила подать голос, как только открыла входную дверь. Слово эхом отразилось от стен. И хотя все в этой лачуге — три жмущиеся друг к другу комнатки, объединенная с гостиной кухня, размером значительно больше, чем я привыкла, — вопило о том, что это *не дом*, и именно осознание этого расстраивало меня больше всего.

Одно дело — перегруппировка. И разведка — тоже здорово. И «Странник» был неплохим местом для ее проведения. Но все это не имело никакого отношения к дому.

Воспоминания об Арк Вэлли заставили меня успокоиться, и на меня нахлынуло чувство Стаи. Сначала появился Чейз. Я увидела его бегущим, точно так же, как бежали раньше Лейк и я. Я чувствовала, что у меня возникает желание бежать и вместе с ним, поглощая меня без остатка.

Потом я почувствовала близнецов — через комнату. Девон, Каллум, все остальные члены Стаи были слишком далеко, чтобы я могла их почувствовать, кроме, разве что, Лейк и ее отца.

— Эли? — крикнула я снова, на этот раз не слишком повышая голос, потому что моя связь с близнецами гудела в унисон с тихим звучанием их сна. Эли не ответила, и я нашла всех троих спящими на громадной кровати, прямо на стеганом одеяле. Одеяло было не наше. Алекс лежал на животе, его крошечные человеческие руки вцепились в мех Кейтлин, а Эли обнимала их обоих.

В тот момент, когда я вошла в комнату, Кети заерзала. Моргнула. Раз, другой, третий... Затем заворочалась. Глядя на Эли, спавшую мертвым сном, я тихо подошла к кровати и взяла Кети на руки. Она зарылась в меня, как будто надеялась вырыть у меня в боку ямку размером со щенка.

— А ну-ка, тише, девчонка, — прошептала я.

Кети втянула носом воздух, и я поняла, что она ловит носом мое дыхание. Мне стало интересно, пахну ли я домом и может ли она почуять слабый запах крови, идущий от моих ран.

Кети заскулила и лизнула меня.

— Ш-ш-ш. — Я улыбнулась ей, удобнее укладывая ее щенячье воплощение у себя в руках. — Мама и Алекс спят.

Кети затихла, и я снова перевела глаза на Эли. Она всю ночь провела за рулем, чтобы привезти нас сюда. Я думаю, она долго почти совсем не спала и до этого, когда я то приходила в сознание, то снова теряла его.

— Мама устала, — сказала я Кети, и желудок у меня скрутило. — У мамы был тяжелый день.

И неделя.

И месяц.

И я, будучи такой, какой была, не сделала их легче для нее.

Кети, которой надоели мои откровения, зевнула, и ее щенячья пасть растянулась так широко, что будь она в человеческом облике, то, скорее всего, вывернула бы себе челюсть.

— Ты что, детка, из-за меня проснулась? — спросила я Кети.

Она снова залезла мордой мне под мышку, и мне все стало ясно. Я осторожно легла на край кровати. Подложила под голову подушку и позволила Кети растянуться у меня на животе. Она сунула нос прямо мне под подбородок, обдав меня свежим щенячьим дыханием, и заснула. Я, свернувшись калачиком, повернулась лицом к Эли, стараясь не раздавить Алекса, и пожелала им всем приятного сна.

А нам всем — чтобы все было в порядке.

Я погрузилась в сон. Поляна. Лес. Пахнет ранней осенью, но Чейза нигде нет. Я встала на колени на землю и сразу же перестала осознавать, что это был сон. И что отсутствие Чейза, скорее всего, означало, что он не спал. Я сунула два пальца в прелую листву и поднесла их к носу.

Я не чувствовала его. Я вообще ничего не ощущала. Беспокойство начало медленно заползать в меня. Я ничего не *чуяла*. Это было хуже, чем если бы вам завязали глаза, хуже, чем раскрыть рот для крика, зная, что звук не выйдет у вас из глотки.

Я не могла *чувствовать запах*.

Я притянула колени к груди, не в состоянии подняться и сесть на корточки, не в состоянии даже сжать кулаки.

И мир вокруг меня тоже сложился, как будто кто-то делал оригами. Как будто я была пробным листом бумаги и кто-то взял и, скомкав, выбросил меня прочь.

А потом мир как будто развернулся, и лес тоже развернулся и стал чем-то новым. Чем-то меньшим. Чем-то, что пахло мокрым картоном и очистителем для водосточных труб. Я бы утешилась осознанием того, что снова могу чувствовать запахи, если бы не воспоминания, пришедшие вместе с этим странным сочетанием запахов.

*Зубы вгрызаются в плоть. Кожа хрустит и рвется, как тряпка. Брызгает кровь. Снова и снова... ужасно... безжалостно... Кровь... кровь... кровь... кровь... кровь...*

Челюсти! Папочка! Нет! Я ведь не вернулась туда. Это не по-настоящему. Я уже большая. Я сильная.

*Выходи, выходи давай, ну, где ты спрятался, малыш? Зачем прятаться от Большого Злого Волка? Все равно рано или поздно я найду тебя...*

И пусть сейчас я была большая, и пусть я знала, что это невозможно и что это не может случиться снова, я не могла заставить себя воздержаться от старых, знакомых движений. Я выглянула наружу из своего убежища под раковинной и увидела мужчину.

Я не чуяла его.

Я видела, как он меняется.

*Звезда на лбу. Он меня найдет. Кровь. Кровь... кровь... кровь...*

Я закрыла глаза, точно так же, как я закрыла их, когда мне было четыре года. Я закрыла их, но могла слышать, как монстр дышит — *совсем рядом, снаружи*.

*Он схватит меня. Большой Злой Волк схватит меня.*

Треснуло, расколовшись, дерево. Это входная дверь — дверь, которую волк закрыл за собой на замок, еще когда был человеком. А потом вошли другие — очень много других. И человек с тремя линиями на лице: одна оттого, что он улыбался, две оттого, что он хмурился.

Каллум, поняла я — взрослая, в то время как я четырехлетняя, сидевшая внутри меня, наблюдала за всем, не в состоянии двинуться с места.

Женщина с гладкими темными волосами, убранными в конский хвост, — *Sora* —

пронеслась через комнату, оттащив от меня Большого Злого Волка:

— Я держу тебя, малышка. — Внутри просунулись руки, чтобы схватить меня, я не сопротивляюсь. — Я никому не позволю сделать тебе больно.

*Кровь... кровь... кровь... кровь...*

— Закрой глаза.

Я не могла повиноваться тихому приказу Каллума. Тогда не могла. Не могу и сейчас. Тогда в первый раз я увидела, как Сора стала волком и вцепилась в горло Бешеному. Каллум повернул мою голову в сторону. А сейчас он этого не сделал. Позволил мне смотреть, а смотреть было не на что.

Нет Большого Злого Волка.

Нет дома.

Ничего нет, кроме леса рядом с домом Каллума. Я повернулась у него в руках, чтобы взглянуть ему в лицо, и он уронил меня. Я сильно ударилась о землю, и Сора, все еще в человеческом обличье, бросилась ко мне. Она была слишком быстрой. Я была слишком медленной.

*Брин!*

Нет. Только не снова. Нет... нет... нет... нет...

*Брин!* Это не Каллум у меня в голове. Это не Стая. Это Чейз, и в тот момент, когда я поняла это, мир закрутился вокруг своей оси, и я снова была на поляне, стояла, скорчившись, на коленях и нюхала грязную землю.

— Чейз!

Я громко произнесла его имя, и он, в волчьем обличье, тыкался в меня носом и совал голову мне под мышку.

*Чейз.*

Он ударил меня носом в грудь, и я шлепнулась на попу.

— Придурок, — сказала я.

Он засмеялся, как мог смеяться волк, конечно. Потом, без всякого предупреждения, он вдруг стал человеком и обнял меня. Долго терся своей щекой о мою. Нюхал мои волосы.

На этот раз я толкнула его, и он упал на спину.

— Идиотка, — сказал он.

Я улыбнулась:

— Это на самом деле ты? Ведь правда? Это не просто сон?

Чейз фыркнул:

— Я не спал. — На какое-то мгновение его голос стал как у человека, а потом его глаза начали желтеть, и за один удар моего сердца диаметр его зрачков увеличился вдвое. — Я был нужен тебе, — сказал он, и что-то глухо завибрировало в его голосе. — Я чувствовал тебя. *Защищать!*

Последнее слово произнес уже не человек. Оно звучало совсем не по-человечески. Чейз предъявил права на меня ровно настолько, насколько я обратила в его сторону мою связь со Стаей, и то, что скреблось на периферии моего сознания, когда я бодрствовала, сейчас было абсолютно ясным и всеобъемлющим.

Чейз хотел защищать меня.

Он должен был защищать меня.

Его волк рвался наружу, он снова хотел почуять меня. Сделать так, чтобы мне было хорошо.

— Это был просто ночной кошмар, — сказала я, и мой голос прозвучал очень тихо. — Никакого вмешательства. Никакого Бешеного в моем сознании. Никакого Каллума. Только я.

Я еще не сказала, что мой мозг не был самым безопасным местом, в котором можно было находиться в эти дни. Не сказав ни слова, Чейз поднял обе руки вверх и нежно провел ими по ссадинам на моем лице.

— Испугалась, — сказал он.

Мне легче было признать это здесь. Я кивнула.

— Я в ярости, — сказал он, и волк прокрался в его голос.

Я снова кивнула.

— Печально.

Волк внутри Чейза прекрасно понимал простые вещи, которые человек вряд ли смог бы распознать в односложных предложениях.

Эмоции очень сложны для людей. Они сложны и для меня. Но не для Чейза, бесхитростного, беспощадного и готового к перемене.

Я была испугана, рассержена, грустна, и я ничего не могла с этим поделать.

Чейз склонил голову на плечо, и на какое-то мгновение я подумала, что он изменится снова. Но вместо этого его тело внезапно застыло в каком-то яростном движении, как будто что-то — или кто-то? — потянуло его назад. Чейз упал на колени, потом на живот, и, едва я бросилась к нему, незнакомый запах наполнил воздух.

*Паленый волос и мужской одеколон.*

*Бешеный.* Я рывком подняла Чейза, поставила на колени и положила руки ему на плечи — так, как сделал Лэнс, когда Бешеный заполнил просыпавшийся разум Чейза.

— Смотри на меня, Чейз. Смотри только на меня.

В какое-то мгновение мне показалось, что на его месте кто-то другой. Его губы скривились в мерзкую улыбку, коварную и жестокую.

*Выходи, выходи, где ты там...*

Нет!

— Смотри на меня, Чейз. *Смотри на меня!*

Я влезла ему в голову, силой воли заставила его посмотреть на себя. Позволила своему сознанию заполнить все уголки его сознания. И я увидела Бешеного.

Он не мог добраться до меня.

Он не мог добраться до Чейза, когда тот бодрствовал.

Каллум должен был воздвигнуть стену. А сейчас это было невозможно. Сейчас этот мальчишка изменился.

Взглянув на Чейза, я получила представление о Бешеном. Я почти видела ту тонкую, как шелковая нить, линию, которая соединяла их. Это было совсем не похоже на стену света, вырывающуюся из моего тела и соединяющую каждую частицу Чейза со мной.

Чейз был *мой*. А Бешеный даже не знал об этом. Он не знал, что тот, кто обидит Чейза *уже мертвец*.

*Тепло. Безопасность. Дом.*

Запах паленого волоса стал исчезать, как только Чейз погрузил свои руки в мои волосы, а я потянулась к его волосам. Я пристально смотрела ему в глаза, и они снова становились голубыми, и в них отражалось то, что видел Чейз, когда Бешеный захватил его.

— Девочка, — громко сказал Чейз.

Девочка. Я мысленно завершила ее образ. Связь между мной и Чейзом работала на

полную мощность. Как будто нас не разделяли сотни миль. Как будто он стоял рядом со мной. Как будто это все было на самом деле.

— Девочка, — повторила за ним я. — Четыре года, может быть, пять. Светлые волосы. Серые глаза. Кровь...

Только на этот раз девочкой была не я. И кровь на ней была совсем не чужая. Это была ее кровь.

*Девочка.*

Имя уже было готово сорваться у Чейза с языка. Оно сидело на кончике языка у меня. Но едва я собралась произнести его, как почувствовала резкий удар в ухо. И потом еще один, по пальцу ноги. А потом...

— Уух! — Я резко села на кровати. Сердце яростно стучало. Горло пересохло. Чейза нигде рядом не было.

— Страшный сон? — спросила Эли.

Не так чтобы очень, но говорить о нем я не собиралась. Поднесла руку к уху. Оно не кровоточило. И палец на ноге тоже. Но Алекс, который был в волчьем образе впервые за не знаю сколько времени, выглядел вполне довольным собой, а Кети лизала мою щеку.

— Который час? — спросила я у Эли.

— Утро. — Она только это и сказала, потом перевела взгляд с меня на другую половину кровати, где распаковывала ползунки близнецов. — Ты спала всю ночь. Мы все вместе спали, включая Грызуна Номер Один и Грызуна Номер Два, вон там которые.

Эли спала. Близнецы тоже спали. И только то, что делала я — по крайней мере, вторую половину ночи, — сном никак назвать было нельзя.

И тем более человеческим сном.

— Как ты себя чувствуешь?

По тону Эли — притворно-легкомысленному — я могла сказать, что она ждала, что я вот-вот подпрыгну и вцеплюсь ей в горло за то, что она о чем-то меня спрашивает.

*Испуганная. Злая. Грустная.* Так я подумала. Но вслух сказала только:

— Немного лучше, наверное.

Эли наморщила лоб и склонила голову набок. Она явно не была готова к проявлениям вежливости с моей стороны.

Через мгновение Эли сощурила глаза.

— Что на самом деле ты и Лейк делали вчера? — спросила она таким тоном, как будто мы ограбили бензоколонку и ударились в бега через всю страну. И все на протяжении нескольких часов.

— Смотрелись в Мексику, махнули по текилке, потом сбежали с парой барыг — у них были проблемы с наркотой — и устроились на временную работу, стриптизерками. Ты понимаешь, ничего особенного. Просто ничего.

Эли фыркнула.

— Я просто на части разрываюсь — не могу придумать себе сценический псевдоним. Назвать себя, например, Леди Лав или Лейн — Волчий Корень. Какие у тебя мысли насчет этого? — продолжала ёрничать я.

Эли швырнула в меня ползунками:

— Чертово отродье.

Если принять во внимание то, что из-за меня эта женщина потеряла мужа и дом, то ее поведение можно было считать довольно легким отношением к действительности.

— Может быть, поговорим об этом? Говорят, помогает, — предложила Эли, все поняв по моему лицу, включая чувство вины, каменной глыбой ворочавшееся у меня в желудке. — Тебе, Брин, все равно придется с кем-нибудь поговорить.

Я снова вспомнила свой сон. Вернулась к Чейзу. Вернулась к кричавшей девочке и ее имени, которое прожигало мне мозг.

— Я уже поговорила кое с кем, — сказала я, твердо решив, что Эли не нужно знать, что тот, с кем я говорила, был мальчишка-подросток, преследуемый психопатом, который убил моих настоящих родителей. — И, знаешь, это очень помогает.

Эли была потрясена. Явно это был не тот ответ, на который она надеялась. И, не дожидаясь, когда она сможет сформулировать ответ, я спрыгнула с кровати и занялась поисками чистой одежды.

— Ты куда собираешься? — спросила Эли.

— Во-первых, я одеваюсь, — ответила я. — А когда закончу, пойду посмотреть, чем занята Лейк. У меня есть к ней дело.

Еще вчера самой лучшей наводкой на Бешеного был Чейз, но сегодня у меня было кое-что посерьезнее. У меня в голове засел образ девочки. У меня было ее имя. И у меня было глубокое подозрение — если члены моей семьи были первыми жертвами Бешеного, а Чейз — одной из последних, то это значило, что, кроме них, был кто-то еще.

Это значило, что когда-то Большой Злой Волк напал на какую-то девочку. И звали ее Мэдисон.

# Глава ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Лейк и я встретились в ресторане. Я заказала сырны палочки, а Лейк — чизбургер с тройным беконом. Завтрак для чемпионов, по полной программе.

— Я так понимаю, у тебя есть план, Пикассо? — спросила Лейк, после того как покончила со своим бургером.

Несколько секунд я игнорировала подругу, накладывая завершающие штрихи на лицо, которое набрасывала на салфетке. С учетом моих способностей и ограничений в используемых материалах сходство было весьма недурным.

— Девочка, — сказала я Лейк. — Бешеный думал о ней прошлой ночью. Я думаю, она одна из его жертв.

Когда Бешеный напал на мою семью, я смогла спастись.

Чейз едва не погиб.

Почему-то мне не казалось, что другим жертвам Бешеного повезло так же. За последнюю тысячу лет только нескольким людям удалось пережить нападение оборотней, чтобы впоследствии стать обрами самим. К тому же Чейз был значительно старше, чем девочка, которую я увидела в его сознании и — через него — в сознании Бешеного. И сильнее.

— О'кей, — радостно заулыбалась Лейк. — Теперь у нас есть лицо на салфетке.

Я почти услышала не произнесенные ею в конце предложения слова *не пора ли нам кого-нибудь застрелить?* Но сказала:

— У нас есть рисунок, и у нас есть имя...

МЭДИСОН, написала я заглавными буквами на салфетке.

— И, — продолжила я, как по писаному, — если она тоже одна из жертв этого парня, ее тело либо было найдено растерзанное дикими зверями, либо он спрятал кости после того, как съел ее.

Кого-либо другого, возможно, и покорило бы от моей прямолинейности, но Лейк просто наvertsела на указательный палец правой руки прядь белокурых волос и кивнула.

— Гугл? — спросила она.

— Ну, если нам больше не с чего начать, — ответила я, — тогда да. У вас тут есть беспроводной Интернет?

Лейк откинулась на спинку стула и ухмыльнулась:

— Ты что, думаешь, мы дикари здесь? Конечно, есть.

Большинство обрвов старшего возраста были невосприимчивы к достижениям современных технологий, но я выросла с Интернетом, так же как и Лейк. Вместе мы, возможно, знали о современных технологиях больше, чем вся старая гвардия Стоун Ривер вместе взятая.

К тому же у нас с собой были ноутбуки.

Было совсем рано, и ресторан стоял пустой. Только что-то терла за барной стойкой Кили, и если зрелище двух тинейджеров, сёрфящих Интернет в ресторане для оборотней, ей казалось несколько странным, вслух она этого не сказала.

— Я просмотрю новостные ленты, — предложила я. — А ты, может быть, найдешь какие-нибудь базы данных по пропавшим людям — на тот случай, если тело нашей девочки



вообще не было найдено.

— Тебе никогда не говорили, что ты слишком любишь командовать? — спросила Лейк.

— Это риторический вопрос? — спросила я в ответ, забивая в поисковую строку слова *Мэдисон, нападение волка, погибла или пропала без вести* и еще *девочка*.

— Нет, — ответила Лейк, лениво двигая пальцами по клавиатуре. — Это не риторический вопрос.

— В таком случае, да, — улыбнулась я. — Мне иногда говорили, что я слишком люблю командовать.

— Я так и думала.

Потом мы замолчали, занявшись поисками. Минут пятнадцать спустя я протянула руку к тарелке с сырными палочками и обнаружила, что она пуста. Я метнула стрелы из глаз в сторону Лейк, но она просто ухмыльнулась.

*Кто не успел, тот опоздал.* Это был закон волчьей жизни.

— Нашла что-нибудь? — спросила Лейк.

Я отрицательно покачала головой:

— Нет. А ты?

— Я проверила две базы данных по пропавшим детям. Ни в одной из них нет Мэдисон, которая была бы похожа на твою, с рисунка. — Лейк помолчала. Обычно она и минуты не могла усидеть на месте, а тут надолго затихла. — Что-то здесь много детей пропадает, — добавила она.

Расстроенная тем, что мой план не принес даже намеков на результат, я прекратила серфить новостные ленты и начала поиск по лицам. Поскольку в базе данных по пропавшим детям нашей девочки не нашлось, я решила попробовать новую словесную комбинацию.

*Мэдисон, светлой памяти.*

Пара кликов — и поисковик выдал сотни образов на странице, и спустя четырнадцать с половиной страниц и час времени я увидела ее. С трясущимися руками я щелкнула по картинке и перешла по сноске.

*Мэдисон Кави, шесть лет.*

У нее были светло-русые волосы, заплетенные в косички. Глаза были голубые, а не серые, как в моем сне, но сходство было несомненным. Для нашей Мэдисон кто-то в онлайне создал виртуальную гробницу. Десять лет назад.

— Нашла что-нибудь? — спросила Лейк.

Я не ответила сразу. Занялась в уме математическими вычислениями. Если бы Мэдисон сейчас была жива, она была бы старше меня на год.

— Я так понимаю, что нашла.

Лейк подлетела ко мне и наклонилась над компьютером так, что наши лбы соприкоснулись. Мы вместе начали просматривать страницу. Это была совсем не та информация, которую я надеялась найти. Никаких полицейских рапортов. Никакого описания тела жертвы после нападения. Просто фотография девочки и информация о ее предпочтениях: любимые цвета (оранжевый и синий), любимая еда (макароны с сыром), любимое занятие (щелкать пузырьками на пленке).

*Мы скучаем по тебе, Мэдди.*

Я закрыла глаза, чтобы увидеть Чейза — и увидеть эту девочку глазами Бешеного.

— Он убил ее.

Я попыталась оторваться от девчоночьего лица и не задавать себе вопросов, пряталась ли Мэдисон под кухонной раковиной, когда Бешеный нашел ее, и утащил ли он ее тело в лес, чтобы как следует попировать.

— Она жила в Неваде. Это не Каллума территория.

— Это территория Оделла. Стая Ночной Пустыни. Их волки пахнут песчаником и рыбой.

Не самая приятная из возможных комбинаций, да и вообще все как-то несуразно, но так всегда было с чужими стаями. Никто из них приятно не пах. Да никто и не ждал этого. Они были чужаками. Они были угрозой. Для них волки из нашей стаи, вполне возможно, пахли не лучше.

— Похоже, что Бешеный интересуется всеми, — сказала я. — На меня напали в Колорадо. Чейз из...

Откуда был Чейз?

*Канзас.*

Этого ответа для меня было достаточно, чтобы крепко зажмурить глаза и продержать закрытыми дольше чем обычно.

Где-то в Арк Вэлли пришел в себя Чейз.

— Чейз из Канзаса, — сказала я. — Самая граница территории Каллума.

— Ты и Мэдисон — вы обе были маленькими девочками. Твои родители, совершенно очевидно, были взрослыми. Чейз — подросток. И где здесь паттерн?<sup>[32]</sup>

В жизни нет ничего страшнее, чем оборотень, который смотрит «Закон и Порядок».<sup>[33]</sup>

— Разные штаты, разные территории. Нет никакого паттерна, если только...

Предложения я не закончила, да и не могла. Лейк опередила меня:

— Если только убийств не было еще больше.

Не только Чейз, Мэдисон и я. А что, если были и другие жертвы? Если Бешеный охотился на разных территориях и никогда нигде подолгу не оставался, он мог совершать страшные преступления многие годы. Но только как это возможно? У обров по-другому устроены мозги.

У волков есть своя территория. Даже у одиноких волков.

Даже у Бешеных.

Они не мотаются просто так из штата в штат, чтобы незаметно поохотиться на людей.

Мои пальцы снова вернулись к клавиатуре, и я открыла новое окно. Может быть, мне удастся найти что-нибудь новое, полицейский рапорт, например.

Наступило время ланча. Я съела еще порцию сырных палочек. Лейк — еще один чизбургер с тройным беконом. Кили не произнесла ни слова. Мало-помалу ресторан начал заполняться. Людьюми в основном. Периферийными обрами из Стаи Снейк Бенд. И еще одного обра я узнала — он был из Стаи Каллума.

К началу вечера нами был разработан план действий. За последние десять лет волками были убиты сотни людей. Небольшой процент их — все дети практически — подверглись нападению в больших и малых городах, в которых популяций волков не имелось. Многие жертвы были убиты на месте. Других, подобно Мэдисон Кави, утащили в лес, оставив на всем пути следы крови, и от несчастных оставались только недоеденные останки, но которым и пытались идентифицировать их тела.

И потом, были еще тысячи пропавших детей, о которых вообще ничего не было известно. Сегодня ребенок есть, а завтра — нет. Очень возможно, что некоторые из этих бедных малышей тоже стали жертвами Бешеного.

Одно можно было сказать точно: Чейз и я от них отличались. Чейз был самым старшим из детей. В возрасте четырех лет я была самой маленькой, а мои родители были единственными взрослыми. В какой-то момент Лейк раздобыла где-то карту и ручку. Мы разложили карту на столе и стали отмечать каждый случай нападения, который подходил по паттерну нашему Бешеному.

Возможно, мы занимались глупостями, ведь две девочки, имеющие подключение к Интернету и кучу свободного времени, не могут выследить серийного убийцу, даже если знают, что искать, и знают это лучше, чем любое полицейское управление.

А может быть, мы были на правильном пути.

Я представления не имела, что мне со всем этим делать. Я подолгу вглядывалась в карту. Мы отметили убийства во всех регионах, но больше всего их было на территории Каллума и на двух других прилегающих к ней территориях, принадлежавших Оделлу и Шею. Метки зигзагом расходились из какой-то невидимой центральной точки, и я ругала себя за то, что в этом году в школе не изучала геометрию вместо алгебры.

*Скажи мне, где ты находишься*, произнесла я беззвучно.

Ответа не было. Да я, по правде, его и не ждала.

— Девчонки, вы не проголодались? — спросила Кили, останавливаясь около нашего столика. Она делала это каждый час, чтобы проверить, чем мы заняты.

Я кивнула. Лейк что-то проворчала.

— Как обычно? — хрипло спросила Кили.

Я покачала головой.

— Пирог? — спросила я Лейк.

Она кивнула:

— Пирог.

Через пять минут перед нами стояло блюдо с пирогом, но на этот раз Кили не исчезла сразу после его доставки.

— Мне следует знать, что вы тут затеваете? — спросила она.

— Нет.

— Наверное, нет.

Кили уперлась рукой в бедро:

— Это связано с Бешеным?

— Угу.

— Да, конечно.

Лейк и я замолчали, встретившись глазами друг с другом. Мы не понимали, каким манером Кили удалось вытянуть из нас правдивый ответ. Я, по крайней мере, вообще не собиралась ей что-нибудь рассказывать.

Кили примиряющее подняла руку:

— Знаете что? Я не хочу ничего знать. Лейк, у тебя тут своя компания. Дай мне знать, если тебе нужна будет помощь, чтобы со всем разобраться.

Я все еще размышляла над тем, каким таким непонятным способом Кили удалось вытянуть из нас правду, когда до меня дошли ее слова. Компания? Что за компания?

Тут-то на меня и обрушилась догадка. *Волк. Чужой. Злой.*

Я выпрямилась на стуле, волосы на загривке встали дыбом. Лейк же совсем не изменила позы, сидела себе, как сидела, но я увидела, как дернулась ее рука под столом, и только сейчас заметила, что этим утром она принесла с собой Матильду.

— Ну и чего сразу за ружье хвататься? — спросил ее вчерашний периферийный. Он был высок и коренаст, и я была совершенно уверена, что в волчьем обличье он будет почти таким же громадным, как Девон. — Ведь мы с тобой вроде как хорошо ладили.

Лейк улыбнулась с видом, который свидетельствовал о том, что она готова либо пофлиртовать, либо броситься в бой. Я же, собравшись с духом, приготовилась и к тому и к другому, да и к тому и другому вместе.

— Ты такой мрачный, потому что я тебя в пул<sup>[34]</sup> сделала.

Лейк улыбнулась. Забросила волосы за плечо и движением, слишком быстрым, чтобы я могла его заметить, выхватила дробовик и направила его чужому волку прямо в нос.

— Кажется, ты говорила, что друзей иметь выгодно, — напомнила я подруге.

Лейк даже не моргнула.

— Конечно же выгодно, — согласилась она. — Если бы Том и я не были друзьями, он наверняка попытался бы доказать, что он более сильный волк, чем я. А я бы в качестве контраргумента привела мою пушку.

Том моргнул пару раз и засмеялся, но как-то не очень уверенно. Что-то в голосе Лейк заставило периферийного отнестись к ее угрозе серьезно. Он был самец, он был крупнее и, скорее всего, сильнее ее, но у нее было оружие.

Мне очень хотелось надеяться, что у нас не дойдет до разборок на предмет, кто тут самый главный, хотя, оглядываясь назад, рассчитывать на это было бы слишком оптимистичным, и решила не обращать на это внимания.

Словно почуяв мои мысли, чужой волк обернулся ко мне.

— Ты — Брин Каллума, — коротко сказал он.

Я встретила с ним взглядом. И не отвела глаз. Я не думала о Соре. Я не думала о том, что, если бы этот мужчина захотел, он в одну секунду превратил бы меня в лепешку.

— Когда-то была его, — ответила я.

— Эй, приятель! На меня смотреть!

Лейк любила защищать других, но и завидовать она умела. Я не могла утверждать, какое из этих ее качеств заставило чужака снова посмотреть на нее.

Весь вид моей подруги, казалось, говорил — если он хочет бросить вызов, то она примет его.

По правде сказать, я бы на него денег не поставила.

— Вызвали всех вожаков стай, — сказал Том, помолчав. Он не сделал ни одного движения и не отвел взгляда от Лейк. — Явно кое-кто из них по дороге к Каллуму сюда завернет.

Лейк даже не моргнула. Не пошевелилась. Не взвела также курок на ружье, и «друг» принял это за одобрение.

— Думал, ты захочешь узнать, — пробурчал он.

Лейк не ответила, но после длинной паузы опустила ружье, и ее загорелое лицо стало пепельно-бледным.

— Зачем Сенат едет в Арк Вэлли? — Я для чего-то задала этот вопрос, хотя в глубине души подозревала, что ответ лежал перед нами на столе, помеченный крестиками и стрелками.

— Каллум позвал их, — ответил обр, отводя взгляд от Лейк для того, чтобы посмотреть на меня.

Я отбросила «хвост» за плечо. Я знала, как это делать. Если хочешь получить ответ — стой на своем.

— Для чего Каллум созвал их всех? — спросила я.

Обр пожал плечами. Кили воспользовалась этим моментом, чтобы подлить мне кофе, и когда женщина коснулась его плечом, Том снова пожал плечами и заговорил:

— Кто его знает. С этим стариком никогда нельзя сказать наверняка, но, скорее всего, это из-за того, что еще не случилось.

Старик. Даже среди себе подобных Каллум был старше всех. И сильнее — это точно. Но вторая половина этого предложения...

— А зачем созывать совет из-за чего-то, что еще не произошло?

Том снова пожал плечами, как будто у него был навязчивый невроз:

— Потому что он знает, что это произойдет.

И я все равно не врубалась. К счастью, кое у кого это получалось лучше.

— Ты хочешь сказать, что Каллум — ясновидящий? — тихо спросила Кили, и в ее голосе недоверия было чуть меньше, чем почувствовала я, услышав этот вопрос.

Все альфы были соединены со своими стаями. Они смотрели на мир чужими глазами. Они были сильными.

Но ясновидящими они не были.

— Да я ничего не говорю, — сказал обр, как будто не мог понять, как это он умудрился сказать все то, что он уже сказал. — Ну да, без такого преимущества он вряд ли дожил бы до таких лет и не имел бы такой стаи.

Кили поставила мою кофейную чашку на стол и направилась к другим посетителям. Обр замолчал. Его лоб удивленно сморщился, когда он увидел, что творится на нашем столе.

— А вы что здесь, вообще-то, делаете?

Я ждала, что ответит Лейк, но она промолчала. После того как моя подружка услышала новость об альфах, она стала пепельно-серого цвета и до сих пор не пришла в себя.

— Да мы тут планы строим, как власть над миром захватить, — усмехнулась я, пытаюсь отвлечь внимание обра от Лейк. — Мне хотелось понять, что произошло, даже мой собственный разум был замутнен этими новыми обстоятельствами, которые никогда не приходили мне в голову. О Каллуме. Об утверждении Эли, будто Каллум заранее знал, к чему приведет моя просьба, еще задолго до того, как он решил выполнить ее. — Это требует гораздо более серьезной подготовки, чем можно себе представить.

Оборотни могли почуять ложь, но с сарказмом дела у них обстояли не очень.

— Я пойду, — произнесла скороговоркой Лейк и мгновенно исчезла вместе со своей «матильдой».

И в тот момент, когда подруга исчезла, я поняла, как близко ко мне стоял этот волк, как ужасно он вонял и как раздражающе действовало его присутствие на мое чувство Стаи.

Я ничем себя не выдала. Просто сидела там, и через несколько секунд он растерянно попятился от стола. Я протянула руку к чашке с кофе, взяла ее и только потом заметила, что рука трясется. Придержала другой рукой чашку, медленно поднесла ее к губам и начала обдумывать то, что только что услышала.

Сюда ехали альфы. Созван Сенат.

Каллум мог быть — или не быть — ясновидящим.

И Лейк нигде не было.

# Глава ДВАДЦАТАЯ

Найти Лейк... Это легче сказать, чем сделать. Я бросила наши вещи в хибаре, где остановилась со своей семьей, а потом решила выяснить, что это были за домишки, видневшиеся на горизонте. Судя по их количеству, Митч был либо выдающимся бизнесменом, либо не знал, что у него в хозяйстве делается. Вполне возможно, что «Странник» был не только рестораном/баром, но и еще чем-то вроде дешевой гостиницы. Или отстойником. [\[35\]](#)

От этого мне не стало яснее, где могла находиться Лейк или почему она смылась, ничего не объяснив. Очень возможно, что я либо что-то упустила в процессе взаимоотношений с волком по имени Том — хотя, как мне кажется, упустить чего-либо я не могла, — либо Лейк была очень расстроена из-за созыва Сената. Или из-за того, что Том сказал по поводу Каллума. Или из-за всего этого вместе.

До тех пор, пока мне не станет ясно, из-за чего или из-за кого Лейк так расстроилась, я не смогу решить, дать ей возможность охотиться самостоятельно или броситься на ее поиски, вытащить ее из беды или вляпаться в неприятности вместе с ней. Заняться поисками Лейк... это могло послужить неким оправданием тому, чтобы не думать о тех бомбах, которые сбросил на нас Том.

Мне никогда не нравилось выслеживать кого бы то ни было, но вполне хватало навыков, чтобы начать поиски с того места, где я потеряла след своей жертвы. Грязная тропа, которая вела к ресторану, была здорово затоптана, и я вряд ли смогла бы обнаружить на ней следы Лейк, если бы остальные клиенты этого замечательного заведения придерживались тройственного завета, начертанного на входной двери: «РУБАХИ НЕТ, БОТИНОК НЕТ – ОБСЛУЖИВАНИЯ НЕТ».

Это, наверное, Кили придумала. Обратни из-за одежды не заморачивались. Как, впрочем, и из-за отсутствия оной.

На покрытой грязью земле отпечатки следов Лейк были едва заметны, и я сделала вывод, что она неслась на полной скорости, едва прикасаясь к земле ногами. В тех местах, где твердую почву сменяла лужайка, покрытая травой, я следовала траектории, по которой Лейк бежала. Я находила на кустах клочья одежды, которые она оставляла, продираясь сквозь них в вихре своего безумного движения вперед.

Я прекрасно понимала, что означала принадлежащая Лейк разодранная майка-алкоголичка, поэтому встала на колени на землю и посмотрела на нее внимательно в поисках подтверждения своей версии.

Отпечатки звериных лап.

— Она переключилась.

Чей-то тихий голос застал меня врасплох. Я так была увлечена процессом выслеживания, что совершенно не заметила, что и за мной кто-то следит.

Митч был достаточно деликатен, чтобы не сообщить мне, как легко это было ему сделать.

— Просто Лейк нужно немного пробежаться. Она сейчас в горы рванет. Она все время так делает, — улыбнулся он. — А где-то с полдороги вернется.

На улице почти стемнело.

— Ты за нее не беспокойся, Брин. Я в жизни не видел девчонки, чтобы так быстро бегала. И уж если говорить об этом, то и волков не встречал, чтобы могли за ней угнаться. К восходу солнца Лейк вернется. Она всегда возвращается.

— А почему она бежит? — спросила я, понижая голос и подстраиваясь к ритмичному говорку Митча.

— Сенатские здесь проходить будут, — заметил Митч, произнеся это так, словно говорил о погоде: *Будет гроза. Она пройдет.*

— А какое отношение заседание Сената имеет к Лейк? — удивилась я.

Митч уставился на меня пристальным, тяжелым взглядом, как будто пытаюсь оценить то, что он там увидел, прежде чем снова заговорить:

— Да я точно не знаю. Подозреваю только, что они будут говорить о Бешеном, про которого вы весь вечер здесь что-то вынюхивали.

Тут-то я и подумала, что свалить от Каллума для меня точно кое-что значило: теперь у меня появится хоть какая-то частная жизнь и еще, может быть, мне в кои-то веки удастся взять верх кое над кем.

— Каллум — ясновидящий? — Вопрос сам собой слетел у меня с языка, прежде чем я собралась его задать.

— Ясновидящий? — переспросил Митч, спрятав улыбку, отчего я почувствовала себя моложе, чем была на самом деле. — В наших краях, Брин, мы и слова-то такого не слышали.

Кое в чем все мы были ясновидящими. Чувство Стаи соединяло волков из Стоун Ривер друг с другом, с их женами и со мной. С членами своей Стаи я могла разговаривать, не раскрывая рта, а две последних ночи Чейз и я вообще снами обменивались. И вытянули образ девочки из сознания Бешеного.

— Каллум знает, что должно произойти, до того, как это происходит на самом деле? — Я облекла свой вопрос в более доступные термины, и тут в моей памяти всплыл вопрос, который Эли задала мне в машине: *Сколько раз в жизни тебе удавалось взять верх над Каллумом, Брин? И вообще кому-нибудь это удавалось?*

— У Каллума хорошо развитые инстинкты, — сказал Митч.

— Такие инстинкты, которые позволяют ему видеть будущее?

Совершенно неожиданно мне захотелось об этом узнать. Как это работает? И что вообще знал Каллум?

И не специально ли он все это сотворил со мной?

— Ну, скажем, есть у него такой дар — заранее знать о том, что произойдет. — Митч пристально посмотрел на меня. — И хватит об этом.

— Дар? — хмыкнула я. — Это вроде как у вас *дар* в волка превращаться?

Митч мой сарказм игнорировал:

— Что-то вроде того.

— Это потому, что он альфа?

— Нет.

— Потому что он — обр?

— Нет. — Митч сунул руки в карманы джинсов. — Это просто дар, Брин. У каких-то людей он есть. У большинства — нет.

Это прозвучало так прозаично, что я даже удивилась, почему мне раньше это не приходило в голову.



— Одни люди — быстрые. Другие — сильные. — Митч ухмыльнулся. — А какие-то люди умеют хорошо с другими людьми разговаривать.

Я узнала эту ухмылку и поняла, что под ней что-то скрывалось. Митч дразнил меня. *Умеют хорошо с другими людьми разговаривать...*

— Кили, — поняла я, и мой ум взорвался.

Лейк и я сказали ей, чем занимаемся, совершенно не собираясь этого делать. Периферийный самец, который предупредил нас о приходе других вожаков стай, не сообщил о потенциальных способностях Каллума до тех пор, пока Кили не подошла ко мне подлить кофе и не коснулась своим плечом его плеча. Тогда-то он нам и выложил по-быстрому все, мы хотели узнать.

Неудивительно, что Митч держал такого бармена — человека, который обладал *даром* вытаскивать тайны из любого, кто заходил к ним на огонек.

*Дар. У каких-то людей он есть. У большинства — нет.*

Где-то вдалеке забрезжил еще один вопрос. Я слегка помедлила, прежде чем задать его, уж очень мне не хотелось выглядеть так же нелепо, как в прошлый раз, когда я назвала Каллума *ясновидящим*.

— А у меня есть дар?

Митч пожал плечами:

— Тебе об этом лучше знать.

Я вспомнила драку с Девонем. Как пряталась под кухонной раковиной. О том, как перебрала свое чувство Стаи на Чейза. О том, как дралась с Бешеным в его голове.

Это было *чем-то*? Или мне просто везло и я была упорной, то есть я была тем, кем мог быть любой человек, помеченный альфой и возвращенный волками?

Но тут Митч протянул руку и похлопал меня по плечу, как будто утешая меня из-за того, что я не имела великого дара:

— Мне кажется, Брин, что ты всегда была уж очень задиристая.

*Задиристая?*

Кто-то мог видеть будущее. Кто-то мог развязать другим людям языки, просто взглянув на них. А я?

А я была *задиристой*.

Вот повезло.

— Вожаки останутся в ресторане, когда будут проходить мимо? — спросила я.

Улыбка на лице Митча застыла.

— Кое-кто остановится.

— А Кили будет... пользоваться своим даром? — Фраза вышла какой-то корявой, но я не знала, как еще можно задать этот вопрос.

Митч понял, о чем я хотела спросить, и отрицательно покачал головой:

— Кили на завтра взяла выходной. Я сам буду работать в ресторане.

У меня было такое чувство, что Митчу очень не хотелось, чтобы альфы узнали о Кили или о том, что она умела делать. Особенно после того, как «Странник» стал приютом для многих периферийных.

— А Лейк? — спросила я.

Я так и не поняла до сих пор, почему убежала Лейк.

— Эти альфы Лейк вообще не увидят, Брин. Она так далеко, что они даже почуять ее не смогут.

Было что-то такое в словах Митча, что заставило меня подумать о том, что если бы Лейк сама не была настроена сбежать отсюда куда-нибудь подальше, то ее отец наверняка бы позаботился о том, чтобы она это сделала.

Принимая во внимание мои собственные — довольно смешанные — чувства в отношении Сената, должна признаться, что порыв Митча мне был понятен. Не была понятна только суровость, мелькнувшая в его глазах.

— Почему?

Митч вздохнул, и я уже начала опасаться, как бы он не сказал мне, что я задаю слишком много вопросов. Наконец он посмотрел вниз и затем, как будто ботинки подсказали ему ответ, снова повернулся ко мне:

— Некоторые обры, особенно доминантные, уж очень нагло себя ведут с самками. А Лейк уже больше не ребенок.

В нашей стае было три самки. Сора, которая жила с Лэнсом. Кети, которая была еще ребенок. И Лейк.

— Обычно это не так уж и плохо, но только не тогда, когда целая толпа самцов и среди них только одна самка, — продолжил Митч.

Но вообще-то в нашем мире так было всегда. Большинство обров брали себе в спутницы женщин из людей. Тот, которому достанется Лейк, не будет беспокоиться о том, что она умрет во время родов. Если она выйдет замуж за оборотня, ее дети будут чистокровными обрами.

— Ей сейчас пятнадцать, — сказала я.

Митч кивнул:

— Пятнадцать.

Он больше ничего не сказал, и я почувствовала непреодолимое желание сменить тему разговора и неспособность это сделать.

После долгого мучительного молчания Митч снова похлопал меня по плечу и подтолкнул к ресторану:

— Уже почти стемнело. Насколько я знаю Эли, она уже волнуется.

Да и Митч, наверное, волнуется, ожидая возвращения Лейк.

— Давай, — сказал он. — Заходи.

В последний раз взглянув на лес и разорванную в клочья одежду Лейк, я сделала то, о чем меня просили, и вошла внутрь.

Когда я вернулась домой, Эли не стала меня изводить на предмет того, что я делала целый день, поскольку все ее претензии я упредила, бросив свой вопрос ей в лицо.

— Ты знала, что Каллум видит будущее?

Эли открыла рот, потом снова его закрыла.

— Митч? — промолвила она наконец, и ее рот сложился в плотно сжатую, прямую линию, по которой я поняла, что ему за это здорово достанется.

— Периферийный, из чужой стаи, — сказала я, прикинув, что спасла Митча от серьезной разборки.

Эли кивнула и, помолчав несколько секунд, заговорила:

— Я всегда это знала. Каллум сказал мне об этом в тот самый день, когда я решила присоединиться к стае.

— До того или после того, как ты решила присоединиться? — спросила я.

Эли не ответила, и я поняла, что здесь что-то крылось. Каллум сказал Эли, что может

видеть будущее, до того, как она приняла решение стать членом Стаи. Единственной причиной, по которой он решился раскрыть свои карты, было то, что он увидел в будущем что-то, что сыграло ключевую роль в решении Эли остаться.

— Что он увидел? — спросила я ее.

Эли покачала головой:

— Не важно. Я все изменила. Этого не случилось.

— Эли?

Но она не отреагировала, и выяснение отношений я оставила на потом. Прямо сейчас у меня имелись к ней другие вопросы.

— Об этом знали все, кроме меня? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал не слишком раздраженно.

Эли заслуживала снисхождения. За последние несколько месяцев я так отравила ей жизнь — чего она конечно же не заслуживала, — что ее можно было простить за то, что она хранила тайну.

Ну, а с остальной стаей — это уже была другая история.

— Большинство старых волков это знают, — сказала Эли. — Из жен не знает никто. Девон не знает.

Она достаточно хорошо меня знала, чтобы понять, что Дев был для меня главнее всех.

— Я так понимаю, Лейк тоже сейчас это знает? — продолжила Эли.

— Может быть.

Сомневаюсь, что Лейк слышала эту часть признаний Тома. В тот самый момент, как он только обмолвился о том, что чужие альфы будут заходить в ресторан, она свалила, бледная и тихая.

— Сенат собирается, — сказала я.

— Сенат, — усмехнулась Эли почти бессознательно. — Никакой у оборотней нет демократии.

Она была права. Этот съезд будет напоминать ринг, на который выбросили толпу самых лучших гладиаторов и приказали им решить свои проблемы за чашкой чая. Демократия хороша в теории, но как только Сенат собирался, каждый раз казалось, что это будет последняя встреча вожаков.

Заседание Сената закончится вполне предсказуемо: только один альфа решит, что он стоит над всем. Или под всем. Как вам больше нравится. Один доминантный волк захочет понять, сможет ли он навязать свою волю другим и поглотить их территории, увеличить численность своей Стаи и ее мощь, забирая энергию новых членов.

Силой забирая.

— Лейк убежала, — сказала я, думая об одних и тех же людях и о том, как одна мысль о них заставила ее побежать. Не потому, что она хотела пуститься в бегство, а по той же самой причине, по которой я заставила себя мчаться с ней наперегонки к пристани. Чтобы доказать, что я быстрее, сильнее, круче, чем кто-то думает.

— Убежала? — Эли была поражена. — Куда убежала? Митч знает?

Я кивнула:

— Она переключилась и свалила в горы.

Нетрудно было представить Лейк бегущей. Она была волчица светлая, с медовым отливом. Такого цвета нельзя увидеть в природе. И еще она была свирепой. Если бы я очень захотела, то, наверное, могла бы достать ее через свою связь со Стаей, но я хорошо

понимала, когда нужно оставить подружку в покое.

Когда Лейк будет готова поговорить об этом, она вернется.

— Сенат, — сказала Эли, и на этот раз ее голос звучал глуше. Он был не таким саркастическим, и страдания в нем было больше. — Кое-кому из них придется пройти через это место, чтобы добраться до Каллума. Я так понимаю, это Каллум созвал их?

Каллум, сказать по правде, был единственным из всех вожаков Стай, кто созывал Сенат. Другие, вполне собой довольные, жили, как цари, на своих территориях. Именно Каллум объявил, что все они являются членами Сената. Вся эта демократия была его идеей. Если принять во внимание то, что я узнала о его так называемом даре, мне следовало озаботиться вопросом: не крылось ли за этим какой-либо серьезной причины?

Каллум ничего не делал просто так.

— Лейк не хочет встречаться ни с кем из тех, кто соберется на заседание Сената, — сказала я, стараясь совсем не думать о Каллуме, разве только это будет необходимо. — Митч утверждает, что оборотни-самцы могут странно себя вести по отношению к самкам.

Молчание Эли меня не удивило. Она об этом знала. Да и мне, наверное, стоило об этом догадаться. Чем старше мы становились, тем реже Лейк приезжала в Арк, и промежутки между ее приездами становились все длиннее и длиннее.

— К Лейк никто не посмеет прикоснуться без позволения Каллума, — сказала Эли. — Если только они совсем ума не лишились.

Меня слова Эли совсем не успокоили. Тревожила также мысль о том, что кто-нибудь из других вожаков может действительно оказаться не вполне нормальным, хотя бы в отношении того, что касалось самок.

— Каллум никому не позволит обидеть Лейк. — Я была в этом уверена.

Эли попыталась скрыть скептический взгляд, но я его все равно заметила и сообразила, что она пыталась быть со мной деликатной и представить ситуацию так, чтобы как можно меньше меня огорчить. Даже если у нее самой не было никакого желания это *понять*.

— Иногда для будущего, которое Каллуму нужно, нужны подробности.

Подробности. Вроде *меня*.

— Я пойду, — сказала я. — К себе в комнату. День был трудный.

Эли кивнула.

— Я люблю тебя, детка, — улыбнулась она.

— Я тебя тоже люблю.

К тому моменту, как я дошла до своей комнаты, я поняла, что мне нужно срочно чем-то заняться. Отчасти для того, чтобы прекратить думать о Каллуме, а отчасти для того, чтобы не начать думать о том, что это *не моя* комната.

Мне попала на глаза карта. Я расстелила ее на кровати и встала перед ней на колени. В этих убийствах должен просматриваться какой-то паттерн. Была бы у меня линейка, я бы измерила расстояние между местами, где произошли убийства. Я же вместо этого стала соединять нанесенные ранее точки — места происшествий — линией, поведя ее от места первого нападения — там, где убили моих родителей, — к следующему и так далее в хронологическом порядке. Остановилась, когда дошла до Чейза. И все равно ответов не было.

Нападений было больше на Западе и Среднем Западе, чем на Востоке. Больше на Севере, чем на Юге. Оставалась еще почти четверть страны. Вся эта территория была разделена между альфами, ни один из которых не позволил бы волку-одиночке, тем более

Бешенному, находиться на своей земле.

А что, если Бешеный орудовал на приграничных землях? Той же самой ручкой я обвела границы территорий. Каллуму принадлежали Канзас, Колорадо, Вайоминг, Монтана, Небраска и обе Дакоты. Калифорния, Невада, Орегон, Айдахо и Юта были частью территории Стаи Дезерт Найт. Стая Снейк Бенд владела землями от Арканзаса до Висконсина, заворачиваясь петлей вниз, к Иллинойсу.

Закончив обводить территорию Шея, я помедлила, еще пристальнее всматриваясь в карту. Это была такая карта, на которой были нанесены: реки, горы, ну, все такое. У меня в голове промелькнула мысль о Лейк, бегущей к какому-то месту, которого она никак не могла достичь, но потом я заставила себя сосредоточиться.

Каллум находился в Америке дольше, чем Колорадо был штатом. Я вцепилась в свою память, вытаскивая из нее соломинки. Где-то в ней, в «уроках выживания», хранилась история Стаи.

Реки. Горы. Озера.

Вот оно. Когда-то, давным-давно, границы территорий не совпадали с границами штатов. Их проводили по рекам или горам.

И вдруг я вспомнила, что Каллум рассказывал мне о границах нашей территории. Да и всех других тоже.

Я заставила себя закрыть глаза. Вызвала в памяти Каллума, не обращая внимания на острую боль в горле. Эта фраза, если бы я могла вспомнить эту фразу...

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

*Ничейная Земля!*

Вкус победы был сладок, послевкусие горчило. Мне не могло быть больше шести-семи лет, когда Каллум рассказал мне об этом. Существовали места, где границы территорий обрыв не совпадали с границами штатов. Крошечный кусочек штата мог быть отрезан от территории обрывом реки или горной цепью. Вряд ли стоило за него драться, но драка — это именно то, чем занимались обрывы во время территориальных разногласий. Однако в некоторых случаях альфы заключали между собой джентльменское соглашение не трогать такие земли. Ответ лежал на поверхности, и будь я хоть немного старше во время каллумовских кратких наставлений, я бы выругала себя за то, что это не пришло мне в голову раньше. Улыбнувшись, я взяла ручку и обвела на карте кружками крохотные кусочки земли, застрявшие между границами. Я благодарила небо за то, что смогла вспомнить, и Каллума, который рассказал мне об этом, в первую очередь.

Хотя теперь мне это казалось очень странным — учить всем этим премудростям, когда хотелось всего лишь немного приврать и не быть съеденным.

Я села прямо и осмотрела свою работу. Конечно, это был еще не ответ. Существовало пять подходящих кусков земли, находившихся в непосредственной близости с тем местом, из которого Бешеный наносил свои удары. Они были такими маленькими, что на карте их никакими названиями не отметили. И сейчас мне было просто определить место, которое Бешеный использовал в качестве своей опорной базы.

Странное чувство теплым комком прокатилось по моим внутренностям. Оно не очень отличалось от того, что я ощущала в ту ночь, когда бежала со Стаей. Или от вспышки решимости, когда я поняла, что мне нужно прикоснуться к Чейзу, даже если это и будет нарушением всех правил.

Я была хищником, выслеживающим добычу. Я охотилась — точно так же, как обрывы

охотились на мелкую дичь.

— Мне *не стоит* охотиться за этим Бешеным. — Я произнесла эти слова вслух, пытаюсь убедить себя в том, что это было правдой.

Даже если бы я знала, где он скрывается, убить его — это была работа не для меня. К тому же я не была к этому необходимым образом подготовлена, в отличие от Каллума и остальных вожаков стай, а ведь именно из-за этого они собирались на встречу.

В последний раз, когда я вляпалась, куда не следовало, все закончилось очень плохо. Я подумала об Эли, сидевшей в соседней комнате, подумала обо всем, что ей пришлось бросить из-за меня. Если меня убьют, она будет в отчаянии, а близнецам нужна здоровая мать.

Я должна была ждать и позволить членам Сената заняться этим. Если они знали то, что знала я — что этот Бешеный охотился на их землях, — они точно захотят разобраться с ним, не хуже, чем я. Любой оборотень, у которого была хоть капля здравого смысла, знал, что бросать вызов альфе на его земле — это верный способ *отправиться на тот свет*.

Я снова взглянула на карту и снова вспомнила те слова, которыми поклялась Лейк: *Если Каллум не собирается убивать Бешеного, я убью его*.

До тех пор, пока этого не произойдет мне нужно было отступить, даже если какая-то часть моего «я» — та, которая выросла в Стае, — считала, что отказываться от охоты было делом неправильным. Не надо вставать между волком и его добычей, и я заставила себя это сделать. Складывая карту, я размышляла, стоило ли мне поделиться с кем-нибудь тем, что я узнала? Я не знала, был ли в этом хоть какой-то смысл. Я не представляла, знали ли об этом Каллум и другие альфы, а может быть, они знали об этом больше моего. И если больше, то насколько?

Обессиленная, но понимая, что заснуть все равно не удастся, я откинулась на кровать. Дыхание замедлилось, но глаза не закрывались. Я стала чистить свое сознание, пока запах Чейза не заполнил ноздри.

Не будь мои глаза раскрыты, я могла бы поклясться, что Чейз был здесь, в этой комнате, вместе со мной. Но его здесь не было. Нас разделяли пять сотен миль, но мы все равно были соединены. Это не было столь всепоглощающим, как в первые минуты после того, как я установила между нами связь, но сейчас она имелась, и я, уставившись на потолок, понимала, что где-то в это самое мгновение Чейз тоже смотрит на звездное небо.

Я делала вдох.

И он делал вдох.

И пока мы бодрствовали, не существовало Бешеного, охотящегося за его мыслями, и воспоминаний, которые мучили меня. Были просто Чейз и я, и еще поразительно комфортное молчание двух людей, у которых было такое чувство, как будто они знали друг друга значительно дольше, чем это было на самом деле.

Я смотрела на мир глазами Чейза. Он — моими. И в первый раз с тех пор, как мы сюда приехали, я наконец почувствовала себя дома.

В конце концов я заснула, и — по иронии судьбы — Чейза не было в моих снах, а меня — в его. На самом деле сон мой был без сновидений, спокойный — до тех пор, пока меня не разбудил звук чего-то тяжелого, упавшего на пол спальни.

*Четырехлапый. Волк.*

Этого хватило, чтобы я в одно мгновение выпрыгнула из кровати. Поскольку я спала

одетая, кинжалы были на месте — в ножнах, привязанных к моим икрам. И серебряные клинки оказались у меня в руках еще до того, как мои глаза привыкли к темноте. Двигаясь наугад, я прижалась спиной к стене и начала сканировать пространство в поисках угрозы. И в тот момент, когда я ее обнаружила, оказавшийся ею волк шлепнулся на пол и перетек в человеческую форму.

Лейк! Измученная и голая. Насчет первой проблемы я вряд ли могла чем-нибудь ей помочь, а что касается второй, то я, прикрыв глаза, стала на ощупь рыться в своем чемодане, пока не нашла чего-то подходящего для нее. Брюки от тренировочного костюма были ей малы, да и майка сидела слишком в обтяжку, но она не жаловалась.

Да и вообще ничего не говорила.

— Хорошо пробежалась? — спросила я ее.

Я бы, конечно, могла спросить, все ли с ней в порядке, если бы на сто процентов не была уверена в том, что она ответит «нет». Так что и смысла никакого не было заставлять ее говорить это.

— Я устала, — сказала Лейк. — Не будешь возражать, если я на ночь здесь останусь?

Я сомневалась, что она устала настолько, чтобы не пройти еще двадцати метров до своего дома, но отказывать ей не собиралась. Лейк был нужен друг, ей нужна была Стая. И сейчас я была единственным существом в мире, которое могло сойти для нее и за то, и за другое.

— Мой дом — твой дом, — улыбнулась я. — В буквальном смысле. Я совершенно уверена, что он принадлежит твоему отцу.

Лейк попыталась изобразить ухмылку.

— А я, значит, твой лендлорд?<sup>[36]</sup>

— Вряд ли. — Я сунула кинжалы в ножны и села на кровать.

— Подвинься, — попросила Лейк.

Я повиновалась. Одно из моих «я» хотело подождать, когда подруга сама что-нибудь скажет, но, принимая во внимание ее внезапное появление и желание узнать о ситуации с Каллумом, я решила, что могу оказать ей подобную услугу.

— Ну что... Альфы по пути к Каллуму завернут сюда, и тот периферийный думает, что тебе стоит об этом знать. Потому что они могут решить, что за тебя стоит подраться.

Лейк с силой выдохнула.

— Пусть только попробуют что-нибудь сделать. Всех поубиваю, — зло прошипела она.

— Тот еще отстой, — прокомментировала я.

Лейк хмыкнула.

— Не хочешь говорить об этом? — спросила я.

Лейк покачала головой:

— Извини, что тебе на голову свалилась. Как-то тоскливо стало. Когда мы маленькими были, я все время в комнату Грифа забиралась. Он просто с ума от этого сходил.

Столь редкое воспоминание о брате-близнеце удивило меня. Кто угодно, имеющий способность к рассуждениям, просто взглянув на Лейк, мог сказать, что у нее был брат. Потому что, в сущности, самки обров всегда имели братьев-близнецов. У Соры в нашей стае был брат-близнец по имени Зейд. У Кети был Алекс. А у Лейк брат умер.

Я начала рыться в памяти, пытаюсь вспомнить, когда Лейк последний раз вспоминала Гриффина, но решила, что лучше будет не касаться этой темы.

— Я не против хорошей компании, — сказала я вместо этого. — Я понимаю. Ты

бежишь, чтобы остаться одной. А когда у тебя это заканчивается...

*Тебе совсем не хочется оставаться в одиночестве.*

Я не произнесла эти слова вслух, просто толкнула их к Лейк, не зная, услышит ли их она, потому что я, прежде всего, была Чейза и только потом — Стоун Ривер.

— Выяснила еще что-нибудь про Бешеного? — спросила Лейк.

— Может быть, — сказала я. — Есть несколько мест, которые на самом деле не принадлежат ни одному альфе. В одном из них Бешеный может прятаться.

— Думаешь, Сенат знает о том, где он находится? — спросила Лейк.

Я не ответила. Если они не знали, то скоро узнают. В этой стране не найдется ни одного места, где хоть кто-нибудь мог спрятаться от дюжины альф, после того как они возьмут его след.

*Паленый волос и мужской одеколон.*

— Нам нужно узнать то, что известно Сенату, — сказала я. — Нам нужно услышать, что альфы скажут на встрече.

Даже в темноте я смогла увидеть, как у Лейк язвительно расширились глаза.

— Да что ты говоришь? — хмыкнула она. — Как будто я об этом никогда не думала!

Я скрестила руки на груди:

— Будешь так себя вести — ни за что не расскажу тебе о моем плане, как это можно будет подслушать.

— Все, больше никакого сарказма. Честное скаутское.

Я усмехнулась. Сама идея — Лейк и девочки-скауты — это было что-то. Она за одну неделю заработала все их значки и нашивки и единолично умудрилась полностью разрушить их репутацию.

— Брин, — начала клянчить Лейк, и ее голос стал похож на скулеж пса, просящего пустить его в дом.

Поскольку душа у меня широкая, я сдалась и рассказала подруге о том, как все это можно будет повернуть. О том, что я обнаружила сегодня вечером.

— Чейз!

Нам обоим не нужно спать, чтобы попасть в сознание друг друга. Нужно просто вести себя очень тихо. Если Чейз сможет достаточно близко подобраться к альфам, чтобы подслушать их разговор, то я тоже могу подслушать их.

Два дня. Один — на то, чтобы альфы добрались до Арк Вэлли. Еще один — на встречу. Всего два дня, и у меня будут ответы на все вопросы. Посматривая искоса на Лейк, я думала о том, что она сказала и чего не сказала сегодняшней ночью. И решила, что все это время нам обоим лучше сидеть у меня дома и не высовываться. Спокойнее будет.



После двадцати четырех часов сиденья взаперти Лейк стала такой дерганой, что я начала опасаться, как бы она не взорвалась или, что более вероятно, не взорвалась, оставив за собой множество жертв. Поскольку у меня не было особого желания разлететься на маленькие кусочки Брин, я с облегчением вздохнула — так же, как и Лейк, — когда Митч объявил нам, что берег чист. К моему большому сожалению, я, в отличие от Лейк, не могла сломя голову помчаться по лесу, празднуя это событие. И не могла последовать за ней в ресторан и начать помогать обслуживать посетителей.

Меня ждала более крупная дичь.

Если берег чист — и, соответственно, «Странник», — значит, альфы прибыли в Арк Вэлли. А это значило, что настало время начать раскручивать «Операцию Прослушка». Будучи старым профи, я в очередной раз притворилась, что меня сразил приступ желудочного гриппа, и уговорила Эли позволить мне целый день не вставать с постели. Секретом достигнутого успеха, как оказалось, была овсянка — даже *я сама* чуть не подумала, что меня тошнит по-настоящему, когда срыгнула в унитаз три четверти миски теплой овсяной каши.

Постонав немного с измученным видом, я умудрилась убедить Эли в том, что волноваться не стоит и все, что мне нужно, это одиночество и спокойный сон, чтобы излечиться от гриппа. Итак, мусорное ведро рядом с кроватью, улика — овсяные хлопья спрятаны от любопытных глаз, и я купила себе билет в страну сновидений. Или, если выразиться точнее, к Чейзу.

Я сказала себе, что это будет очень просто, что я просто проскользну в его сознание — так, как я делала бесчисленное множество раз. Я делала это даже тогда, когда была без сознания, совершенно не отдавая себе в этом отчета. Мы проделывали это в наших снах постоянно. Но даже тогда, когда я пыталась убедить себя, что это совсем не трудно, предательская часть моего мозга нашептывала мне, что в ту самую секунду, когда я хоть на полсотни метров приближусь к этому сборищу, Каллум немедленно узнает об этом. И не потому, что он обладает таким даром, и не потому, что он альфа, а потому, что одним из условий нашего договора было не совать нос куда не надо. Задолго до того, как у меня появилась причина захотеть присутствовать на этом собрании, Каллум запретил мне это делать. И точно так же он мог не позволить мне прийти туда. Он должен был знать о моих намерениях.

Я лежала на спине, уставившись в потолок, и размышляла, имеется ли в Законах Стаи запрет на привлечение к ответственности дважды за одно и то же преступление. Договор я уже нарушила. Что еще обры могут со мной сделать?

— Дышим глубоко, — бормотала я, страстно желая, чтобы сердце прекратило молотить изнутри в мою грудную клетку. — С тобой все будет в порядке.

Что они сделают с Чейзом, если поймают нас? И что сделают со мной?

В какой-то момент я подумала, не бросить ли мне эту затею, но вдруг, словно неоновый знак, у меня в сознании вспыхнул образ маленькой девочки с косичками. *Мэдисон!*

Теперь это касалось не только меня и не только Чейза, который никак не мог забыть, как Бешеный крался за ним по пятам в ночи.

Нападения нужно прекратить. И альфы должны этим заняться. Как только я услышу эти слова из их уст, вечный рев в моей голове — *Убей Бешеного, спаси их, дерись, защищай!* — исчезнет, и я снова смогу стать обычной девочкой и больше не обращать внимание на иерархический принцип организации поведения и взаимодействия между членами стаи.

Может быть, я снова стану Брин.

— Я успокаиваюсь. Я глубоко дышу. Я готова.

Мое тело бунтовало против этих приказов, но я не обращала на это внимания. Я закрыла глаза и позволила себе быть втянутой в мысли Чейза.

Темные волосы. Голубые глаза. Кривая ухмылка.

*Чейз!*

В углу рта у него был небольшой, но заметный шрам. Ему очень нравились запиравшиеся изнутри комнаты, и он ненавидел сидеть в клетке. Он двигался, как расплавленная лава. Он думал, что любит меня, хотя я на пальцах одной руки могла пересчитать, сколько раз мы с ним встречались.

*Чейз!*

Мое тело расслабилось. Биение сердца замедлилось так, что я могла только воображать, что слышу этот тихий, успокаивающий шелест крови в моих венах. Запах Чейза окутал меня, и я, медленно вдыхая и выдыхая его, ощущая его присутствие, позволила его душе ухватиться за край души моей и потянуть, и я отдалась этому движению. И, словно песочный замок под приливной волной, я растворилась и медленно поплыла.

— Они хотят тебя видеть.

Как только мое сознание устроилось в сознании Чейза и мы стали *Чейз — Волк — Брин*, чувства, которые теперь были у нас общими, раскрылись. Сначала, как ему и было положено, пришел запах. И я узнала того, кто говорил с Чейзом, потому что из-под знакомого запаха Стоун Ривер он вонял злостью. Не свежим адреналином, который появляется вместе с приступом ярости, а гниющим разложением обиды.

Маркус.

Если для него сам факт моего удочерения был возмутителен, то желание членов Сената увидеть Чейза, который даже не был рожден обром, наверняка тоже должно было вызвать его недовольство.

*Сенат? Нас? Сейчас?*

Я была абсолютно уверена, что именно для того, чтобы узнать планы членов Сената, я и пришла сюда, но идти на собрание не входило в мои планы. Мы собирались только подслушивать. Мои мысли смешались с мыслями Чейза, мои вопросы — с его вопросами.

Почему Сенат хочет видеть нас?

Где-то в глубине сознания Чейза заворочался и занервничал его волк — он не хотел идти в комнату, полную чужаков. Волков, которые не были Стаей. Людей, которым он не доверял.

*Мы должны идти*, подумала я, хотя сама, подобно волку, не хотела этого делать. Чейз кивнул Маркусу, даже не пытаясь скрыть свою неприязнь к человеку, который всегда ненавидел меня. Если бы я находилась в своем собственном теле, то, наверное, смогла бы сделать пару комментариев, чтобы надавить на больные места оборотня. Но вместо этого я позволила мыслям Чейза вести меня. В волчье логово мы должны были идти вместе. В такие времена мы не могли позволить себе разделять наши силы.

Чейз двинулся вперед, и, едва мы приблизились к дому Каллума, его кулаки сжались. Из глубины его сознания я попыталась подготовить его к тому напору мощи, который ударит в наше тело, как только мы переступим порог дома Каллума. Каждый альфа в этой комнате заключал в себе мощь целой Стаи, и это могло на самом деле уничтожить нас. Эти самцы играли в людей, сидя за столом в гостиной Каллума, но воздух между ними был пропитан примитивными инстинктами, отчего Чейз почти задыхался.

Челюсти должны были клацать. Тела должны быть пригвождены к земле. Головы должны были склоняться, и должна проливаться кровь. И только один человек должен был править всеми.

Это сказал волк — тот, что был у Чейза внутри. Это был единственный вывод, который поддерживался пульсирующим, наэлектризованным, смертельным скрытым смыслом, царившим в этой комнате.

— Я так понимаю, это парень?

Чейз отступил на пару шагов. Волку хотелось выйти наружу. Нам нужно было выбираться оттуда.

*Нет,* сказала я тихо, отыскав свой голос в мыслях Чейза. *Держи голову наклоненной к земле под углом сорок пять градусов, но сам стой прямо. Не уступай и не нарывайся. Стой и не двигайся.*

Сейчас рядом с домом Каллума на расстоянии мили не было ни одного волка. Для них энергия, исходившая из этой комнаты, была непереносимой, поэтому Сенат и не имел дела с простыми членами Стаи. Альфы не трогали волков, которые им не принадлежали. Тогда зачем они позвали Чейза?

— Заходи, — спокойно сказал Каллум.

Чейз мог заупрямиться. Он был мой больше, чем Каллума, но я отбросила сентиментальность: *Сделай шаг вперед. Пусть голова будет немного наклонена, но в пол не смотри. Смотри на Каллума. Рта не раскрывай. Чтобы ты ни делал, не скалься.*

Чем ближе мы подходили к Каллуму, тем явственнее чувствовали других волков, рыскавших рядом с нашими мыслями. Они не напирали, не набрасывались. Но они были там.

— Он не Бешеный.

Какое-то мгновение этот голос звучал так похоже на голос Девона, что я даже засомневалась, не сидит ли где-нибудь рядом чревоушатель. А потом поняла — Шей.

— Он еще не переключился, и это значит, что контроль у него сильнее, чем у остальных юнцов. Впечатляет, Каллум.

Было что-то неуважительное в словах Шея, может быть, тон, которым были сказаны эти слова. Этот тон поведал мне, что Шей помнил, как жил под властью Каллума, и хотел, чтобы все об этом забыли. В своих владениях Шей был царем, а здесь он был молодым, глупым и в подметки не годится Каллуму с его возрастом, опытом и мощью.

*Великолепная сдержанность. Изящество. Просто превосходно.* Это был Каллум.

*Ворчание, рев, недовольство.* Это был Шей.

— Чейз.

Это слово, произнесенное Каллумом, заставило нас посмотреть ему в глаза. И я, внутри Чейза, едва не вздрогнула, как от испуга. Если бы это была только Я, а не МЫ, я бы точно вздрогнула.

Я знала эти глаза. Я знала Каллума. А он знал меня.

*Брин!*

Я почуяла этот призыв. Я хотела ответить, но не стала. Я больше не принадлежала Каллуму. Он не мог приказывать мне, что делать. Я даже не была вполне уверена в том, знал ли он, что я там, или он просто видел меня каждый раз, когда бросал взгляд на Чейза. Он думал обо мне почти все время — так же, как я все время думала о нем.

Но таким вопросам было не место в комнате, заполненной самыми влиятельными волками в Северной Америке. Мы должны были все держать под контролем.

— Каллум! — Это был голос Чейза, его ответ.

Я могла управлять движениями его тела, но управлять его словами я не могла. Я не могла ответить на взгляд Каллума или попытаться понять, что значил этот взгляд.

— Сенат хочет, чтобы ты описал нам Бешеного, его нападение и рассказал о твоём выздоровлении.

Каллум так строил фразу, что его слова не звучали приказом. Его голос был тихим и успокаивающим, но я заметила, как при этих словах засверкали глаза у других вожаков. У них был законный интерес — узнать больше об этом Бешеном и о том, что случилось с Чейзом.

Песчаник и рыба. Кедр и кислое молоко. Морская соль и сера.

Их запахи переполнили обоняние Чейза, и ему стало трудно сосредоточиться на чем-то другом.

*Не заворачивай губу вверх. Не рычи. Не скаль зубы,* сказала я ему.

Он не делал этого, но внутри него — внутри нас — его волк уже проснулся и приготовился к прыжку. Он хотел взять все под свой контроль. Я не позволяла ему сделать это.

*Волки,* возражал он. *Это не Стая. Защищать девочку.*

Если бы из-за моего присутствия Чейз потерпел поражение, я бы никогда не простила себе этого и поэтому направила все свои силы ему на помощь — он должен был оставаться спокойным. Я успокаивала его волка, охраняла его сознание, пока он вел свой рассказ.

Альфы задавали вопросы — очень подробные, я таких бы даже не придумала. Сколько времени длилось нападение? Как долго Чейз лежал на тротуаре, пока волки Каллума не нашли его и не спасли? Имеет ли он какое-то представление о том, каким образом ему удалось выжить? Как он защитил свой разум от Бешеного? Удавалось ли Бешеному обрести контроль над его физическим телом? Просил ли он напасть на Каллума? Могло бы это произойти?

Нет, объяснял Чейз, Каллум привел его в Стаю и научил, как пользоваться связью со Стаей, чтобы защититься от психического превосходства Бешеного. Чейз, правда, не стал упоминать, что я умудрялась манипулировать этой связью и что я была единственной, кто гонялся за Бешеным в его снах.

Наконец вопросы прекратились. Один из вожаков, тот, который пах морской солью, сказал завершающее слово:

— Ты хорошо с ним поработал, Каллум. Ты крепкий парень, Чейз, а когда станешь мужчиной, будешь еще сильнее. Стая Стоун Ривер рада принять тебя.

Это не звучало как поздравление. Это звучало как сожаление, но у меня не было времени, чтобы разбираться с этим, потому что в следующее мгновение нас с Чейзом вытурили.

— Сейчас можешь идти, — сказал Каллум.

Чейз хотел возразить. Он хотел остаться. И на какое-то мгновение мне захотелось позволить ему сделать это, но старшее, более мудрое мое «я» — то самое «я», которое выучило предмет «Выживание в стае оборотней» так, что от зубов отскакивало, — не могло ему этого позволить.

*Иди!*

На лице Каллума я прочитала приказ. Возможно, я просто вообразила, что ему что-то было известно и он догадывался, что я была там, в голове у Чейза. Но в чем я была совершенно уверена, так это в том, что за просьбой уйти явно скрывалось принуждение.

И я совершенно не сомневалась в том, что, если мы не уйдем, за этим последует угроза.

*Иди, сказала я Чейзу. Выйди из дома. Уйди так далеко, как только сможешь, и продолжай слушать.*

Вообще-то Каллум не сказал точно, куда мы должны были идти.

Как только дверь за нами захлопнулась, тело Чейза расслабилось. И он пошел быстрым шагом, одним ухом прислушиваясь к разговору.

Однако нас окружала тишина.

Пока вожаки будут слышать нас, они не заговорят. В этом доме не было ни одного человека, который стал альфой благодаря своей глупости. Вожак не доверяли нам, и рисковать им не хотелось. Мне захотелось закричать. Чейзу тоже захотелось закричать. А его волку хотелось вырваться наружу.

И эта непрерывная просьба — *Выйти, выйти, выйти* — натолкнула меня на мысль.

*В волчьем обличе твои чувства стали острее?* — мысленно спросила я Чейза.

По его реакции я поняла, что он не знал, что ответить. В волчьем обличе у Чейза всегда были проблемы с мыслительной деятельностью. И еще проблемы с памятью.

*Может быть, переключишься все же?* — спросила я его. *Я смогу думать за двоих.*

*Да, сказал волк внутри Чейза. Да!*

Чейз вздрогнул. Мышцы его шеи расслабились. Голова наклонилась набок, и затем боль, пронзительная, разламывающая кости, окутала его тело.

Я почувствовала это. Я это приветствовала. И, после того как человеческая форма Чейза исчезла, напор энергии смыл эту боль, превращая агонию в экстаз и потом снова экстаз в агонию.

*Бежать.* Став волком, Чейз хотел бежать. Мне было бы столь же легко отдаться этой всепоглощающей потребности, но я не стала этого делать. Не могла. В волчьем обличе наши чувства усилились, и, когда стремительными прыжками мы понеслись прочь от дома Каллума, альфы наконец возобновили разговор.

Мы могли слышать их. Они нас слышать не могли.

Волк не хотел слушать. Волк хотел бежать.

В отличие от Чейза, чье мышление в постпеременный период было спутанным, я все еще была сама собой. Я все еще помнила, для чего мы переключились, и я все еще понимала значения слов, звучавших в Сенате. Даже если могла разобрать только одно из трех.

— ...Изменение... мощное.

— ...выкидыш...

— ...пять во всей стране! Пять!

Чего пять? Пять Бешеных? Ради всего святого, только не это.

— Двое на твоей территории, Каллум.

Голос Шея доходил до меня лучше, чем голоса других вожаков. Он говорил громче, чем

другие, вкладывая больше силы в голос, потому что он был моложе всех и ему все время приходилось доказывать свою состоятельность. Волк понимал это лучше меня, а я воспринимала ситуацию на уровне инстинктов, которые к тому же не были моими.

— Ваша численность растёт. Два младенца, один новый волк. Стоун Ривер теперь — самая большая Стая.

Волк знал, что это значило. Его врожденная способность мгновенно разбираться в запутанных лабиринтах политики обрив заставляла меня краснеть — я этим качеством не обладала. Больше младенцев — значит, больше волков. Больше волков — значит, больше Стая. Более сильная Стая. Более сильный альфа.

И тут до меня дошло: математика в природе — вещь очень простая.

Сильный альфа силен силой своей Стаи. А сейчас Стоун Ривер была самой большой Стаей.

*Альфа. Один альфа. Одна Стая.*

Волк прорычал эти слова, и я восприняла их. Доминирование для оборотней — это все. Вся власть у самого доминирующего волка. Самый сильный волк подчиняет себе всех.

*Объединять Стаи. Объединять власть.*

Когда созывался Сенат, для каждого альфы это было словно призывный звук сирены, от которого бросало в дрожь. Им нужно было бросать вызов друг другу. Одному из них нужно было доминировать, другим нужно было подчиняться. Волчьи инстинкты отступили перед моим знанием ситуации, и я занялась подсчётами.

У Каллума была самая большая Стая. У Каллума был дар — он мог видеть будущее. Я готова была биться об заклад на свою жизнь, что Каллум был старше, сильнее, да и вообще *во вам* превосходил любого, находившегося в этой комнате.

Каллум был самой большой угрозой, и тот факт, что его Стая росла быстрее, чем другие, совсем не успокаивал страхи других вожаков, их инстинктивное подозрение, что, если бы Каллум только захотел, он стал бы и их альфой тоже. Осознание этого факта испугало меня, но не удивило. Это застало меня врасплох, но было совершенно закономерным. Каллум был опытен. Он был силен. И он был умен.

И он был — *Каллум*.

— Всего пятеро родилось, и двое из них — твои. — Это снова Шей.

Я ненавидела его, но зато его дикция мне очень нравилась, потому что голоса остальных вожаков стай смешивались в моих ушах в неясное бормотание.

— ...не рождались...

— Только один...

Другим альфам очень не нравилась сама мысль, что Стая Каллума росла, а их Стаи уменьшались. Они хорошо понимали, точно так же, как понял это Волк, ненадолго посетив комнату, где они заседали, что, если вдруг Каллум устанет от демократии, весь североамериканский континент, целиком, станет принадлежать ему.

— ...Бешеный...

При этих звуках Чейз-волк наострил уши. Несмотря на то что его разум находился в полном смятении, это слово он узнал.

Именно из-за этого мы были здесь. Именно для этого мы подслушивали.

— Ответ... не такой простой...

— ...прерогатива...

До меня долетали обрывки слов, но даже они повергали меня в ужас — это были совсем

не те слова, которые я ожидала услышать. Альфы должны были обсуждать стратегические планы поимки Бешеного. Они должны были делиться друг с другом предположениями о его возможном местонахождении. Они должны были говорить...

— ...если только... нам необходимо...

— ...закрывать на это... глаза...

Закрывать глаза? Закрывать глаза? Да как они могли произнести такие слова, обсуждая бешеного волка? Они *не могли* такого сказать. Мужчины в этой комнате всего лишь на волосок находились от того, чтобы не наброситься друг на друга в смертельной битве за доминирование. Этот Бешеный убивал на их территориях. Само его существование было вызовом для них, а альфы вызовов не терпели.

Альфы были сильными. Они охраняли покой своих Стай. Они отражали угрозы.

— ...в обмен на это... желательно...

— Мы что, теперь с убийцами торговаться будем?

Голос у Каллума тихий, в отличие от Шей. Ему ничего не надо доказывать. Именно сила, а не громкость донесла его слова до меня. А Чейз съежился, прижавшись брюхом к земле при звуках этого голоса.

Каллум не был альфой для Чейза, в обычном смысле слова. Просто существовал инстинкт повиновения. Согнуться. Подчиниться власти его слов.

Шей не подчинился.

— Это твое последнее слово по этому вопросу, Каллум? — спросил он.

— Да. — Голос Каллума был тверд, как никогда.

На мгновение воцарилось молчание, а затем Шей заговорил снова:

— И что ты собираешься с этим делать?

С Каллумом никто так не разговаривал. Ни другие альфы. Ни его собственные волки. Даже я так с ним не говорила... в большинстве случаев.

Шей не бросал Каллumu вызов. Совсем нет. Он вынуждал Каллума бросить вызов остальным. Навязать им свою волю. Доказать, что он может это сделать.

*Одна стая. Один альфа.*

— У нас демократия или нет? — бросил перчатку Шей. — Мы голосуем или ты будешь решать сам?

Голосовать — по какому поводу? Решать — что? Что, будем торговаться? Или что, закроем на все глаза?

*Брось им вызов, беззвучно закричала я Каллumu. Сделай это! Сделай их всех!*

Он мог это сделать. Все мои «я», все мои воспоминания, все инстинкты, которыми я обладала, говорили мне, что Каллум мог остановить это. Он мог заставить всех *подчиниться*.

Но он этого не сделал.

— Мы приверженцы демократии, — сказал Каллум, и голос его был таким, как всегда, и мнение его не оспаривалось.

Плохо. Плохо... плохо... плохо... Демократия не для волков. Голосовать — это не для оборотней. Каллум был надежен. Каллум был решителен. Каллум просто обязан был что-то сделать.

А он — не сделал!

— Все — «за»?

Все «за» что? Я не слышала, как стих шум голосования, не слышала ничьих предложений, кроме предложения Каллума, но по тону его голоса я поняла, что он оказался

в меньшинстве и что все остальные проголосовали за то, чтобы совершить нечто немислимое.

Я попыталась привести свои мысли в порядок, но у меня это не очень-то получилось. Альфы не собирались охотиться на Бешеного. Они собирались заключить с ним сделку.



— Нет! — Я резко села на кровати, и вопль разорвал мою глотку.

На другом конце нашей связи в ярости метался Чейз, его волк жаждал крови и охоты. На кроликов. На оленя.

Чейзу нужно было убить кого-нибудь.

Я могла это понять. Мои ногти так впились в подушку, что я начала опасаться, как бы не разорвать ее в клочья. Как только я извлекла себя из сознания Чейза, я испытала сразу два приступа жесточайшего синдрома отмены.<sup>[37]</sup> Один был Чейза. Другой — мой, и они так идеально отражали друг друга, что в любое другое время я бы долго прокручивала эти чувства у себя в голове, вспоминая прикосновения его кожи, и как это все было, когда я находилась у него внутри, и как нам обоим стало больно, когда я покинула его тело, И как нас обоих только что предали. Снова!

Каллум мог бороться с другими альфами. Он мог бороться с ними, и он мог победить, но мы не стоили того, чтобы это делать. Чейз, мои родители, Мэдисон Кави и бог его знает сколько еще детей, которые были разорваны в клочья, — никто этого не стоил.

Я этого не стоила.

— Брин! — В комнату ворвалась Эли с ножом в руке.

Вид у нее был еще тот. Эли не была бойцом, а о себе я сама могла позаботиться.

Это меня Каллум учил драться, а не ее.

— С тобой все в порядке? — Глаза у Эли были дикие, и я в первый раз почувствовала, как ее связь со Стаей пересекается с тем, что осталось от связи моей.

Эли была Стаей, и я до смерти напугала ее.

— Я в порядке, — сказала я, очень благодарная тому, что Эли не обладала способностью обрывать чужую правду. — Сон страшный приснился.

Но это был совсем не сон. Это все было на самом деле. Бешеный был жив, и если Сенат будет действовать по-своему, перемен в его жизни в ближайшее время не предвиделось. И Каллум позволил всему этому случиться — во имя *демократии*.

Пошла она, эта демократия. И Каллум вместе с ней.

Эли села ко мне на кровать.

— Должно быть, очень страшный был сон, — сказала она, нежным жестом отводя у меня с глаз волосы.

Эли никогда бы не предала меня таким образом. Но Эли не была бойцом и никогда бы не поняла, что я должна драться. Если Сенат не собирался убивать Бешеного, это должна была сделать я.

Эли будет беспокоиться обо мне, она будет орать и запирает меня в моей комнате до тех пор, пока мне тридцатник не стукнет. И пока я буду там сидеть, другие люди будут погибать.

— На самом деле это был не такой уж страшный сон, — сказала я Эли, стараясь не выдать дрожь в голосе. — А температуры у меня больше нет.

— Да не было у тебя никакой температуры, — улыбнулась Эли. Тон ее голоса напомнил мне, что Эли была совсем не глупа, и овсянка или не овсянка, но, скорее всего, что моя «болезнь» не обманула ее, как мне этого хотелось. — Тебе нужно было побыть одной. Я

поняла это.

И у меня появилось такое чувство, что, наверное, Эли это на самом деле поняла. Хотя ее слова только подтверждали тот факт, что она понятия не имела о том, что это не относилось ко мне и к событиям нескольких предшествующих дней, а было вызвано событиями нескольких последних минут. Эли не была виновата в том, что я не стала упоминать, что Чейз и я могли запрыгивать друг другу в мозги и выпрыгивать оттуда по собственному желанию. Конечно, придет время, когда мне придется пожалеть об этой маленькой оплошности. Но сейчас мне нужно было утаить от нее кое-что другое. Хотя бы тот факт, что монотонный рев в моей голове, приказывавший мне *охотиться, убивать, защищать*, стал просто неуправляемым.

На другой стороне связи я чувствовала одобрение Чейза, чувствовала, как он вгрызается в горло какого-то крупного животного с яростью, которая должна была бы испугать меня, но которая меня не пугала.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? — спросила Эли, прикладывая руку к моему лбу. — Ты на самом деле слегка горячая, да и выглядишь странно.

— Спасибо большое, — ответила я.

Я ведь не могла сказать: *Ну, просто один оборотень, с которым я делю свои мозги, только что задрал оленя, и теперь мы вдвоем, словно дровосеки, собираемся начать охотиться на Большого Злого Волка.*

*Хм, подумала я, и мысли в мозгу так и запрыгали. Дровосеки! Как же, как же! И серебряный топор.*

Если я собиралась охотиться на Бешеного, мне нужно было оружие, и мне нужно было выяснить, где на самом деле этот Бешеный скрывался. Я надеялась что-нибудь услышать на заседании Сената, но моя затея не сработала. Придется выяснять это самой. А что касается оружия...

— Я, пожалуй, пойду в ресторан, Лейк душу помотаю, — сказала я Эли. — Она сегодня официанткой работает, хочу посмотреть на нее в деле.

Я не стала объяснять, что под этим «в деле» подразумевалось, что мне бы очень хотелось увидеть Лейк живой и здоровой, а еще увидеть ее реакцию на мой вопрос, когда я спрошу ее, имеется ли у нее какое-нибудь другое оружие, кроме дробовика. Если другого оружия не имеется, она точно будет знать, где его найти, и с радостью это сделает. Уже за одно это я стану для нее кем-то вроде Санта-Клауса.

И пока Лейк будет заниматься поставками вооружений, я буду выслеживать Бешеного. Я не была окончательно уверена, как это будет происходить, но я знала, что сделаю это, точно так же, как я знала и то, что Эли не будет возражать против того, чтобы я пошла поболтать с Лейк.

— У нее все в порядке? — спросила Эли, перенося свои материнские инстинкты с меня на Лейк.

— С ней не все будет в порядке до тех пор, пока альфы не останятся здесь на обратном пути, — усмехнулась я. — После этого с ней снова все будет в порядке.

Если бы я могла узнать, где скрывается Бешеный, Лейк не пришлось бы сидеть взаперти все то время, пока альфы будут проходить по Монтане. К тому времени мы бы уже давно двигались к ничейной земле.

«Странник» уже почти опустел, когда я незаметно проскользнула в угловую кабинку.

Лейк, с блокнотом в руке, скользнула вслед за мной.

— Ты будешь у меня заказ принимать? — спросила я.

— Кусни меня. А потом можешь сказать, что случилось. — Она помолчала. — Ведь ты должна быть с...

Она сделала замысловатый жест, призванный закончить ее мысль. Лейк знала о моих планах на сегодняшнее утро. Я обещала ей доложить обо всем, и вот я здесь.

— Я там была. Все сделала. Дела идут не очень хорошо.

Лейк отпихнула блокнот в сторону, суммарно игнорируя три остальных занятых столика в зале.

— Дела идут не очень хорошо — это в смысле, что ты не все смогла увидеть... или дела идут не очень хорошо — в смысле, что тебе не понравилось то, что ты увидела?

— Лучше сказать, то, что я слышала, — поправила я подругу. — Второе будет правильнее.

— Бешеный снова сбежал? — высказала догадку Лейк. — И они не знают, где он находится?

— О, нет, — ответила я с напускным весельем в голосе, потому что только так я могла сдерживать себя, чтобы не заорать во всю глотку. — Ничего подобного. По всей видимости, он обладал чем-то таким, что нужно всем альфам. Поэтому они не собираются охотиться на него. Они проголосовали.

— Проголосовали? — спросила Лейк недоверчиво.

Совершенно очевидно, что она не могла даже вообразить, что Каллум может голосовать по какому-либо вопросу. Поскольку каждое его слово, по ее собственному опыту, и так являлось законом.

— Каллум остался в меньшинстве. Они его забаллотировали. Он ничего не смог сделать.

Ложь, ложь, ложь! Кое-что он сделать мог. Если бы захотел.

— Полная фигня! — вынесла свой вердикт Лейк. — Когда выезжаем?

Ей не нужно было даже спрашивать меня, что я собираюсь делать. Она это знала, и она была со мной, так же, как был со мной Чейз. Два оборотня-тинейджера и девчонка-человек выступили против врага, с которым Стая решила не связываться.

Пусть это меня убьет, но и с Бешеным тоже будет покончено. И я старалась не думать о том, что именно так все, скорее всего, и будет.

— Выедем, как только я выясню, куда нам ехать, — сказала я, сосредоточиваясь на том, что необходимо было сделать здесь и сейчас. — Слушай, пока суд да дело, ты не могла бы пошуршать насчет... — Мне не хотелось вслух произносить слово *оружие*, но Лейк сразу поняла, что я имела в виду.

— Насчет припасов? — спросила она, сверкнув глазами. — Кажется, я знаю, где мы можем кое-что раздобыть. Подожди, я скажу Кили, что ухожу.

Меня не очень радовала сама мысль о том, что Лейк «скажет» Кили вообще что-нибудь. Потому что я очень хорошо знала, что Кили можно было сказать на удивление много, но Лейк не могла вот так просто взять и смыться без всякого предупреждения. Разве что если бы мы захотели держать Эли и Митча в полном неведении.

— Сейчас вернусь, — сказала мне Лейк и направилась к бару.

— Извините, — подал голос мужчина с соседнего столика. — Нельзя ли наполнить мой бокал?

— Нельзя. — Лейк даже не взглянула на него, нацелившись на Кили.

Я откинулась на спинку стула, решив, что чем меньше я буду общаться с Лучшим Слушателем В Мире, тем будет лучше для меня.

Что касается Кили, то она бросила взгляд на Лейк и нахмурилась:

— Что бы это ни было, мой ответ — «нет».

— Но ты даже не знаешь, что это за вопрос, — возмутилась Лейк.

— Мне и не нужно этого знать, — парировала Кили. — Я знаю этот взгляд. А этот взгляд предвещает беду.

Тут Лейк решила к ней подольститься:

— Мне нужно пораньше сегодня закончить. Брин помочь нужно.

Кили сдула с лица прядь волос:

— Отлично, но если ты хоть полслова скажешь своему папаше о том, что я выпустила тебя отсюда без перекрестного допроса, тогда мне придется с тобой серьезно поговорить. Ясно?

Лейк в ответ улыбнулась, и я добавила Кили к списку людей — куда уже были включены Эли и Митч, — которые будут готовы убить нас в ту же секунду, как узнают, куда мы направились.

Пять минут спустя Лейк и я уже были на улице, предоставленные самим себе.

— Лачуга номер двенадцать, — сказала Лейк.

— Что? — не поняла я.

— Ну, коттедж номер двенадцать. Там отец хранит свое оружие. На двери замок — его ребенок ногтем вскрыть сможет.

Я не стала спрашивать, откуда это было известно Лейк и зачем вообще мистеру Митчеллу целый коттедж, набитый оружием. В обычных обстоятельствах я бы, конечно, задала этот вопрос, потому что, даже несмотря на особую привязанность Лейк к дробовикам, оборотням оружие не нужно. Они сами — *оружие*. Но мне вспомнилось лицо Митча, когда он сказал мне — весь из себя такой спокойный, — что самцы-оборотни иногда могут вести себя довольно странно по отношению к самкам. И я не очень этому удивилась.

Против людей оборотням оружия было не нужно. Против других же оборотней быть вооруженным до зубов совсем не мешало.

— О'кей, — сказала я. — Тогда ты держи под контролем ситуацию с оружием. Нам сейчас надо выяснить, куда идти и как туда добраться.

Я продолжала заниматься мелкими проблемами, вроде транспорта, потому что — не важно, сколько раз я прокручивала все это у себя в голове, — найти решение для главной проблемы я не могла. Мы не знали, где находился Бешеный. У нас в запасе было всего несколько часов, перед тем как Эли и Митч выяснят, куда мы направились. И мы не могли позволить себе слоняться туда-сюда без цели. Мы не могли действовать, руководствуясь только интуицией.

Мы должны были быть уверенными.

— Транспорт — это легко, — улыбнулась Лейк, когда я подняла эту тему. — У отца новая машина, а от старого грузовика он еще не избавился. Его мы и возьмем.

— Ты водить умеешь? — спросила я.

Мне еще не исполнилось шестнадцати, и хотя я неплохо управлялась с краденными мотоциклами, я не была полностью уверена в том, что смогу справиться с рукояткой переключения скоростей.

— Брин, я живу в этой глуши, в самом центре черт знает чего. Школа в тридцати милях отсюда. Отец заставлял меня водить машину с двенадцати лет.

Я выслушала слова подруги и поняла, что с транспортом у нас проблем не будет. Теперь я ни о чем больше не могла думать, кроме как о Бешеном.

*Мэдисон!*

— Ты выглядишь так, как будто у тебя есть идея, — усмехнулась Лейк.

— Очень возможно, — сказала я.

Все, что мы узнали к настоящему моменту о Бешеном, мы узнали просто потому, что он гонялся за Чейзом в его снах, а Чейз и я заметили, как что-то мелькнуло у него в сознании. Отметины, узы, связи — это шло по всем каналам в обоих направлениях. Единственной причиной, по которой Бешеный преследовал Чейза в его снах, было то, что Чейз мог заблокировать его, когда бодрствовал.

А что будет, если это прекратится?

Что, если Чейз откроет свою связь с Бешеным, и откроет ее достаточно широко, чтобы можно было залезть ему в мозги? Тогда он наверняка сообщит нам, где находится?

— Брин? Идея?

— Есть одна, — сказала я, — но Чейзу, наверное, она не понравится.

Чейза я нашла в человеческом облике, но все еще могла ощутить слабый привкус крови у него на языке, оставшийся от прошлой охоты.

*Чейз!*

Я не полностью вошла в его сознание. Высвободилась из его чувств и сосредоточилась на своих.

*Брин!*

Чейз мысленно произнес мое имя, и это успокоило его, напомнило ему о том, что он был человеком и оставался им даже тогда, когда доходил до той черты, переступив которую внешне становился зверем.

*Ты ходил на охоту, сказала я. Многие люди делают то же самое.*

Конечно, многие люди ходят на охоту с ружьями, а не используют для этого свои зубы. Но этого Чейзу слышать было не нужно, и я не стала это произносить. Вместо этого я сосредоточилась на том, что заставило Чейза выйти на охоту.

*Мы собираемся убить Бешеного, сказала я ему. Мой голос был ровным и спокойным. Обещаю тебе, он умрет.*

На мгновение на стороне Чейза наступило молчание, затем он снова заговорил, и речь его была корявой, как будто он не мог вспомнить, как нужно правильно складывать слова. *Пренсер... хочет... мертвый... защищать...*

*Мы убьем его, Чейз. Лейк и я, мы собрали кое-какое оружие. Если стрелять в Бешеного с дальнего расстояния, он может даже не услышать, как мы к нему подойдем. Он думает, что он в безопасности, потому что альфы не охотятся на него. Нас он не будет ждать.*

Еще одна пауза, и на этот раз, когда Чейз снова заговорил, его слова были наполнены смыслом. *Я устал бороться с ним.*

Я подумала о том, что собиралась попросить у Чейза, и покраснела. *Нам нужно найти его, медленно произнесла я. И единственный способ сделать это — влезть ему в голову.*

Я не стала продолжать. Не могла заставить себя сказать это: для того чтобы я смогла проникнуть в голову Бешеного, Чейз должен был впустить его в свою голову.

*Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, поклялась я. Нам будет нужно всего несколько секунд. Ровно столько, чтобы понять, где он находится.*

*Он захочет, чтобы я причинил тебе боль, ответил Чейз, и его голос был очень усталым, даже у меня в сознании. Он всегда этого хочет.*

Я вспомнила, как Чейз бился телом о прутья клетки в подвале у Каллума, потому что тогда для него я пахла едой. Я подумала о том, как задрожало его тело, когда запах чужого волка наполнил гостиную Каллума, и о том, что первым инстинктивным действием Соры была попытка вывести меня оттуда.

*Ты не сделаешь мне больно, сказала ему я. Ты просто умрешь, прежде чем сделаешь это.*

Просить Чейза сделать то, что я задумала, было нечестно. Я ощущала себя Каллумом, относясь к Чейзу как к маленькому фрагменту, который совершенно неважен при рассмотрении большой картины. Но как бы мне ни хотелось сделать все самой, связи с Бешеным у меня не было. И сама его выследить я не могла.

А Чейз — мог!

*Ты должна пообещать мне, что выберешься из моей головы, сказал Чейз. Если Пренсер возьмет верх, если я не смогу победить его, ты должна будешь уйти. Я не позволю ему добраться до тебя.*

Я ничего не пообещала, поскольку конечно же не собиралась покидать корабль в тот самый момент, когда дела пойдут не так, как надо. Особенно когда я сама попросила Чейза рискнуть своей жизнью.

*Я не позволю ему овладеть тобой, сказала я, заталкивая эти слова в голову Чейзу с такой свирепостью, которую он наверняка ощущал всем телом, с головы до пят. Ты — мой.*

На мгновение наступило молчание, и затем голос Чейза, очень хриплый, зазвучал у меня в голове: *Твой? Без собственности, пожалуйста, и каждый сохраняет свою независимость. Так?* И я почти увидела, как его губы ползут вверх, складываясь в хитрую улыбку.

*Да, впопыхах ответила я. Именно так.*

*Хорошо.*

*Хорошо?* — переспросила я.

*Хорошо, повторил он. Я сделаю это. Не оставляй меня.*

Чейзу не хотелось, чтобы я услышала его последние слова, но в ту же секунду, как я их услышала, я, потеряв всякую осторожность, еще глубже проникла в его сознание и стала говорить ему снова и снова, всеми известными мне способами, что он не одинок.

Он вдохнул.

Я сделала вдох.

Он выдохнул.

Я сделала выдох.

И Чейз поплыл по воле волн. Мне следовало быть к этому готовой. Больше чем кто-либо другой я знала о раскрытии и закрытии связей, и все-таки наплыв запахов и маслянистое прикосновение змеи, скользнувшей вниз по затылку Чейза, застали меня врасплох. Его шрамы, один за другим, наливались болью, на какое-то мгновение он не мог дышать.

*Ну, ну, ну... никак это наш блудный сын.*

Голос был таким обычным, таким человеческим, но его звук резал Чейзу уши. Я представила его, окровавленного, разорванного в клочья, таким, каким его в тот день

оставил Бешеный.

*Я не твой сын, подумал Чейз. Я тебе вообще никто.*

Это правда, эхом откликнулась я, и мои слова были слышны только Чейзу. Он принадлежал только самому себе, и еще он был мой, точно так же, как я была его с того момента, как мы впервые прикоснулись друг к другу. Бешеный думал, что знает все, но он не знал, что я тоже была там.

*Меняйся.*

Слово было произнесено шепотом, но оно являлось приказом. Это было сказано совсем не так, как Каллум говорил, когда просил Кети вернуться в человеческую форму. И не так, как я, когда уговаривала Чейза стать волком.

Тон Бешеного демонстрировал его господство. Это было жестоко.

*Ты не должен этого делать,* сказала я Чейзу, хотя прекрасно ощущала тот нажим, который оказывал Бешеный.

*Если я этого не сделаю, он поймет, что здесь что-то не так.*

Я чувствовала, как ломались кости Чейза, чувствовала, как трещала его кожа, когда он терял человеческий облик. Бешеный засмеялся.

*Меняйся обратно.*

Переключение забирало энергию. Это было больно. Чейзу нужно было прийти в себя.

*Меняйся.*

*Меняйся обратно.*

Бешеный не давал Чейзу полностью заполнить новую форму, сразу заставляя его переходить в предыдущую.

*Остановись, захотелось закричать мне. Прекрати!*

Но я не закричала. Слезы текли у меня по лицу, мое тело содрогалось вместе с телом Чейза, извивавшегося от жгучей боли. И я прыгнула и проскочила сквозь сознание Чейза в сознание Бешеного.

*Паленый волос и мужской одеколон.*

Вонь была ошеломляющей. Удушающей. Я попробовала проблеваться, но не смогла. Я должна была сделать это, потому что Чейз не мог. Потому что его тело было вынуждено ломать само себя, а потом собираться вновь. И так раз за разом.

Пот смешался со слезами у меня на щеках. Раскаленная добела кочерга врезалась мне в живот, в руки, в челюсть.

*Меняйся.*

*Меняйся обратно.*

Мне нужно было сосредоточиться. Я должна была узнать то, что нам было нужно сделать, чтобы Чейз снова мог выставить свое заграждение.

*Защищай,* приказало мне мое чувство стаи. Чейз был мой. Я должна была защищать его. Я должна была вытолкнуть Бешеного прочь. Но сначала я должна была выследить его. Я закрыла глаза. Нарисовала в своем воображении извивающуюся связь, которая соединяла Чейза с этим психом. И последовала вдоль нее к ее основе. Меня окутала влажная, оглушающая темнота, пока я наконец не вспомнила, что это значит, когда по-настоящему жарко.

*Кровь.* Бешеный любил кровь. Он любил власть. Его звали Вилсон.

Информация пришла сразу, в одно мгновение. Но ее было недостаточно. Я стала продвигаться дальше.

*Где ты?* Подумала я, зная, что он не может слышать моих слов. *Скажи мне, где ты находишься.*

Я увидела какую-то лачугу. И кровь. Лес. И снова кровь. Городишко — один светофор на дороге. Магазин «Хозяйственные товары Мейкона».

Тропинка, ведущая в лес.

*Попался.* Слово прошелестело у меня в голове, и в ту же секунду, как я услышала его, инстинкты Чейза вернулись к жизни. *Попался,* эхом откликнулся он. Он боролся с собой, чтобы не драться с Бешеным, не оттолкнуть его.

Но нам нужно было драться. Нужно было выбраться отсюда. Нужно было заботиться друг о друге.

Но для начала мне нужно было кое-что еще. Лачуга. Светофор. «Хозяйственные товары Мейкона». Тропинка в лес.

*Скажи мне, где ты находишься.*

В первый раз Бешеный остановился, прервав атаку на Чейза. Он помедлил, и я испугалась, что он учуял меня, так же, как я чуяла его.

У меня совсем не было времени. Чейзу было очень больно. Если Бешеный учует меня, он накажет Чейза. Ранит его. А потом еще и еще.

Ничейная земля. «Хозяйственные товары Мейкона». Образы мгновенно перетекли из сознания Бешеного в мое. Он попытался вырваться, но когда я хватаюсь за что-то, то никогда не выпускаю этого из рук, пока дело не будет сделано.

«Хозяйственные товары Мейкона». Тропинка в лес. И наконец, название. Город.

Бешеный взревел — этот звук подходил скорее медведю, чем волку, — а потом засмеялся ужасным, дьявольским смехом, и я представила, как кровь выступает на его губах, стекает вниз по его лицу и пропитывает его руки.

Желудок скрутило. Это человек, который убивал свои жертвы... и смеялся.

*Пора,* сказала я Чейзу.

*Я не могу. Он слишком силен. Заслонов нет. Каллум помогал мне. Я не могу.*

*Ты можешь,* сказала я в ответ. *Думай обо мне, Чейз. Думай только обо мне.*

Он стал думать. Он думал обо мне, и Бешеный думал обо мне, и их образы смешивались у меня в мозгу. Запах мокрого картона, очистителя водосточных труб, запах страха маленькой девочки. Легкий, прекрасный... и домашний.

*Вот так,* сказала я Чейзу. *Я дома. Возвращайся ко мне.*

Я обязана была защитить его. Я обязана была все это уничтожить. Должен же быть для этого какой-то способ. Паника перехватила горло у него и у меня. Я видела, как взор Чейза заволокло кроваво-красной пеленой.

*Попался.*

На этот раз я ухватила за это слово. Заставила Чейза услышать его. Мы были загнаны в угол. Нам было страшно. Но мы выберемся отсюда. Живыми.

*Попался. Бежать.*

Держись, прошептала я последнее слово, потому что Чейз, кажется, не мог вспомнить, что оно означало, и его инстинкты проснулись. Он был боец. Он дрался.

Этот человек был — ничто. Он не был всемогущ. Он был — *Пренсер.*

И мы не должны были позволить ему одержать над нами верх.

Чейз был мой. Я была его. Бешеный хотел нас обоих, и, осознав это, я почувствовала, как что-то щелкнуло у Чейза внутри. Бешеный мог угрожать ему. Бешеный мог его пытаться...



Но он не имел права думать обо мне. Никогда!

Я услышала гудение силы. Увидела, как задрожал воздух, когда Чейз захлопнул металлические заграждения, у него в зубах осталась маленькая часть власти, которой он был привязан к этому человеку. Как животное, как охотник, он вцепился в нее. И разорвал на куски.

И как только все это начало расплетаться, мальчик, которого я называла *мой*, взял все, что связывало его с Бешеным, и в какой-то момент бросил это мне.

Раньше у меня возникало подобное чувство: мир завертелся вокруг своей оси. А потом взрыв в мозгу. И — эхом — чарующая тишина. Тишина и Чейз.

# Глава

## ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Ты в порядке? — Голос Лейк ворвался в мои мысли и вернул меня к действительности. Крыльцо у задней двери в хижину № 12, на которое я присела, чтобы вступить в контакт с Чейзом. — Ты сначала затихла, потом заплакала. Тело у тебя задергалось, а вскоре ты опять затихла.

У меня перехватило дыхание.

— Я в порядке, — сказала я Лейк.

*Мы в порядке.* Тогда, у Каллума, я запаниковала и рассоединила чувство Стаи, мое и Чейза, и сейчас, когда парень почувствовал, что Бешеный угрожает мне, он сделал то же самое. Только на этот раз он полностью разорвал связь с Бешеным. Стая все еще находилась в глубинах сознания Чейза и моего, но Бешеный пропал.

— Ты ничего не почувствовала? — спросила я.

Когда я рассоединила связь со Стаей, все волки в округе должны были почувствовать это.

— Ничего, — сказала Лейк. — Я должна была что-то почувствовать?

На мгновение я подумала о Стае, о Чейзе и о Бешеном.

— Нет.

Это не имело никакого отношения к Стае Стоун Ривер. Это имело отношение к Чейзу и к человеку, который сделал его. Человека звали Вилсон, как теперь было мне известно. Он жил в хижине в лесу, в миле от «Хозяйственных товаров Мейкона», в местечке, которое называлось Горный Ручей.

— Вайоминг, — произнесла я вслух. — Вот куда мы едем.

Лейк услышала меня. И я повторила это послание беззвучно, посылая его Чейзу. Он был изможден физически, и я понимала, что он был не в той форме, чтобы совершить путешествие из Колорадо в Вайоминг.

Он восстановится. Волки всегда восстанавливаются. Но ему нужно было время, а это было единственное, чего у нас не было. Рано или поздно альфы наведаются к Бешеному, чтобы забрать у него то, о чем они с ним договаривались. Рано или поздно Эли и Митч заподозрят, что мы с Лейк что-то затеваем.

Хуже всего, одно из моих «я» понимало, что реакция Бешеного на потерю Чейза будет страшной. Он любил кровь. Он любил власть. И поскольку Чейз украл у него власть, кому-то придется заплатить за это своей кровью.

Я ненавидела себя за то, что была в голове у Бешеного. Ненавидела то, что поняла его настолько, что смогла осознать — если мы будем медлить, то умрет кто-нибудь еще.

*Мы с Лейк прихватим кое-какое оружие и позаимствуем ключи от грузовика ее отца,* сказала я Чейзу. *Ты не сможешь пробежать всю дорогу до Вайоминга. Тебе потребуется помощь.*

В Арк Вэлли был только один человек, которому я доверяла так, чтобы обратиться за помощью.

*Девон.*

Чейз ошетинился, так же, как ошетинился бы любой другой оборотень-самец при звуках имени другого самца, поэтому мне пришлось повторить.

*Пожалуйста, Чейз. Он поможет. Ты ведь знаешь, что он поможет.*

Чейз это знал, потому что знала я. И сейчас он был в моей душе точно так же, как я была в его.

*Девон, повторил Чейз. Горный Ручей, Вайоминг. Мы встретим тебя там.*

— Ты закончила изображать из себя телефон? — спросила Лейк.

Я кивнула, обрывая связь с Чейзом, и он сделал то же самое.

— Тогда вот что, девочка моя. Пошли вооружаться.

Слово *вооружаться* в устах Лейк прозвучало весьма угрожающе. Была в нем какая-то смесь решимости и злорадного веселья.

Я вздрогнула, но тем не менее сделала широкий жест рукой:

— Веди нас.

Лейк не нужно было просить дважды. Ей потребовалось меньше минуты, чтобы взломать замок на задней двери хижины № 12, и, когда дверь распахнулась, открывая передо мной тайный склад с оружием, у меня отвалилась челюсть. Я думала, что увижу несколько пушек, некоторое количество серебряных пуль, один-два ножа. Вместо этого передо мной возникла комната размером с домишко, который занимали Эли с близнецами и я. Присвистнув от удивления, я огляделась.

Одна часть помещения была, совершенно очевидно, посвящена производству оружия. В углу я опознала кузнечный горн и еще целую кучу разнообразных приспособлений, а также несколько шуковин, назначение которых я вообще не смогла определить, разве что было в них что-то франкенштейновское. Другая часть была заполнена оружием: ружьями, ножами, секирами, капканами, силками. Чего здесь только не было!

Подойдя к стене, завешенной ружьями, Лейк издала счастливый вздох.

— «Матильда» была моей первой любовью, но, милые дамы, вы прекрасно знаете, что может заставить юную девушку сбиться с пути истинного, — сказала она.

— Лейк, ты не можешь прекратить рассыпаться в любезностях перед оружием? — засмеялась я. — Я от этого с ума схожу.

Эта комната много могла рассказать о своем хозяине. Он не походил на заботливого, предусмотрительного отца, пекущегося о юной дочке. Это был человек, готовящийся к неизбежной жестокой войне.

Лейк обиженно надула губы на мое замечание, но потом переключилась на дело:

— Серебряные пули в ящике, который справа от тебя. — Она немного помолчала, потом взяла коробку, набитую чем-то вроде наконечников для стрел, и высыпала содержимое на пол. — Вот этого набери. И еще возьми с полдюжины серебряных стрел. Пригодятся. Я возьму арбалеты и ружья.

Пока я выполняла наказ, запасаясь боеприпасами, Лейк сняла с одной из полок громадный вещевой мешок и начала запихивать в него большие пушки. И пушки поменьше. И три арбалета.

— Лейк, ты на самом деле знаешь, что нас будет трое?

Лейк хмыкнула:

— Это все только для меня. Тебе потом соберу. Каллум научил тебя стрелять из девятимиллиметрового револьвера?

Я кивнула.

Она бросила в мешок еще несколько ружей, при этом двигаясь так быстро, что казалось, ее выбор случаен. Ничего подобного.

— Этого достаточно? — спросила я Лейк, выкладывая на пол несколько коробок с серебряными пулями и несколько серебряных стрел.

— Угу, — кивнула подруга. — Ты что предпочитаешь — арбалет, боевой лук?

— У меня с ножами лучше получается, — усмехнулась я.

Лейк, внимательно посмотрела меня:

— Встань.

Я встала.

— На тебе сейчас два ножа, так ведь?

Я кивнула, даже не потрудившись спросить, откуда она это знает.

— Я без них никуда не хожу.

— Ты со своими справишься лучше, чем с моими. Я возьму еще несколько, для метания. Хотя сначала... — Лейк задумалась. — У тебя какой рост?

— Пять-шесть футов.<sup>[38]</sup>

— Ты на пару дюймов ниже меня, — констатировала Лейк. — Но руки у тебя достаточно длинные, так что...

Я так и не поняла, что происходит, пока Лейк не подошла к верстаку и не взяла пару металлических наручей,<sup>[39]</sup> размером от моего запястья до локтя, но только тонких.

— Надень-ка вот это, — сказала она.

Я повиновалась. Металл оказался легче, чем казался с первого взгляда.

— Руки легко поднимаются? — спросила Лейк.

Я кивнула.

— Драться можешь?

Шанса ответить на этот вопрос подруга мне не дала — просто взяла и напала на меня. В комнате, набитой оружием, которого хватило бы, чтобы отправить на тот свет всю резервацию.

Я умудрилась увернуться от нескольких ударов и нанести ответные. Вес наручей не замедлял моих движений, но удары получались недостаточно сильными.

— С этими штуками сила не нужна, — сказала Лейк. — Это отец для меня сделал. Так, на всякий случай. Сделай шаг назад и поверни запястья в сторону, резко.

Лейк показала, как это сделать, и я, заинтригованная, повиновалась. Из каждой наручи выскочили по четыре длинных тонких серебряных клинка.

— Если дерешься с кем-то, у кого есть когти, надо и свои иметь, — заявила она.

Я уставилась на клинки, а потом начала поворачивать запястья в разные стороны.

— Твой отец — фанат Людей Икс?<sup>[40]</sup> — спросила я.

Лейк пожала плечами:

— Он просто хотел дать мне преимущество.

— С этим ты переключиться не сможешь, — сказала я Лейк.

Лейк удивленно выгнула бровь:

— Да мне и не нужно будет. Нанесешь пару хороших ударов любому обру — и у тебя достаточно времени для отступления.

Митч сказал, что не знает оборотней, которые хотя бы наполовину были так быстры, как Лейк. И если она могла застать их врасплох в своем человеческом образе, то в обличье волка они бы вообще не смогли поймать ее.

— Поверни запястья в другую сторону, и когти втянутся, — объяснила Лейк. — Ну а сейчас я прихватю немного взрывчатки, и мы готовы.

Как только она запаслась достаточным количеством вооружения и забросила вещмешок на плечо, я подняла с пола коробку с боеприпасами.

— Ты в порядке? — спросила я ее.

Лейк фыркнула:

— Я что, по-твоему, плохо выгляжу?

Она выглядела не так, как той ночью, когда мы лежали на моей кровати и прислушивались, как чужие альфы проходят мимо наших домов.

— Ты отлично выглядишь.

— Я в порядке.

Я кивнула. У меня будет много времени, чтобы наиграться в Доктора Фила<sup>[41]</sup> для оборотней. А сейчас мне и Лейк нужно было средство передвижения. Желательно с Джи Пи Эс.

— Готова совершить тяжкое уголовное преступление? — спросила я подругу.

Это заявление она встретила самой безмятежной улыбкой:

— Это не самый крутой угон, если машина принадлежит твоему отцу. И, между прочим, когда тебя спросят, что лежит в этом ящике, советую отвечать: «Женские принадлежности».

Коробка была большая и тяжелая, и, когда я ее несла, из нее доносилось явственное металлическое клацанье.

— Типа тампонов? — засмеялась я.

— Кили вопросов задавать не будет. Эли занята близнецами, а все остальные вокруг — мужчины. Тампоны их пугают до потери сознания, и мой папаша — не исключение. Но если спрашивающий обр, то ложь он почует. Так что теперь это — *женские принадлежности*.

— Это потому, что мы — женщины и они нам принадлежат? — высказала предположение я.

— Нет, потому что оружие — оно женского пола. — Лейк с оскорбленным видом взглянула на меня. — Почему, как ты думаешь, я назвала свое ружье «матильдой»?

Помимо всего прочего, я была слегка удивлена тем, что Лейк собиралась вступить в сражение без своей любимой двустволки.

— «Матильда» калечит, — объяснила Лейк, когда я спросила ее об этом. — Но она не убивает.

— Хватит об этом, — прервала я подругу, потому что после того, что Бешеный сделал с Чейзом и с маленькой девочкой по имени Мэдисон, после всего, что он отнял у меня, начиная с моих родителей и кончая верой в Каллума, этот сукин сын уже был *мертв*.

С Лейк за рулем машины расстояние между Монтаной и Вайомингом сокращалось подозрительно быстро, и, как только мы достигли пункта назначения, я зарегистрировала факт прибытия на место в рекордно короткий срок и осмотрела те немногие достопримечательности, которые мог предложить нам городишко Бешеного.

С одной стороны Горный Ручей окаймляла река, с другой — безобразные зубчатые горы. Никто не удивился бы, узнав, что это место называют ничейной землей, и когда Лейк ехала по Мейн-стрит к единственному в городе светофору, я испытала дежавю.

«Хозяйственные товары Мейкона».

Унылые улицы.

Грязная извилистая тропинка, проходившая мимо единственного в городе ресторана, вела в чащу леса.

Я видела это все изнутри головы монстра. В конце этой тропинки, в нескольких милях отсюда, затерянная в дебрях леса, стояла хижина. В ней жил монстр. Его звали Вилсон. Я была готова биться об заклад, что даже если жители города и знали о его существовании, то они вряд ли имели представление о том, имя это было или фамилия.

А мне было все равно.

— Брин? — Голос Лейк вскрыл мои мысли, и в них тонкой струйкой стала вливаться реальность.

Подруга остановила машину напротив полуразвалившегося дома, владелец которого, по всей видимости, решил объявить на весь мир, что это здание является чем-то вроде мотеля. Я перевела дыхание — вдох получился длинным и прерывистым.

Знает ли Бешеный, что мы уже здесь? Может ли он нас почуять? Мог ли он чувствовать наше приближение за несколько миль? И не является ли все это чудовищной ошибкой? — Я постаралась, чтобы эти вопросы не проявились у меня на лице или в моем голосе.

— Нам нужно найти комнату, — сказала я. — Скоро здесь будет Чейз. Нам нужно место, чтобы спокойно разработать стратегический план.

При других обстоятельствах я бы потратила много времени на размышления о том, как я снова встречу с Чейзом. Потому что все то время, что я знала его, чужие люди пытались разлучить нас. Но именно сейчас у меня не было времени думать о том, почему только при одной мысли о Чейзе кровь в моих венах становится горячей. И у меня не было времени на повторение, с каждым ударом моего сердца, ставшего привычным словом: *Мой. Мой. Мой.*

Сейчас я не должна была претендовать на то, чтобы вытеснить из головы Чейза мысли о Стае. Самым главным для нас стало возмездие.

Мы с Лейк заплатили за комнату наличными, и, подавляя в себе растущее чувство — Чейз приближается ко мне! — я, словно катаясь на «американских горках», начала медленно подниматься на самую высокую их точку, в предчувствии того момента, когда мир провалится подо мной, перейдя в вопящее, размахивающее руками, с сердцем-к-горлу-подкатывающим свободное падение... и мы встретимся с Чейзом глазами. У меня не было на это времени. Ни на что подобное у меня не было времени. Я находилась на расстоянии нескольких миль от человека, который убил мою семью. Того, который сломал жизнь Чейзу... и смеялся, когда издевался над ним.

Этот урод должен был умереть.

И с этой мыслью, не выходящей у меня из головы — да и у Лейк тоже, — мы коротали время в ожидании Девона и Чейза, устроившись в нашей комнате: двуспальная кровать, окон нет, кондиционера тоже нет. Надо отдать должное Лейк — она ничего не говорила ни о моем молчании, ни о эмоциях, которые, по всей видимости, отражались у меня на лице, пока часы отсчитывали минуты. Она просто вытащила пару ножей и начала точить их друг о друга — ритмичное *вжик-вжик-вжик* металла о металл создавало подходящий саундтрек к моим собственным яростным мыслям.

Смерть Бешеного не должна быть жестокой. Мечь — это наслаждение для тех, кто имеет превосходство, — мы же его не имели. Нас было больше, но Вилсон был старше. Он еще вполне мог не знать, что мы пришли, но он почует Лейк, Девона и Чейза в ту же секунду, как только они окажутся на расстоянии мили от его маленькой хижины в глубине леса. Обдумывая наше не самое выгодное положение, я отмахивалась от желания разорвать монстра на части. Обратни жить не могут без своих инстинктов. Единственным преимуществом, которым я обладала в этой игре, было то, что я не была обром. Когда нужно,

я могла думать как человек.

Мне не нужно было видеть, как убийцу моих родителей разорвут на части. Все, что мне было нужно, — это всадить ему промеж глаз серебряную пулю и еще несколько, в сердце и легкие, для полного комплекта.

Я так погрузилась в размышления, что почти не осознала то странное чувство, когда мир переворачивается вверх тормашками, желудок выскакивает наружу, а все волосы на теле встают дыбом, как будто попадаешь в центр электрической бури.

— Чейз! — Я произнесла его имя в тот самый момент, как Чейз открыл дверь нашей комнаты в мотеле. Потому что с той самой секунды, как я увидела его, я могла произносить только это слово.

— Брин! — Голос Чейза был грубее и глуше, чем в моих воспоминаниях. Казалось, что он оправился от того, что с ним сделал Бешеный.

Как я была не права, думала я, пересекая комнату, чтобы сократить расстояние между нами: я хотела еще раз удостовериться, что да, с Чейзом на самом деле все в порядке и мой блестящий план не разрушил его окончательно и бесповоротно. Увидеть его — это было совсем не похоже на стремительное падение на «американских горках». Я чувствовала себя так, как будто мою душу через нос вытаскивали.

Это было очень больно.

Чейз обнял меня, я нагнула голову и прижалась лицом к его руке, продолжая уверять себя, что вот он здесь, что Бешеный не уничтожил его, что я не подвела — так, как он никогда не подвел бы меня.

— О, тут вот какие дела! Бэби нашла своего Джонни<sup>[42]</sup> и совершенно внезапно забыла о такой незначительной вещи, как ее Самый Лучший Друг.

Во всем мире был только один человек, который мог произнести эту фразу с абсолютно невозмутимым видом. До тех пор, пока я не услышала этих слов, я не понимала, как я по нему скучала.

— Девон!

Как только имя Дева слетело с моих губ, Чейз напрягся, а Девон широко улыбнулся, создавая впечатление, как будто это не он злился всего лишь мгновение назад, когда я бросилась в объятия Чейза.

— Собственной персоной, — сказал Девон. — Вы говорите, мисс Бронвин — я исполняю. Всегда!

Поведение Девона свидетельствовало о серьезности момента — он явно не рассматривал присутствующих в качестве актеров на любительском представлении песни «Нет таких высоких гор».<sup>[43]</sup> И пока Девон не решил, что в данной ситуации не хватает веселых мелодий, я решила ускорить ход событий.

— Тебе, наверное, не стоило сюда приходить, — сказала я ему.

Когда я предложила Чейзу обратиться за помощью к Девону, я не продумала о том, как далеко это может зайти. Два обра-самца, предъявляющих определенные права на незамужнюю девушку — долгие часы, в одной машине. Если бы Чейз был рожден оборотнем и если бы мы с Девоном были больше чем друзья, они вряд ли бы добрались до Вайоминга целыми и невредимыми. И если мы, все четверо, умудримся пережить следующие несколько часов и схватку с Бешеным в дремучем лесу, Девону все равно придется столкнуться с тем фактом, что он покинул Арк Вэлли без разрешения и пришел ко мне на помощь, что само по себе было преступлением, по мнению Сената.

— Ты имеешь представление, что с тобой сделает Каллум, когда узнает, что ты пришел сюда? — спросила я Девона, проклиная себя за то, что втянула его в это дело, и за то, что не смогла предугадать, чем все это может кончиться.

Девон сверкнул глазами в ответ на мой вопрос, словно догадавшись, о чем я думала, и отвергая саму мысль о том, что он может остаться в стороне.

— Да, Брин, мне кажется, я прекрасно понимаю, что Каллум может сделать с тем, кто оказывает неповиновение Стае, — улыбнулся он.

А сколько еще мы не произнесли вслух! То, что Деву довелось увидеть последствия моего наказания, когда я валялась без сознания. И то, что его мать была тем самым человеком, кто отправлял это так называемое правосудие. И то, как гневался на меня Девон, когда я подвергла себя опасности, отправившись на встречу с Чейзом. И то, что задолго до того, как я стала — Чейза, я была — Девона.

Что снова натолкнуло меня на подходящую проблему.

— Ты — Стая, Дев. Ты — не периферийный, у тебя нет других связей. Ты — один из волков Каллума. Каллум может нас убить, но тебе будет еще хуже.

Стая Каллума могла сделать больше, чем просто убить Девона. Он был так крепко соединен с ее членами, что по приказу Каллума они могли использовать эту связь, для того чтобы уничтожить его разум. Они могли сделать так, что Девон сам захотел бы умереть.

Девон помолчал с минуту, потом провел рукой по волосам:

— В первый раз, когда я увидел тебя, ты вся была в крови. Я слышал, как Каллум сказал моему отцу, что это, должно быть, была кровь твоей матери. Потому что, когда Бешеный добрался до твоего отца, ты уже успела спрятаться под кухонной раковиной. Ты была вся красная и дрожала, и первый раз в своей жизни я почувствовал что-то вроде страха, исходившее от человеческого существа, животное испускает также флюиды перед смертью. — Девон взглянул на меня. — А потом ты посмотрела на меня, и, хотя мне было всего пять лет, я понял, что то, что с тобой сделали, это самое плохое из всего того, что мне доводилось видеть. И я понял, что я никогда не позволю никому обидеть тебя снова.

Поскольку это была моя битва, это была и его битва. И у меня не было права отказать Деву в этом. Ни тогда, когда я уехала из Монтаны, не сказав ни слова. Ни тогда, когда давала ему обещание заботиться о себе.

Мне перехватило горло. Чейз положил руку мне на плечо.

Девон никак не отреагировал на этот жест, напомнив мне о том, что, когда того требовала ситуация, он был (а) первоклассным актером и (б) был способен сдерживать себя. Я привела сюда Девона, точно так же, как я привела сюда Лейк, хотя без меня им было бы совсем неплохо. И они были бы в безопасности.

Множество самых разных образов врезались в мое сознание в один и тот же момент: Сора, олицетворяющая ужасное лицо правосудия Стаи; Эли, запирающая Чейза, чтобы у Каллума не появилось причины разорвать его на части; Лейк, свернувшаяся в комочек на полу рядом с моей кроватью; Митч, говорящий мне, что некоторые обры ведут себя не так, как надо по отношению к самкам; безумец в лесной чаще...

Господи, а что, если бы он схватил Лейк? Что, если бы Каллум разорвал Чейза на куски — просто ради того, чтобы помочь мне?

Я больше не могла этого выдержать, зная, что Лейк и Девон делали все, что было в их силах, чтобы защитить меня. Всегда делали. А я не могла ничего сделать для них. Потому что я была человеком. Слабым. Глупым.



Попавшим в ловушку, из которой не могла выбраться.

На этот раз я приветствовала возникшее у меня состояние клаустрофобии, <sup>[44]</sup> вспомнив, что в последний раз, когда оно накрыло меня, Чейз разорвал свою связь с Бешеным. В последний раз, когда я позволила этому чувству взять верх над собой, я восстановила свою связь с Чейзом.

*Ты можешь сделать это снова?* Этот вопрос, который однажды задала мне Лейк, был заглушен паникой, удушьем... потребностью не выживать, но защищать.

Я поднесла свою руку к руке Чейза, и связь между нами запульсировала. Без всякого предупреждения я внезапно осознала все свои связи с Девонем и Лейк.

Я чувствовала решимость Чейза, его желание следовать за мной повсюду, куда бы я его ни повела. Я чувствовала свою любовь к Девону, в печальных серебристо-серых тонах, и его любовь ко мне, яркую и горьковато-сладкую. Мою любовь к Лейк. Лейк — к Девону.

И Чейза — ко мне.

Я чувствовала свою набирающую силу связь с друзьями, так, как многие люди ощущают приближение дождя — глухой, неконтролируемый наплыв мощи, — и я все поняла. Наши связи со Стаей, с Каллумом оттягивали нас друг от друга. Они тянули нас вниз и заставляли тонуть, с веревкой вокруг шеи. Я издала беззвучный рев и увидела, как вцепилась в эти связи зубами, моими обычными человеческими зубами, и начала рвать их — точно так же, как Чейз разорвал узы, связывавшие его с Бешеным.

*Попалась. Бежать. Выжить.*

*Защищать.*

Рядом со мной рычал Чейз, и я чувствовала его, чувствовала нас, *Чейз — волк — Брин*. И мы отдали все, что было у нас, Девону и Лейк, и взяли взамен все, что имели они.

*Наши*, подумал Чейз, добавляя свою волю к моей. Потому что он знал, что я любила их. Он знал, что значит быть беспомощным и совершенно не способным защитить тех, кого ты любишь.

*Наши*, ответила я. И что-то взорвалось у нас в головах: волна осознания. Осознание преобразования мира. А потом, всего на одно мгновение, наступила тишина.

Первой пришла в себя Лейк:

— Уф! Знаешь, я на самом деле не уверена, что кто-нибудь еще может такое сделать, Брин. Если бы это было хотя бы теоретически возможно, мой отец давным-давно нашел бы способ, как наварить на этом.

Вряд ли. Нынче только у меня был этот козырь.

— Что здесь произошло? — спросил Девон, и в его голосе все еще слышалось изумление.

Я откашлялась.

— Я... ну, Чейз и я... мы... хм... мы перенастроили ваши связи со Стаей, — сказала я, надеясь, что Дев не сойдет с ума.

*Ты слышишь меня?* — спросила я беззвучно.

Девон кивнул: *Словно свои мысли. Твой голос... он не приходит снаружи, здесь нет никакого внешнего соединения. Он просто звучит у меня в голове.*

— Просто перенастроили связи... в этом все дело, — повторила вслух. — Это мы с Чейзом сделали.

Мы на самом деле смогли это сделать несмотря на то, что, когда я это делала в последний раз, вся стая Каллума на нас бочку покатила.

Лейк, не выдавая эмоций, подавила чувство благоговейного страха, которое я почувствовала на ее конце нашего соединения.

— Нас четверо. Значит, мы теперь можем считаться Стаей, так что ли? — спросила Лейк. — Потому что, если это так, нам нужно серьезно подумать о крутом имени для нее. — Дейв открыл было рот, но Лейк сразу же его оборвала: — Только никаких намеков на мюзиклы, бродвейский мальчик.

— Сей дамы речи уши мои оскверняют, — усмехнулся Девон. — Сгинь, мерзкая ведьма!

Лейк фыркнула:

— Я тоже тебя люблю, Дев.

Я не обратила внимания на этот обмен любезностями, так как задумалась над тем, что сказала Лейк: что мы с Чейзом в состоянии сделать то, что никто другой больше сделать не может.

На подсознательном уровне я предположила, что то, что я сделала со своим чувством Стаи, я смогла сделать только потому, что я была человеком — и я была Стаей, мы были тесно связаны, но в то же время мы были разными. Я потратила много лет на манипулирование этой связью, защищая свое сознание от Стаи Каллума. И вполне возможно, что именно я сделала Чейза другим. А может быть, потому что он был превратившимся, не оборотнем от рождения, он сам имел какое-то отношение к произошедшей с ним метаморфозе. А может быть, и нет. Может быть, все на самом деле сводилось к тому, что я поняла в самый первый миг, когда я его увидела распростертым на полу клетки.

Чейз и я — мы были одним и тем же.

*Хватит философствовать.* Голос Лейк у меня в голове — и, странным образом, он звучал совсем не так, как тогда, когда подруга говорила вслух. Голос был тихий. Не робкий, а скорее приглушенный.

Он принадлежал очень ранимому существу.

*Сосредоточься,* сказала мне Лейк, и я почувствовала, как она стала выходить из моего сознания, сжавшись так, как только она могла это делать.

Я кивнула и взяла бразды правления в свои руки.

— Бешеный здесь, в Горном Ручье, — сообщила я. — Его хижина стоит в лесу. У нас будет всего один выстрел.

Чейз прижал меня к себе, и мне стало интересно, осознавал ли он, что сделал это. А потом до меня дошло, что моя рука лежит на его бедре и я почему-то не могу заставить себя убрать ее оттуда. Я продолжала говорить со своими друзьями. Со своей Стаей.

— В последний раз, когда я вошла в чужую связь, она вызвала такую вспышку, которая всю Стаю вывела прямо на нас. — Я замолчала, дожидаясь, чтобы мои слова дошли до сознания Лейк и Чейза, и еще крепче сжала бедро парня. — Если то, что только что сделали Чейз и я, производит такой эффект, то время, имеющееся в нашем распоряжении, очень ограничено. Так что давайте двигаться быстрее. Лейк и я готовимся к нападению. У меня есть план. Ребята, сезон охоты открыт. Оружие к бою.

# Глава

## ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Мой план никому не понравился.

— Ты хочешь, чтобы мы разделились? — спросил Чейз. От замешательства его лоб покрылся морщинами.

Голос Лейк прозвучал глухо:

— Зачем нам разделяться? Нас четверо, а он один. — После небольшой паузы она поправилась: — Нас — три с половиной, он — один.

Три с половиной — это значило три оборотня и один человек.

Я сощурилась:

— Ради тебя, Лейк, я готова притвориться, что половинка — это Девон.

Дев, без сомнения самый сильный в этой комнате, просто пожал плечами, позволяя мне и дальше пребывать в заблуждении.

— Это все из-за моего маленького роста, — сказал он. И все его сто девяносто два сантиметра это подтвердили.

Немного успокоив уязвленное самолюбие, я снова обратилась ко всем:

— Да, численность у нас больше, но мы точно не знаем, сколько лет этому парню! Кому-нибудь из вас приходила в голову мысль, что мы вчетвером сможем одолеть Каллума?

Каллум все еще был для меня контрольной точкой отсчета, и, вполне возможно, он так и останется тем стандартом, сравнения с которым никто не выдерживал.

— Мы можем его сделать. — Чейз проговорил эти слова тихо, но их отголосок — беззвучный, шепотом перенесшийся из его сознания в мое — остался в моих мыслях. — Не Каллума. Пренсера. Мы, четверо, все вместе... я думаю, мы его сделаем.

Я на мгновение задумалась, прежде чем положить эту мысль на гильотину и опустить нож.

— И сколько из нас, как ты полагаешь, выйдут из этой стычки живыми?

Я почувствовала, как коллективная ярость друзей окружила меня. Плохо ли, хорошо ли, но теперь это была наша Стая. Мы не могли позволить себе никого потерять. Я бы умерла, если бы с кем-нибудь из них что-то случилось.

— Самый надежный для нас вариант выйти из этой переделки невредимыми — это разделиться, — сказала я. — Один входит в хижину и действует как снайпер. Другие врываются, как только цель поражена. — Я чувствовала, что мои слова убеждают, и продолжала давить: — Если мы пойдем все вместе, Бешеный поймет, что это нападение. Больше нет никакой другой причины, по которой три оборотня могут неожиданно появиться в его лесу. Если войдет один из нас, а другие задержатся, это будет считаться не более чем угрозой. — Лейк провела рукой по светлым волосам, закрутив «конский хвост» вокруг запястья. — Он не может ожидать, что мы так здорово вооружены.

Это можно было сказать почти с уверенностью. Лейк была единственным обром, которого я встречала в своей жизни, имевшим страсть к оружию. В человеческом обличье обры дрались очень редко, и, если повезет, Бешеный не будет ожидать продуманного нападения. Убийство одного оборотня другим с помощью нескольких прицельных выстрелов большинству обров показалось бы столь же невероятным, как и мысль о том, что обычные волки вдруг станут решать проблемы главенства в стае с помощью дуэли на пистолетах.

— Я пойду, — тихо сказал Чейз. — Меня он вообще за угрозу не считает.

Чейзу было непросто произнести эти слова, потому что они были правдой. Для Бешеного Чейз никогда не будет тем, к кому следует относиться с опаской или с уважением.

— Он может не воспринять тебя как угрозу, но будет знать, что ты идешь к нему, — сказала я, и мой голос был почти таким же тихим, как у Чейза. — Он учует тебя за милю и будет знать, что это ты. Он станет ждать. Он что-то придумает.

— Он не будет ожидать, что у меня есть ружье.

При слове *ружьё* Лейк прислонилась спиной к ветхому прикроватному столику и скрестила ноги.

— Ты стрелять умеешь? — спросила она Чейза.

Он пожал плечами:

— Прицелиться. Нажать на курок. Чего здесь сложного?

Дев вытянул вперед руку, словно желая сдержать Лейк, хотя та не шевельнула ни одним мускулом.

— Спокойно, девочка! Парень просто не знает, что говорит!

— Я пойду, — сказала Лейк, закатывая глаза. — Я лучше всех стреляю. В ответ на ее закатывание глаз Девон тоже закатил глаза. — И у меня самые высокие шансы выбраться оттуда живой, а Мистеру Кривляке следует понять, что кое-кто его вообще в упор не видит.

Дев был молодой, но он был чистокровный обр, и Лэнс тренировал его так же, как Каллум тренировал меня.

Я позволила Дэву и Лейк какое-то время потаращиться друг на друга и потом положила этому конец:

— Это должна быть я.

Все трое посмотрели на меня так, как будто я предложила пригласить Пренсера на торжественное чаепитие.

— Если кто-нибудь из вас окажется рядом с монстром, он поймет, что где-то прячется обр, — сказала я. — Если же он почувствует меня, он почувствует человека. За пределами Стоун Ривер большинство людей на расстоянии не догадываются, что я из Стаи. — Разница между моим запахом и запахом других членов Стаи была приблизительно такой же, как если бы кто-то побрызгался дезодорантом, а кто-то потел им, испуская запах через поры. — Монстр не заметит меня. Он, скорее всего, предположит, что я какой-нибудь паренек из города, бродящий по лесу на спор. — Я знала, что мне не следует останавливаться, чтобы не дать друзьям возможности вмешаться. — Кроме того, лучший стрелок после Лейк — я. Если пойду я, Бешеный не насторожится, он меня не узнает, и я сделаю его с первого выстрела.

Друзья понимали, что мои доводы были неопровержимы, но никто не хотел этого признавать.

Через мою связь с друзьями у меня появилось такое чувство, что каждый из них был бы не прочь вообще не допустить меня к охоте на монстра.

— Нет. — Я произнесла это слово вслух и одновременно послала его в их сознание. — У меня есть оружие, я умею стрелять, и я буду очень осторожна. Если я не смогу подобраться к монстру, я вернусь обратно. Он не захочет напасть на человека у себя на заднем дворе. Все его прежние жертвы жили более чем в ста километрах от Горного Ручья. Он живет здесь больше десяти лет. У него есть законный интерес — съездить в отпуск и перекусить. До тех пор, пока он не поймет, что я здесь для того, чтобы напасть на него, сам он не нападет на меня.

*И я, пообещала я безмолвно, не стану стрелять до тех пор, пока не буду уверена, что убью его.*

И все равно друзьям это не нравилось. Мне было прекрасно известно, что Девон любил покровительствовать мне, но я никогда не думала, что и Лейк всегда готова защитить меня и что в любом деле она заслонит меня собой в тот самый момент, как только появится опасность.

*Это. Буду. Делать. Я.*

А вслух произнесла только:

— Все, ребята.

— Ладно, — первым согласился Чейз.

Он наклонил свою голову к моей и толкнул меня носом — универсальный волчий жест для *возвращайся домой невредимой*.

Лейк пригвоздила меня к месту стальным взглядом:

— Ты только попробуй погибнуть — я найду кого-нибудь, кто умеет мертвых к жизни возвращать, верну тебя назад, всю из себя зомбированную, а потом сама тебя убью.

— Я совсем не беспомощна, — усмехнулась я ей, бросив взгляд на свои запястья.

Лейк кивнула.

Самым непреклонным оказался Девон.

— Я лучше себе голову обрею и стану выглядеть как тюремный охранник, чем позволю тебе сделать это.

Из них всех Девон защищал меня дольше всего. И он был единственным, кто видел меня после первой встречи с Бешеным. Где-то на поверхности его сознания я чувствовала этот образ — тощего, вымазанного в крови ребенка.

Сделав шаг назад, я резко вывернула запястья и, когда когти вышли, встала в боевую позицию.

*Я уже не та маленькая девочка, Дев. Я сильнее, чем тебе кажется. Ты не позволяешь мне сделать это, говоришь, что я беспомощная. Это ты делаешь меня беспомощной, и мне уже на самом деле надоело изображать из себя жертву.*

Затылком почувствовала, что я, может быть, заставлю Девона согласиться — точно так же, как я заставила Чейза не вмешиваться, когда Каллум приказал Соре избить меня. Но Дев обладал невероятной способностью долго таить обиду, и я не была уверена, что смогу с этим справиться.

— Ладно. Но! Бронвин Алессия Сен-Винсент Клэр, я не хочу, чтобы с вами что-нибудь произошло в мое дежурство.

Я улыбнулась:

— Мое упорство — это просто моя блажь?

— Я этого не говорил.

И почему-то я засомневалась, что на этот раз он шутил. Вместо ответа я повернула запястья внутрь, и серебряные лезвия со свистом спрятались в наручах.

Девон, Лейк и Чейз — они все были у меня в голове. Мои чувства — человеческие и поэтому приглушенные — путали их, и они, обгоняя друг друга, пытались понять, что происходит на самом деле. Но я верила, что они к этому привыкнут. Путь в лес я знала так же хорошо, как сам Бешеный, который жил в нем. Я видела тропинку его глазами, и, хотя тот взгляд был мимолетным, я обнаружила, что знание, таившееся за ним, закрепилось так, что я

ощущала близость к своей добыче даже сильнее, чем мне бы этого хотелось. Хорошо ли, плохо ли — но я знала, где искать Бешеного. Единственное, что было трудно, — стоять с подветренной стороны и не спускаться в низины. «Глок»<sup>[45]</sup> больно тер спину — серьезное напоминание о том, что с этого момента мы играем по-серьезному.

Насколько могла тихо, я двигалась по направлению к хижине Бешеного. Петляла на тот случай, если вдруг он меня услышит или почует, — не сразу заметит.

*Волк. Близко.*

Я не могла сказать с уверенностью, кто из сидевших в моей голове попутчиков послал мне это сообщение, но как только я получила его, то нутром почувствовала, что это так и было. Волк. Не Стая, а волк.

*Паленый волос и мужской одеколон. Детская присыпка.*

Я удивилась дополнительному компоненту в запахе Бешеного, но не позволила ему сбить меня с толку. Даже монстры могут отличаться пристрастием к гигиене.

Я припала к земле, скрывшись за деревом, и осмотрелась. С этого расстояния я хорошо видела хижину, которая оказалась значительно больше, чем та, которую я увидела в голове у Бешеного. Эта разница в размерах дала мне иллюзию расстояния, позволив забыть, насколько близко я подобралась в своем сознании к этому человеку.

Устроившись поудобнее, я внимательно осмотрела хижину, отметив все возможные места для проникновения внутрь. Если только Пренсер не решит сделать нам приятное, совершив вечернюю прогулку, я вряд ли смогу увидеть его.

Это молчаливое признание заставило завозиться троицу моих друзей, поместившуюся на задворках моего сознания, задействовать наши связи, заставляя меня позвать их.

Но я не позвала. Я заняла позицию и наблюдала.

*Волк, подумала я, почувствовав его. Детская присыпка, паленый волос и мужской одеколон.*

А потом я заметила движение за одним из окон. Недрогнувшей рукой я достала пистолет из-за пояса джинсов. Я могла различить очертания фигуры, но, принимая во внимание тот факт, что чувства у меня были человеческие, это легко могло оказаться креслом. А потом мне невероятно повезло.

Входная дверь открылась.

Я подняла руки, нацеливаясь пистолетом на дверь, палец начал нажимать на спусковой крючок, медленно и аккуратно, и я замерла в ожидании, когда появится моя жертва. В миле от меня Лейк, Девон и Чейз готовы были броситься ко мне. Чтобы защитить меня.

Ближе. Ближе. Ближе.

Дверь почти отворилась. Я уже почти видела... вот туловище...

*Нет.*

И тут разыграл инстинкт, поднявшийся откуда-то из моего желудка, словно подступившая к горлу рвота. Что-то было не так. Я чувствовала это. И пахло это совсем не так. Оно пахло...

Женщиной. Я слегка ослабила палец, лежавший на курке, совсем чуть-чуть, и в этот момент моя предполагаемая жертва вышла из дверного проема.

Это был не Бешеный.

Осознание этого потрясло меня, но пистолет я не опустила.

Девушка. Моего возраста, может, чуть старше. У нее были каштановые волосы и светло-серые глаза, и в чертах ее лица было что-то ужасно, до выворота кишок, знакомое.

*Мэдисон.*

Мой пистолет опустился сам по себе. Голова завертелась. Это было невозможно. Она официально была объявлена погибшей в возрасте шести лет. Бешеный так разбросал куски ее тела, что хоронить практически было нечего.

Не осталось ничего, кроме мелких кусочков плоти.

Я попыталась свыкнуться с этой информацией, соотнести девушку-подростка, стоявшую передо мной, с маленькой девочкой, но еще до того, как я смогла сделать это, меня, как ударом, поразило еще одно открытие.

Девушка была не одна.

Они один за другим выходили из входной двери, и до меня наконец дошло, что Бешеный был не единственный, кто жил в этом громадном доме, стоявшем в дремучем лесу.

С ним были другие люди. Дети. И все они были обрами.

Отступление не было закодировано в моей ДНК, как не было его у самого обычного оборотня, но здесь я больше не могла оставаться. Особенно после того, как я чуть не застрелила девушку, которая едва ли была старше меня на год.

Откуда Вилсон взял всех этих оборотней?

Ответ был очевиден. Я всегда предполагала, что Бешеный убивал тех, кто попадал ему в руки. Охотился на них. Насыщал свою жажду крови добычей более приятной, чем кролик или олень. Я полагала, что Чейз был ошибкой, вызванной помрачением рассудка Бешеного, и ему удалось вырваться и выжить.

Совершенно очевидно, что я была не права.

Вилсон не убивал детей, на которых он нападал. Он превращал их. Создавал собственную небольшую армию оборотней. В этом было что-то нездоровое.

Нездоровое и *невозможное*. Митч сказал тогда Кили, что был отмечено три, максимум четыре случая превращения людей в обрвов за последнюю тысячу лет. Один случай в двести пятьдесят лет!

А Бешеный каким-то образом умудрился превратить в обрвов множество детей.

Девочка, которую я чуть не застрелила — та самая, которая первой вышла наружу, почуяв меня, которая была моего возраста, моего роста, да и сложена, почти как я, *Мэдисон*, она могла быть мной.

Если бы Каллум пришел в мой дом несколькими минутами позже — все так бы и было.

*Выходи, выходи давай? Где ты спрятался, малыш? Я не сделаю тебе больно. Большой Злой Волк в конце концов всегда побеждает.*

Была ли я первой? Он дал мне возможность убежать? Хотел испытать способ, который он придумал, чтобы превращать людей? Может быть, для моих родителей это просто оказалось не то время и не то место? Может быть, они погибли из-за меня? Почему они не превратились? Если Бешеному были известны тайны превращения людей в оборотней, почему он использовал их только на детях? С взрослыми это не работало? Как шестилетнее существо могло пережить разрушительное влияние, которому оно подвергалось, чтобы запустить процесс превращения?

Моя Стая — мои друзья — набросилась на меня в ту же секунду, как я появилась в зоне их досягаемости. От их вопросов я теряла голову, но их прикосновения — едва ощутимые на моем лице, руках, ногах — почти успокоили меня, так что я была уже в состоянии что-то сказать. И не могла сделать этого из-за душивших меня рыданий.

Друзья слушали мои слова, впитывали их. Они позволили мне сломаться и снова

сложили меня — и все это за несколько секунд.

Я выпрямилась и откашлялась. Но когда я заговорила, мой голос все еще был хриплым от слез:

— Нам нужно будет придумать новый план. Как оказалось, численностью Вилсон нас превзошел, а не мы его. К тому же мы не можем убить его. — Я помолчала, потому что никак не могла произнести то, что собиралась сказать. — Там же просто дети.

— Один из нас должен вернуться к хижине, — тихо сказал Девон. Его голос, тихий и настойчивый, перекрыл мой. — Подойти к ней достаточно близко, чтобы почуять, сколько их там.

— Что это изменит? — спросила я, удивляясь, каким образом мы от занятий алгеброй и вопросов безопасности в Стоун Ривер перешли к охоте на монстра, и всего лишь за несколько месяцев. — Дюжина у Вилсона оборотней или сорок — какая разница?

По-любому, мы были побиты, подавлены численностью и ошеломлены. Короче, нас сделали. В таком вот порядке. И поскольку я была непосредственным исполнителем, я приняла ответственное решение, которое довела до своих друзей через свое сознание, да и просто движением глаз.

*Отступаем.*



Вернувшись в мотель, в нашу крошечную комнатку, я постаралась ввести ребят в курс того, что мы с Лейк нарыли в Интернете:

— Трудно подсчитать, сколько на самом деле этот парень совершил нападений. Имеется по крайней мере четыре или пять подтвержденных смертей — ну, там тела и все такое, — которые подходят под его профиль.

Это, скорее всего, провалы Бешеного. Люди, которых он пытался, но не смог превратить. А может быть, он и не пытался изменять их и его просто жажда крови мучила.

— Мы обнаружили еще несколько случаев нападений, где жертвы либо пропали, либо были предположительно признаны погибшими. Меньше дюжины, но больше шести человек. Но это не дает нам точного числа тех волков, которые живут в хижине у Вилсона. Кто знает, сколько еще нападений мы пропустили? Это ведь данные из Гугла, а не научные выкладки. Мы с Лейк не самые большие специалисты по сбору информации. Все, что на самом деле дало нам наше исследование, — это то, что почти наверняка Вилсон нападал на множество людей на самых разных территориях. Но их точное количество нам не известно.

Я подумала о базе данных по пропавшим детям, которую Лейк нашла в Интернете. Она была создана родителями, которые еще надеялись на то, что их дети найдутся. Сколько из этих «пропавших» детей погибло на самом деле? Сколько их было в Горном Ручье, подростки и менее человеческих, чем они были во время своего исчезновения?

— В хижине я видела пятнадцать или шестнадцать человек, — сказала я, припоминая. — Возможно, еще несколько было внутри. Самым маленьким было лет по пять, самым старшим, скорее всего, лет по семнадцать.

— Они все были женского пола? — спросил Чейз. На лице у него было странное выражение, как будто эти слова — *женский пол* — обрели для него абсолютно новое значение с тех пор, как он стал обром.

Я отрицательно покачала головой:

— Скорее пятьдесят на пятьдесят.

Лейк засмеялась, звук получился резкий и печальный.

— Половина от шестнадцати — восемь. Кажется, Кети и я уж совсем не такие особенные.

Лейк была права. Самка оборотня могла родиться только в том случае, если она имела близнеца. Но если вы будете знать секрет производства новых оборотней, то самок можно будет производить так же легко, как и самцов. Я подумала о том, что это будет значить для Стаи. Меньше жен из числа людей. Меньше смертность младенцев во время родов. Больше чистокровных оборотней. Более сильные волки.

Более сильный альфа, наконец.

— Кажется, я догадываюсь, почему Сенат пошел на сделку с монстром, — сказала я и почувствовала жжение в горле.

Оборотни жили так долго, что для них было совсем не важно, бывают или нет годы, в которые почти не производится живое потомство. Уровень рождаемости, каким бы низким он ни был, все равно был выше уровня смертности. Потому что обром было просто невозможно убить.

А увеличение численности Стаи? Попытка противопоставить себя Стае такой старой и большой, как стая Каллума?

Это была большая проблема.

— Другие альфы хотят увеличения численности своих Стай. — Я посмотрела на кончики пальцев, как будто они могли сказать мне, что это было неправдой. — Бешеный может увеличить их численность.

Внезапно я поняла, почему альфы на самом деле решили встретиться с Чейзом. Они захотели увидеть, чем превращенный оборотень отличается от оборотня рожденного. Они хотели знать детали нападения Бешеного на людей, потому что им хотелось выяснить, что знал этот монстр и чего не знали они.

— Бешеный не собирается делиться тайной производства новых оборотней. — Я произнесла эти слова решительно, я просто не смогла бы их не произнести, даже если бы была одна в комнате. — В тот самый момент, когда Бешеный скажет альфам, как производить новых волков, он больше не жилец на этом свете. И мы столкнемся с еще большей проблемой.

Один Бешеный, охотящийся на людей, — это плохо. А если с полдюжины альф будут этим заниматься, с такой проблемой даже я не смогу справиться.

— Хорошо, а если он не поделится секретом, что получают альфы, оставив его в живых? — спросил Чейз, и его голос звучал очень по-человечески.

Если он позволит своему волку овладеть собой, он узнает ответ.

Численность — это власть.

— Он обменивает *их*, — сказала Лейк, плюхаясь на кровать и подтягивая колени к груди. — Этих детей из хижины. Они — его козырная карта.

Я вошла в сознание Лейк и увидела, насколько это затронуло ее душу. Сколько раз она думала об этом: не может ли так случиться, что и ее собственный альфа решит обменять ее на кого-нибудь?

*Никогда*, беззвучно сказала я, вложив в это слово всю мою силу. Каллум был альфа из альф. И его первым инстинктом всегда было защищать.

*За исключением тех случаев*, напомнил мне тоненький голосок, прозвучавший у меня в голове, *когда он этого не делал*.

Все равно я не могла поверить, даже на секунду, что Каллум когда-нибудь мог отнестись к Лейк как к товару. Что он позволил бы кому-нибудь сделать ей больно, и не важно, что бы он получил взамен.

— А что если Бешеный не торгует этими детьми? — спросил Девон, меривший комнату длинными шагами. — Существуют две вещи, которые хочет получить любой доминантный волк: территория и Стая.

Именно из-за этого брат Девона ушел из стаи Каллума и перешел в другую стаю, где сразу после перехода у него появилась возможность бросить вызов и убить вожака. Нужда в территории и в Стае — это то, что Девону было очень понятно, и он до последнего момента скрывал это от меня.

— Дев прав, — сказал Чейз. Его голос стал задумчивым, и я поняла, что этот разговор все ближе и ближе подводит Чейза к переключению. — Зачем Пренсеру отказываться от своих волков, когда он просто может сделать себе новых?

Я почувствовала, что Чейз теряет контроль над собой, и бросилась к нему. Схватила

руками за грудки и обхватила своим сознанием — его.

*Останься со мной, Чейз. Останься человеком.*

Я не могла представить, что он будет делать в волчьем облике в такой маленькой комнате. В последний раз, когда он был так расстроен, его жажда охоты была непреодолимой.

*Останься со мной,* сказала я успокаивающим тоном. Мои слова прозвучали как что-то среднее между колыбельной и приказом. *Останься. Человеком.*

Я почувствовала, как где-то очень близко сердито заворчал его волк, и на какое-то мгновение мне показалось, что я его теряю, но как только я приложила руки к его груди, умоляя его успокоиться, его волк затих, и Чейз кивнул мне.

Брин!

Чейз!

Брин!

На какую-то долю секунды я задумалась над тем, что было бы, если бы мы остались в этой комнате одни. А потом заставила себя отойти от Чейза — я заметила, что Девон и Лейк были наготове, чтобы встать между мной и Чейзом и защитить меня, чего бы это им ни стоило.

Самое последнее, чего нам теперь не хватало, — так это драки между нами. Ставки на убийство Бешеного взлетели, и даже больше, чем я представляла себе раньше, потому что, если мы не убьем его сейчас, неизбежно последуют новые нападения. И их будет очень много, скорее всего. Он будет охотиться за новыми оборотнями, под заказ.

Почему Бешеный напал не на взрослых? Может быть, в этом и кроется секрет производства новых волков? Дети могут выжить, а взрослые — нет?

И теперь будет еще больше детей, которые потеряют все ради Большого Злого Волка.

Я оставила размышления на потом. Будь это так просто, альфы давно бы уже обо всем догадались. К тому же, даже если предположить, что Бешеный может изменять взрослых, то, с точки зрения альфы, чем моложе, тем, скорее всего, лучше. Процесс установления господства в Стае, утверждение своей власти среди других вожаков Стай — это все не в один день делается. Для тех, кто живет практически вечно, восемнадцать лет не самый большой срок, чтобы дождаться, когда кто-то повзрослеет. Чем раньше Стая установит над новичком контроль, тем больше влияния она может на него оказать.

Посмотрите на меня.

И я снова подумала о том, что то, что Бешеный сделал с Чейзом, он планировал сделать со мной, когда я была еще ребенком. Где-то в подсознании я всегда знала, что это было не случайное нападение и что монстр пришел в наш дом за мной. А мои родители просто оказались у него на пути.

*Выходи, выходи скорей! Где же ты?..*

Но почему я? Почему все мы?

Я взглянула в глаза Чейзу и увидела в них себя. С того самого момента, как я услышала его жалобный вой, я нутром поняла, что мы с ним — одно и то же. Я смотрела на Чейза и видела красную пелену его снов... и снов моих. Вспомнила, как инстинктивно включился мой механизм «бей или беги»<sup>[46]</sup> — дикое, беспощадное, бескомпромиссное желание выжить, которое я почувствовала и в его, и в своем сознании.

Альфы спрашивали Чейза, как на него напали. Они хотели это знать, потому что надеялись, что он скажет им нечто большее, чем то, что они узнали во время своих

предыдущих расследований. Бешеный охотился более десяти лет. За это время некоторые альфы могли о многом догадаться.

Они могли следить за Бешеным, чтобы узнать, как он возрождал к жизни этот едва колеблющийся огонек.

Я не помню того момента, когда мои мысли перешли в устную речь, — мои друзья без проблем понимали все без звука. Их сознание, их мысли — переплетались с моими.

— Может быть, Бешеный каждый раз проделывает это немного по-другому, — догадалась я, и меня обдало волной жара. — Лейк и я... мы раньше искали паттерны. А что, если паттерна нет? А есть просто сам факт, что все волки Вилсона должны были умереть. Что, если секрет вовсе не в нападении?

Никакой магической последовательности. Никакого рецепта, как правильно рвать тело.

— А что, если все дело в *жертве*?

Чейз и я были — *одно и то же*.

Мы делали все, что можно, чтобы выбраться из ситуации живыми и невредимыми. Нас загоняли в угол — мы ускользали. Нас ломали — мы со временем выпрямлялись. Мы боролись, мы держались, и в конце концов мы *оставались в живых*.

Я выросла в Стае оборотней, где все было сильнее меня, и все же до того самого дня с Сорой меня никто не трогал. А на тренировках, когда мне везло, я и сама могла отвесить пару полноценных тумаков взрослому обру. Когда Большой Злой Волк постучался у дверей моих родителей, я знала, что надо убежать и спрятаться. Когда мне ломали ребра, я не долго валялась на земле. Когда я отказалась драться, когда я стала противиться тому состоянию, когда все вокруг покрывается красной пеленой и моя внутренняя ярость вырывается наружу, я вырубилась на три дня. Когда ставки стали высоки и меня попытались подчинить чужой воле — я изменила всю иерархическую структуру в Стае.

Это не было естественным. Это не было нормальным. Это не было *по-человечески*, и когда я спросила Каллума об этом, он сказал мне, что моя связь со Стаей Стоун Ривер совсем меня не изменила, что я *осталась абсолютно той же, какой и была*.

Я была той, кто может выдержать нападение в полную силу любого оборотня.

Я была чертовски стойкая.

— Ребята, разве вы этого не поняли? — сказала я, и слова полились у меня изо рта, одно за другим, одно за другим. — Чейз и я... мы были одним и тем же. Мы — не обычные. Мы... — Мне не хотелось произносить слово *стойкий* вслух, и я быстро покопалась в памяти в поисках подходящей замены. — Мы — живучие. Наши мозги устроены не так, как у других, потому что на угрозы мы реагируем не так, как обычные люди. Если с нами что-то случается, мы деремся. Или убегаем. Дело в том, что, когда становится действительно очень опасно, мы с Чейзом с этим справляемся. И точно так же дети в хижине Вилсона. Их покусали, а они выжили.

Я не могла объяснить, каким образом я получила этот ответ или почему я так сильно верила в его правоту. Наверное, этому могли быть найдены какие-то объяснения. Но я просто верила в это, и поскольку в это верила я, то и три моих друга тоже в это верили.

— Дело не в том, как ты на них нападаешь, — сказала Лейк, подхватывая мою мысль. — Дело в том, на кого ты нападаешь. В этом есть смысл. Если только один из десяти тысяч людей может выжить, а нападения беспорядочны, только одно из десяти тысяч нападений может привести к Чейзу.

— А поскольку обры нападают на людей не так часто...

— Этого не происходит.

Я снова почувствовала Чейза, почувствовала, как волк заворочался под поверхностью его кожи. Но в этот раз он сам приглушил свои инстинкты, заменив их ледяной яростью.

— Если знаешь, на кого напасть, — тихо произнес он, — если можешь выяснить, что позволяет кому-то выжить, и выборочно нападаешь на этих людей...

*Охотишься на этих людей, как на животных. Как на добычу.* Я поднесла руку к щеке Чейза — мне хотелось прикоснуться к нему, чтобы он знал: я все поняла.

— Если знаешь, на кого нападать, — сказала я, заканчивая его мысль, и у меня на мгновение появилось такое чувство, словно мы были единственными людьми в этой комнате, — то делать новых оборотней на самом деле совсем не трудно.

Мне хотелось знать, как Бешеный находил этих людей — таких, как мы. И я не удивлюсь тому, что альфы, вроде Шея, сделают, если узнают, как находить нас.

Этого не должно случиться.

Бешеный должен умереть, и эта тайна должна умереть вместе с ним. Тогда и только тогда все станет на свои места. Обры перестанут нападать на людей, потому что люди, на которых они будут нападать, не смогут выжить. И пусть лучше новый оборотень будет рождаться один раз в двести лет, чем идти на риск быть пойманным и разоблаченным.

Бешеный должен умереть. Это была вариация одной и той же неотступной мысли, которая месяцами преследовала меня.

— Нам нужен план.

Я, очертя голову бросавшаяся в любое дело, начинала чувствовать себя заезженной пластинкой, повторявшей только три этих коротких слова. К сожалению, на настоящий момент плана у меня не было, поэтому мне пришлось разобрать ситуацию на части.

Цель: убить Бешеного.

Проблема: на внезапное нападение больше можно не рассчитывать, поскольку у Бешеного имелась по меньшей мере дюжина прикрытий, и не так чтобы совсем человеческих. Если мы нападём на Вилсона у его хижины, нам придется иметь дело и с его небольшой Стаей.

Проблема: мы не можем драться с детьми. Ни с Мэдисон, ни с остальными. Потому что они тоже были жертвами Бешеного.

— Мы должны либо поймать Бешеного, когда он выйдет из хижины, либо выманить из нее детей. — Это были два варианта, которые пришли мне в голову, и от обоих я не была в восторге.

— Проблема, — вслух сказала Лейк. — Если нужно будет выманить детей, чтобы напасть на Бешеного, нам придется разделиться.

Не стоит говорить, что после моей безуспешной попытки никому из моих друзей эта идея не понравилась.

— Да, проблема. — Сказав это, Чейз провел рукой по плечу. Сомневаюсь, что он это заметил. — Мы не можем просто так ждать, когда Пренсер выйдет из своего дома. У нас нет времени.

Я посмотрела на наручные часы, как будто это могло подсказать мне, сколько времени осталось до того, как Эли и Митч выяснят, куда делись Лейк и я. Или сколько времени потребуется Каллуму на то, чтобы среагировать на поступивший к нему в ту же секунду, как я перенастроила связи, Чейза и свою, сигнал бедствия. Раз уж так получилось...

— Проблема, — сказала я. — Если Сенат хочет предложить Бешеному сделку, то,

скорее всего, вожаки придут сюда, чтобы сделать это персонально.

Так всегда было со сделками, которые заключали оборотни. Как и в случае с моими договоренностями, альфам, заключающим сделку с дьяволом, потребуется некий ритуал.

— Ладно, мы не можем просто так сидеть и ждать, когда Бешеный выйдет из своей хижины, и мы не можем рисковать и разделяться, чтобы вывести его гарем на веселую прогулку... — усмехнулась Лейк.

Я не преминула отметить тот факт, что Лейк назвала волков гаремом, но касаться этой темы мне совсем не хотелось.

— Мы должны выманить Бешеного, — сказала я. Чейз наклонился ко мне, словно растение, тянущееся к солнцу. — Если мы не можем прийти к нему, мы должны сделать так, чтобы он пришел к нам.

*Сейчас.*

— Хм... — Девон ухмыльнулся. — Если я — оборотень-психопат, для которого фетишем является превращение маленьких беззащитных детей в декоративных собачек для собственного пользования, то что должно заставить меня покинуть мое счастливое маленькое семейство и пойти в город?

Где-то на краю моего сознания начал формироваться ответ, но еще до того, как я смогла озвучить свой план, Лейк и Девон пристально посмотрели на меня.

Я повернулась к Чейзу, ища поддержки. Он сидел с каменным, ничего не выражавшим лицом. Я взъерошила ему волосы и заглянула прямо в глаза, проникая в его сознание, воспринимая его возражения и объясняя, почему мне нужно это сделать.

— Тобой, как приманкой, мы пользоваться не будем, — сказала Лейк, с неохотой перетаскивая меня в мое собственное тело. — И не спорь со мной, Брин, потому что, если ты не хочешь, чтобы этот парень устроил для себя в лесу очередную вечеринку, тебе стоит согласиться, чтобы я выманила его в город. Ему просто нужно будет дать знать, что там появилась самка оборотня.

Лейк была права, да и выбора у нас не было. Самки Бешеному были не нужны. Он их не хотел. Но у него был бизнес по производству оборотней, и, совершенно очевидно, у него был способ, как идентифицировать тех людей, которые могут выдержать изменение. Людей таких, как я. Живучих.

Определив эту способность и тех, кто ей обладал, я успокоилась.

— У него там есть девушка, — сказала я. — Приблизительно нашего с тобой возраста. Ее зовут Мэдисон, и она погибла в возрасте шести лет. Не на самом деле, но так думает ее семья. Просто тогда закончилась ее жизнь. Ей было шесть лет. Мне — четыре. Насколько нам стало известно, нападение на меня было единственным, которое было прервано появлением других волков. Некоторые из жертв Бешеного могли погибнуть, некоторых нашли израненными. Так что я — единственная, кто остался совершенно невредимым. Бешеный не смог наброситься на меня, а ему очень, очень этого хотелось.

*Зачем прятаться от Большого Злого Волка? Я всегда смогу найти тебя.*

Но он не нашел меня. Не успел. Я достаточно хорошо знала обрив, чтобы понять, что хищники очень не любят бросать свою добычу. И если бы Каллум не забрал меня в свою стаю, Бешеный, скорее всего, пришел бы за мной снова. И снова. И снова. Пока не добился успеха.

Все это я произнесла вслух, и мои логические построения повисли в воздухе.

Кому быть лучшей приманкой? Конечно же тому, кому удалось вырваться.

— Я тоже вырвался, — сказал Чейз, взяв меня за руки и прижимая к себе, словно его проблемы могли решиться только в том случае, если он обнимет меня покрепче. — Сначала, когда он напал на меня, и еще потом, когда я оборвал связь с ним в своем сознании.

Чейз был прав. Бешеный точно захочет избить его. Захочет заставить его заплатить за свой проигрыш. Меня внутри как кислотой обожгло от одной мысли о том, чтобы позволить Чейзу играть роль приманки.

— Категорически нет. — Я была непреклонна.

— Чудесно, Брин! — воскликнула Лейк. — А ты лицемерка. По крайней мере, Чейз — не человек! Он хотя бы сможет себя защитить. А если этот парень тебя схватит...

— Не тычь мне в лицо моей человеческой природой, — огрызнулась я, взглянув подружке прямо в глаза. — Как ты себя почувствуешь, если отец запрет тебя где-нибудь в стеклянной комнате, потому что ты — самка, а оборотни-самцы крупнее и физически сильнее тебя? Вполне возможно, что Бешеный придет, если приманкой будет Чейз, но он придет, ожидая более серьезного сопротивления, чем он может ожидать от меня, его старой доброй подружки.

Поддержка внезапно пришла от самого неожиданного союзника.

— Брин права, — сказал Девон тихим голосом, и я подумала, что ему очень хотелось переключиться, но он себя контролировал. — Поверьте мне, я знаю, что говорю, хотя я и не хочу, чтобы она это делала. Девочка туго знает свое дело. Этот парень — больной на всю голову, и если он думает, что Брин ждет его в городе с бантиком на шее, он вряд ли сможет этому противиться. Даже если заподозрит здесь ловушку.

Чейз зарычал, и казалось, что это рычание перешло в горло Лейк. Никому из них этот план не понравился, и наэлектризованность воздуха дала мне знать, что очень скоро наши дебаты могут перейти в нечто совсем другое. Как только один из них переключится, все остальные переключатся тоже, и тогда разборки начнутся между волками, а не между людьми. Я знала, что волк Чейза думает обо мне, и сомневалась, что это пойдет на пользу моему плану.

*Защитать.*

*Защитать.*

*Защитать.*

— Отлично, я все поняла. Вы, ребята, хотите защищать меня. А как насчет тех детей, на которых Вилсон еще не напал? Вы кому хотите помочь — мне или им? Если мы не будем действовать достаточно быстро, если кто-нибудь здесь появится и остановит нас, вы прекрасно знаете, что произойдет потом. Между прочим, я тоже могу сопротивляться.

*Защитать.*

*Защитать.*

*Защитать.*

Я никого из них не убедила, даже Девона, который сначала поддержал меня.

— Я могу оказать сопротивление, — снова сказала я, — а вы, ребята, прикроете меня. Лейк притащила с собой целую кучу оружия, прямо оружейный магазин какой-то. У нас есть все виды оружия, какие только можно представить. Вы, ребята, будете держаться неподалеку, и, как только он покажется, вы сходитесь, и мы накачиваем его серебром до такой степени, что он им блевать будет.

Если друзьям хотелось защитить меня, они могли это сделать. Они могли быть моим резервом. Как только Бешеный появится в городе, я могу отойти в сторону и доверить

совершить убийство кому-нибудь другому. Но сначала его нужно заманить в город, и у нас был надежный шанс это сделать.

— Как он узнает, что ты здесь? — спросила наконец Лейк. — Мы же не можем объявление повесить.

Я взглянула на Чейза и подумала о том, как Бешеный выследил нас обоих, загнал в ловушку и чуть не убил.

— Как он нас вообще смог выследить? — спросила я, понимая, что это вопрос риторический. — Запах, генотип, <sup>[47]</sup> газета электронных объявлений в Интернете — мне все равно. Может быть, дар у него такой — находить живучих. Даже если ничего этого нет, все равно один из тех детей из хижины видел меня в лесу. Этот парень — охотник, и я буду очень удивлена, если он до сих пор не учуял мой запах. Он придет. Но чтобы быть абсолютно уверенной, я дам денег кому-нибудь в городе, у кого есть его телефонный номер. — В точно такой же степени сегрегированный, как и Арк Вэлли, этот городок жил по естественным законам небольших поселений. У каждого человека были телефонные номера всех остальных жителей, при условии, что у них имелся телефон. — Зайду в ресторан, в лавку или еще к кому-нибудь и попрошу хозяина или работника, кто будет, позвонить Вилсону и сказать что-нибудь вроде: «Тут одна девушка вас спрашивает. Говорит, что ее зовут Бронвин».

— Да, этого будет достаточно, — согласился Дев. — Вряд ли парень знал многих Бронвин в своей жизни.

Никому из ребят эта идея не нравилась, но на настоящий момент других у нас не было. Хоть это и ранило мое эго, но я действительно могла нанести больший урон Бешеному в качестве приманки, чем в качестве охотника. До тех пор пока он не подойдет, я была согласна с этим мириться. А потом я посмотрела на моих друзей по очереди, и они дали мне свое молчаливое согласие. При этом я прекрасно понимала, что, если со мной что-нибудь случится и за победу придется заплатить дорогой ценой, никто из них не сможет это пережить.

— Ребята, не смотрите на вещи так мрачно. Бешеный меня не убьет. Самое худшее, что может случиться, — он нападет на меня, и я изменюсь...

Слова повисли в воздухе, и моя напускная храбрость никого не успокоила. Даже меня саму.



— Принести вам еще чашку кофе?

Моя чашка была полной еще почти на три четверти, а официантка не побеспокоилась даже захватить с собой кофейник — шпионская миссия по сбору информации захватила ее целиком. В городишках вроде Арк Вэлли и Горного Ручья новых людей бывает немного, и с выражением глаз официантки я была хорошо знакома: этакая особая смесь скуки, любопытства и подозрительности. Она ни на секунду не задумалась, когда я попросила ее позвонить «мистеру Вилсону», и немедленно спросила: «Это тот, который живет в лесу?», издав при этом звук — что-то вроде *ум* и *угум*, — который я точно не расслышала.

— Нет, спасибо, я пока не хочу, — сказала я в ответ.

Официантка подождала мгновение и потом взглянула на меня — этот взгляд я много раз видела на лицах людей. Этот взгляд говорил мне, что я *другая*, пытаюсь по-своему это интерпретировать. По привычке я не отвела взгляда, и тогда женщина произнесла этот странный звук во второй раз. Ей хотелось посмотреть в другую сторону, но она никак, кажется, не могла себя заставить это сделать. Я наконец отпустила ее, уменьшив силу своего взгляда, но не отводя глаз от ее лица. Она опустила глаза, а я опять обратила внимание на свой кофе: слишком горький, на мой вкус, и очень пахучий.

— Как вам будет угодно, — промямлила официантка, и в ее тоне я почти услышала вопрос: *а ты ведь очень странная, не так ли?* — Мистер Вилсон просил передать вам, что он идет. — Акцент, сделанный на имени Бешеного, дал мне понять, что я была не единственной, кого эта женщина считала чужаком, и я уже не в первый раз задалась вопросом: почему люди доверяют своим глазам, а не инстинктам, хотя нутром чувствуют, что что-то не в порядке?

Вилсон был не просто *странный*. Он был психопат, и он не был человеком. А я была, и я сидела здесь, изображая приманку. Я уняла дрожь в руках и постаралась отвлечься.

*Вы это слышали, ребята?* беззвучно спросила я, посылая свою мысль друзьям, в надежде, что они не заметят моего учащенного сердцебиения. *Бешеный идет.*

И откуда-то из города получила положительный ответ Девона, Лейк и Чейза. Их убивало то, что они должны были ждать, оставив меня одну в этой дешевой забегаловке, но Бешеный мог не прийти, почувствуй он, что у меня есть поддержка. Поэтому ребятам приходилось находиться довольно далеко от этого места, чтобы маньяк не почувал их до самого последнего момента. Как только Бешеный войдет сюда, я начну тянуть время. Девон, Лейк и Чейз займут свои позиции, и потом я позволю Бешеному вывести меня наружу. Он почувствует приближение ребят, но ставка была на то, что, раз уж он увидел меня, раз уж я была близка к тому, чтобы снова попасть ему в лапы, он не сможет просто так взять и уйти.

*Защищать.*

*Защищать.*

*Защищать.*

Моя Стая — такая маленькая — хотела прийти. Они хотели прийти *сейчас*. Их волки боролись за власть, скрежетали зубами, прорывая себе путь на поверхность.

*Спокойно,* сказала я им, и от этих моих слов все успокоились. Стали ждать. Скоро, очень скоро они бросятся в атаку.

Я сидела в забегаловке пять минут, десять, пятнадцать, выпила еще две чашки кофе, пока наконец в кабинку не проскользнул человек с каштановыми волосами и карими глазами. Он уселся напротив меня. Я почувствовала, что Чейз, Девон и Лейк освободились и изо всех сил бегут сюда.

Пять минут.

Я должна задержать Бешеного всего на пять минут.

— Ты меня искала, малышка?

Я узнала его голос — я слышала его во снах Чейза: *Меняйся. Обратно. Меняйся. Обратно.* И мне стало беспокойно оттого, что он назвал меня «малышка». Такое выражение нежности позволил себе Каллум в ту ночь, когда спас меня от челюстей этого человека. И еще больше меня беспокоило то, что вблизи Вилсон не был похож на монстра. Он выглядел как обычный человек, и все его отвратительные черты из моих снов — вымазанные кровью зубы, сверкающие злобой глаза — переплавились во что-то совсем уж заурядное. Он мог быть Каллумом, или Чейзом, или тем, кого я когда-то называла «папочка». Он мог быть Кейси, прилаживающим видеокамеру для наблюдения за няней в комнате у близнецов.

Монстр под моей кроватью, волк, преследовавший меня в моих ночных кошмарах, тот, кто в одну ночь изменил всю мою жизнь, он выглядел совсем как человек, хотя он не должен был так выглядеть.

— Ты сделал мне больно, — сказала я. Я не так планировала начать наш разговор, но ничего лучше придумать сейчас не могла.

— Этого совсем не было в моих намерениях — делать тебе больно, — сказал мужчина. — Я хотел дать тебе кое-что. Подарок. — Он помолчал. — Я бы стал заботиться о тебе.

*Зубы рвут горло папочки. Кто-то смеется.*

*Выходи, выходи давай! Ну, где ты там? Большой Злой Волк все равно в конце концов побеждает.*

— Лжец!

Я была у него в голове. Я видела Мэдисон его глазами, чувствовала, как он получает удовлетворение от вида покрытых кровью маленьких несчастных детей. И я поняла, просто взглянув на него, что это был человек, который убивал задолго до того, как нашел ключ к производству новых волков. Очень может быть, что нападение на мою семью не было его первым нападением. Возможно, до этого были другие нападения, и в них кто-то выжил, и он заметил, что это не простое совпадение. Может быть, он и не планировал никогда оставлять кого-то в живых, но если кто-то выжил, что ж, теперь у него есть хороший кусок пирога, и он может съесть его. Убивать людей, а потом их использовать, как свою личную охрану. Он мог удовлетворять свою жажду крови и быть царем своей собственной горы.

Я не хотела сидеть с этим человеком за одним столом. Я не хотела, чтобы он смотрел на меня.

— Почему ты попросила меня прийти сюда? — спросил Бешеный.

У меня была заготовлена одна история, которая должна была отвлечь его и не дать почувствовать, что мои друзья приближаются. Что они почти уже заняли свои позиции.

*Еще две минуты, Брин. Две минуты, и мы на месте. Выведи его из ресторана и сваливай.*

— Я искала тебя, потому что хочу, чтобы ты сдох, — усмехнулась я, уставившись в чашку с кофе. Хотела, чтобы он почувствовал вкус правды. — За то, что ты сделал со мной.

И с Чейзом.

— Ах да, Чейз! Правда смешное имя, тебе не кажется?

Бешеный пытался шутить. Он пытался казаться человеком. Ему было все равно, что я ненавидела его. Кажется, ему это даже нравилось.

— Почему Чейз? — спросила я его. — Почему я? Почему мы все?

Я знала ответ, но хотела услышать это от него.

Вместо этого Бешеный улыбнулся:

— Я тебе дома скажу.

*Дома.*

Значение слов дошло до моего сознания. Этот человек пришел в город, чтобы увести меня с собой.

— Я могу закричать, — сказала я. — Ты ведь не захочешь испортить свою репутацию в этом городе, не так ли? Если увидят, что ты насильно уводишь меня, полиция за тобой в лес точно придет.

— А если ты закричишь, малышка Брин, ты привлечешь внимание публики, и твоим маленьким друзьям будет значительно труднее целиться в меня.

*Сейчас, Брин!*

Ребята были готовы. Они заняли позиции. И Бешеный знал это.

— Ну что, пойдём на улицу? — спросил он.

В тот момент у меня был выбор. Если я решу остаться здесь, я буду в безопасности, но каким-то образом я знала, что монстр найдет способ перехитрить нас. Найдёт запасной выход, прикроется кем-нибудь... в общем, сделает что-нибудь, чтобы свалить в ритме вальса и лишит нас единственной возможности расправиться с ним.

И я пошла с ним. Он обнял меня за плечо и, как заботливый папаша, повел меня из ресторана, оставив официантку *умкать-угумкать* нам вслед.

На улице его рука еще крепче сжала мое плечо, но я выскользнула из захвата и бросилась на землю, откатываясь от него.

Прозвучал выстрел, но каким-то образом Вилсон, нет, Пренсер — я его не боялась — сделал ложный выпад в сторону, и пуля просто чиркнула ему по плечу. Он схватил меня за руку и помчался изо всех сил.

Я вывернула запястья — лезвия выскочили и вонзились ему в бок. Он выпустил мою руку. Я размахнулась и направила лезвия ему в подбородок.

*Брин, не загораживай его. Мы не можем прицелиться. Ты ранила его, сваливай.*

Вилсон схватил меня за запястье, вывернул его. И, по какому-то нелепому совпадению, он сделал это так, как обычно делала я, чтобы убрать свои когти. Я ударила его другой рукой и почти смогла поднести лезвия к его груди, но он, поняв, что нужно делать, выбил лезвие из моей руки.

Бешеный крепко держал меня за запястья. Я отскочила назад, пытаюсь дать ребятам возможность прицелиться и выстрелить. На монстра градом посыпались серебряные пули: какие-то попали, какие-то — нет. А он притянул меня к себе, используя вместо щита — от пуль и взглядов людей, начавших высовываться из соседских окон.

— *Дерись!* — прошипел Бешеный прямо мне в ухо. Голос у него был писклявый. — *Дерись, дерись, дерись, и красным станет все...*

Пальцы монстра впились мне в шею, и он, наверное, надавил на какой-то нерв, потому что в следующее мгновение — всего лишь второй раз в моей жизни — я потеряла сознание.

Только на этот раз у меня не было гарантий, что я останусь человеком, когда приду в себя.

*Снова ручей Мертвеца, снова я плыву по течению, только на этот раз вода красная, небо — пустое, ни одной звездочки не видно.*

*Вообще-то я не должна здесь находиться.*

*Чувства смутные, я не могу вспомнить, что произошло и почему я была здесь раньше, но как только я погружаюсь в красную глубину и начинаю дышать, мой рот наполняется вкусом крови.*

*Нет, не мой рот, чей-то еще — кривляющийся и вопящий. Рот Чейза. Потом Девона. Потом Лейк. Я по очереди запрыгиваю в их тела и сознания, перепрыгиваю из одного в другого, пока не взрываюсь и не оказываюсь в тех всех сразу.*

*Нападение с дальнего расстояния не сработало. Вилсон держал меня слишком близко к себе, и ребята не могли прицелиться и выстрелить, боясь попасть в меня. Тогда Лейк отбросила ружье и выхватила нож.*

*Однако Вилсон двигался слишком быстро. Бежал даже быстрее, чем ребята. Чейз взревел и прыгнул вниз с ветки дерева, откуда стрелял, затаившись. В секунду его человеческое тело приняло форму волка.*

*Быстрее на этот раз. Быстрее. Еще быстрее. Спасти Брин. Брин... Брин... Брин...*

*Мысли волка туманнее, чем мысли Чейза, его связь с Девонем и Лейк не помогла ему остаться в человеческом образе.*

*Ребята все вместе побежали за Вилсоном, но вдруг взрыв — и монстр исчез.*

*Я плыву по течению. Я под водой. Не могу дышать. Не могу дышать. Нужно подняться наверх, подняться наверх...*

*Конец.*

Очнувшись, я поняла, что привязана к стулу. Во рту вкус крови. Потребовалось какое-то время, чтобы понять — кровь не моя. Вилсон был ранен — серьезно! — и держал меня слишком крепко.

Я сплюнула.

Не хотелось, чтобы хоть самый маленький кусочек этого монстра находился во мне. Но крови его я хотела. И как можно больше.

Я осмотрела себя — мало того что я была связана по рукам и ногам, так еще и на запястьях ничего не было. Монстр забрал мои наручи. У меня засосало под ложечкой, я закрыла глаза, мысленно ощупала себя и поняла, что все остальное оружие у меня тоже было изъято.

Так, осталось проверить одежду.

Голые руки и ноги привели меня в ужас, и я испугалась, не раздета ли я догола. Но ощущения, поступавшие из разных частей тела — он *крепко* скрутил меня, — сообщили мне о том, что голой я не была.

Но и моей одежды на мне тоже не было.

Должно быть, в поисках оружия Вилсон раздел меня, а потом одел в чужую одежду. На мне было платье.

Платья я ненавидела.

А это все было в ленточках и оборочках — в такие платья маленьких девочек наряжают

в пасхальное воскресенье, — к тому же оно было явно не моего размера.

— Он такие специально сшил, — произнес чей-то спокойный голос. — Ему нравится, когда мы их носим.

Я посмотрела на источник этих слов.

— Мэдисон! — воскликнула я, и при звуках это имени девушка вздрогнула. — Я не сделаю тебе больно, — продолжила я, стараясь, чтобы мой голос звучал тихо и нежно. Все это выглядело довольно нелепо, ведь я была невооруженным человеком, привязанным к стулу, а она и сама была оружием. — Я здесь, чтобы помочь. Мне нужно, чтобы ты объединилась со мной. Я знаю, что с тобой случилось. Я знаю, что он сделал, и тебе...

— Он приказал мне этого не делать, — сказала Мэдисон, голос у нее был глухой и опустошенный, и мне захотелось понять, что случилось с девочкой, которая любила оранжевый цвет, щелкать пузырьками упаковки и макароны с сыром. — Он сказал не объединяться с тобой, а мы должны делать то, что он скажет. Он — у нас в головах. — Девушка помолчала и потом заговорила снова, и голос ее звучал совсем не так, как у обычного человека. Он звучал как-то механически, что ли. — Он хочет для нас самого лучшего. Он — альфа. Он наш Создатель. Он нас защищает.

Каллум привел Чейза в Стаю Стоун Ривер, научил его бороться с Бешеным, а у Мэдисон не было другого альфы, чтобы защитить ее от Вилсона. Она не могла послушаться его. Спор с ней мог завести куда угодно.

— А что он сказал тебе на самом деле? — Никто лучше меня не знал, как не исполнять приказов без последствий и вешать лапшу на уши.

— Он сказал: «Не объединяйся с ней, не помогай ей, сделай ее красивой». — Мэдисон обняла себя руками за плечи и сделала шаг назад. — Он сказал, что сегодня твой день рождения.

— Это точно, Мэдисон. Сегодня малышка Брин переродится. Станет твоей сестрой. Здорово, правда? Если бы с первого раза все пошло так, как надо, она учила бы тебя прыгать через скакалку.

Тот самый голос. Ему уже не надо притворяться обычным человеком. И хотя сами слова были вполне доброжелательными, тон их был зловещим, и от этого мурашки поползли по телу.

Безумный такой голос.

— Скажи остальным, чтобы приготовились, — сказал монстр девушке. — Из-за всей этой неразберихи ее маленькие друзья слишком долго остаются в городе.

Он замолчал, и девушка повернулась, чтобы выскочить из комнаты, словно она пыталась не услышать того, что — она точно знала — он скажет ей в конце.

— Когда они придут сюда, убей их. И другим скажи. Это приказ.

На мгновение на лице девушки появилось знакомое выражение, и мне показалось, что я вижу себя или Чейза. Она хотела сказать «нет». Она хотела взбунтоваться. Она ненавидела его, но ее волк не позволял ей бунтовать, а где-то в подсознании крепко сидело напоминание, постоянное, никогда не стихавшее: в течение многих и многих лет повторявшиеся слова о том, что он сотворил ее. Эти слова снова и снова напоминали ей: вот что случится с тобой, если попробуешь оказать неповиновение.

*Убей их. Скажи другим. Это приказ.*

Я не знала, сколько других было на самом деле, но знала, что их было больше, чем моих друзей, и что те, кто был на моей стороне в этой маленькой войне, никогда не нападут,

чтобы убить — потому что маленькие солдаты Вилсона тоже были его жертвами.

Мой мозг взбунтовался против самой мысли о том, что Бешеный приказал своим волкам убить моих друзей — отчасти потому, что мне не хотелось, чтобы это оказалось правдой, и еще потому, что в этом не было никакого смысла. Как бы я врезала этому психу за то, что он пытается подчинить себе Чейза и овладеть его сознанием, да еще втемную предъявляет претензии на Лейк и Девона. Вообще-то, как Вилсону было известно, Лейк и Де принадлежали Каллуму. Он мог убить их за то, что они зашли на его территорию, но предъявить на них претензии как на свою собственность права не имел: это будет равносильно объявлению войны между оборотнями. Может, Сенат и проголосовал за сделку с этим человеком, но если Бешеный будет красть волков из стаи Каллума, Сенат совершенно точно займется этим вопросом. Это будет прямой вызов, и у Каллума будут развязаны руки, чтобы решить этот вопрос так, как ему захочется. Другими словами, это будет просто натуральное самоубийство, и я начинала подозревать, что этот псих был значительно умнее, чем мне казалось.

Так ничего и не решив, я обратила свое сознание внутрь, пытаюсь найти остальных — мою Стаю. Мне нужно было предупредить ребят, что волки Вилсона получили приказ убивать. Их голоса врезались в мои уши, словно цунами: *с ней все в порядке... Брин очнулась... сукин сын... эти люди... сумасшедшие... бежать... нельзя их ранить... не могут переключиться... они... люди.*

Отлично. Местные жители, наверное, каким-то образом отреагировали на драку с перестрелкой, но однако же Бешеный смог ускользнуть вместе со мной, оставив моих друзей разгребать это дерьмо.

— Тебе, наверное, интересно, куда делись твои друзья? — спросил Вилсон, подтащил к себе стул и уселся прямо напротив меня, как будто мы собрались приятно поболтать за чашкой чая с печеньем. — Знаешь, после того как мы так изящно смылись — эти грязевые бомбы просто чудеса творят со зрением оборотней, — твоих славных защитников в городе поймали. Люди в Горном Ручье меня не любят, но пришлых они любят еще меньше. Особенно тех, которые приходят вооруженными и устраивают стрельбу на Мейн-стрит. Я в основном занимаюсь своими делами. А вот твои друзья... ну, ты же сама видишь, так что кое-кому может прийти в голову, что они на самом деле опасны. Я даже не могу представить, что будет, если кто-нибудь послал за шерифом. Его так легко подкупить, но только парень он непростой: сначала стреляет, а потом деньги требует.

У меня в мозгу промелькнула картина — Девон, с поднятыми вверх руками, собирается бежать, а со всех сторон к нему приближаются какие-то люди.

— Да ты не бойся, — сказал Вилсон, — шериф серебром не стреляет.

Я попыталась послать эту информацию своим друзьям, но их сознание было переполнено. Я не могла войти внутрь, не могла рисковать, отвлекая их, натягивая связь между нами. В данный момент проблемой для них были местные жители. Чтобы добраться до меня, им нужно было сбежать от местного шерифа — любителя побаловаться пистолетом, и, поскольку каждому из нас это вколачивали с детства — обры не охотятся на людей, — им приходилось сопротивляться.

— Очень хорошо, что нам удалось оттуда вовремя сбежать, — сказал Вилсон, поднимая руку, чтобы прикоснуться к моей щеке. Я отдернула голову, и он улыбнулся. — Представляю, о чем ты думаешь. Хотелось спастись любой ценой. Выбраться без единой царапины из драки, в которой ты должна была бы погибнуть.

Монстр попытался заглянуть мне в глаза, и если бы я уже не знала, что дети в его доме были такими же, как я, то теперь бы мне точно все стало ясно.

— Несколько волков Каллума как-то попытались убить меня. Ты тоже была там. Правда, я сомневаюсь, что ты помнишь об этом, но одно могу сказать — на следующий день я снова вышел на охоту. Некоторым людям с рождения присуще оставаться в живых. Они упорны, у них все получается, и они никогда не сдаются. Ты — одна из них. Я тоже.

Вилсон ухватил меня за подбородок и заставил посмотреть сначала на него, а потом в него. Сначала я увидела его волка, притаившегося у самой поверхности и вертящегося волчком в предвкушении охоты. Но потом, через несколько секунд, я заметила что-то еще. И почувствовала вспышку осознания. Спазм, как от чего-то близкого.

Мы были одним и тем же.

— Нет, — громко сказала я. — Мы совсем *не похожи*.

Но это было. Между нами не было связи, но было что-то вроде притяжения похожего к похожему, тот самый магнетизм, который привел меня к Чейзу в подвале.

— Обратни и люди не очень сильно отличаются друг от друга, — сказал Вилсон. — Большая часть наших ДНК одна и та же. Ты выросла в Стае и, скорее всего, не знала о многих человеческих способностях. Но они существуют, и точно так же, как наши человеческие двоюродные братья бывают талантливыми, некоторые из обратной тоже рождаются неординарными. — Он улыбнулся. — Большинство из них становятся альфами, как твой Каллум.

Каллум, у которого был дар видеть будущее. Точно так же, как Кили обладала даром развязывать людям языки, а я — выбираться невредимой из неприятных ситуаций. Я, как и этот Бешеный, обладала даром не погибать.

— Но я не хочу говорить о Каллуме, — сказал Бешеный, не желая, чтобы я отвлеклась от его откровений. — Я хочу поговорить о нас. Ты хоть представляешь, насколько ты необычна? Как ты исключительна?

Какая разница? Мне все равно, одна ли я на десять тысяч или на миллион.

— Я живучая, — сказала я. — Я выживаю тогда, когда другие не могут выжить. Я — как неваляшка. Меня очень трудно убить.

— И ты думаешь, что это все, Брин? Ты что, на самом деле думаешь, что в этом ты вся? Что ты просто такая крутая и тебе все время везет? Да брось! Ты просто подумай. Скажи мне, разве ты не чувствовала этого раньше, как оно ползло по твоей спине, нашептывало тебе на ухо, овладевало твоими конечностями, зрением, твоим страхом, твоей яростью... — Вилсон говорил о своем инстинкте выживания, как будто он принадлежал какому-то другому существу. Как будто это было что-то священное. Как будто он не был сумасшедшим, открывшим в насилии ни больше ни меньше как олицетворение чего-то первозданно жестокого. — Мы — избранные. Скажи, что ты этого не чувствуешь. Скажи, что ты не чувствуешь этого, когда смотришь на меня, когда ты смотришь на мальчика, которого я послал к тебе.

Чейз не смог сбежать от Бешеного. Бешеный набросился на него и оставил истекать кровью на тротуаре, зная, что Каллум все приведет в порядок и что рано или поздно, если Чейз станет частью Стаи Каллума, мы, двое, встретимся.

Чейз не смог вырваться от Бешеного. Бешеный послал его ко мне.

Нет. Я не позволю запятнать то, что было между мной и Чейзом. Я лучше умру.

— Думаю, что теперь это объясняет, как ты их находишь, — сказала я, стараясь, чтобы

мой голос звучал как можно более равнодушно. — Свои жертвы.

— Я нахожу их точно так же, как и ты бы их находила, — парировал монстр. — Как будешь находить их ты, когда станешь моей. Подобное к подобному. Я так долго ждал, когда появится кто-нибудь достаточно сильный, чтобы помогать мне, кто-нибудь столь же необычный, как я сам. — Он наклонился вперед и прикоснулся к моим волосам. — Как человек ты великолепна. Такая храбрая. Такая сильная. Я должен быть благодарен Каллуму за это, правда. А как обр ты будешь принцессой. — Он вздохнул. — Моя принцесса!

Меня передернуло. Я, как могла, боролась с тошнотой. В моей голове рычали друзья, и связь между нами пульсировала — яркая, словно молнии в моем мозгу.

Ребята удрали от шерифа с наименьшими потерями — пуля едва коснулась бока Девона, и рана уже начала затягиваться.

*Держись, держись, держись*, говорили они мне. *Мы идем.*

*Нет*, отвечала я. *Вы не понимаете.*

Я умоляла, чтобы ребята полностью вошли в меня, взяли мои мысли и знания как свои и поняли, против кого они выступают.

Не просто против стаи оборотней. А против стаи Живучих Оборотней — с заглавной буквы, — которые в момент опасности теряют разум. Из всех остальных моих «я» только Чейз обладал таким преимуществом. Девон был чистокровкой, Лейк — бойцом, но их инстинкты борьбы, выживания, *победы* были не сильнее, чем у обычных оборотней.

— Они идут, — произнес вслух Вилсон. — Твои друзья. Я чувствую их. Я чую их запах. Они пахнут яростью. Кровью.

— Ты тоже так пахнешь. — Я взглянула монстру в глаза и улыбнулась. — Хоть ты и весь из себя такой крутой, — сказала я, нарочно используя эти слова, чтобы принизить все, что он только что мне сказал, — но аллергия на серебро у тебя еще имеется, не так ли? Пару пуль в тебя всадили? Всадили. Я у тебя из бока кусок приличный выдрала? Выдрала. Тебе, наверное, сейчас очень больно.

Его кулаки врезались в меня, опрокинув на пол вместе со стулом. Моя голова стукнулась об пол, и из глаз посыпались искры. Потом все прояснилось, и я увидела Бешеного, стоящего надо мной, и глаза его уже начинали желтеть.

— Мне понравится изменять тебя, — усмехнулся он. — И когда я это сделаю, мы окажемся связанными с тобой до такой степени, что ты даже не можешь представить. Если ты думаешь, что твоя связь со Стаей Каллума очень крепкая, то ты ничего вообще в жизни не понимаешь. Обычная связь со Стаей не идет ни в какое сравнение с тем, что есть у нас. Обычное повиновение — ничто по сравнению с долгом перед своим Создателем.

Монстр имел власть над Чейзом даже тогда, когда Каллум объявил, что Чейз — часть Стаи Стоун Ривер. Я была абсолютно уверена, что *точно* знаю, как крепка связь между измененным оборотнем и тем, кто изменил его. Чейз разорвал ее — с моей помощью и с помощью Каллума. Если этот психопат изменит меня, придется сделать то же самое.

Вместо того чтобы потрясти меня, Вилсон снабдил меня весьма ценной информацией. Он сообщил мне, что не знал, что я сделала со своим чувством Стаи. Он не догадывался, что я изменила эту связь, соединив себя — в первую очередь и в основном — с Чейзом. Он не знал, что то же самое я сделала с Девоном и Лейк. Бешеному казалось, что он знает почти все о том, что значит быть живучим, но знал он только одно — как драться, уродовать, убивать. Он не знал, как взглянуть на чувство Стаи и понять, что оно угрожает его безопасности. Как напасть на них. Как убежать.



Он не знал, что я делала это раньше, не знал он и того, что если он изменит меня, то я снова сделаю это.

Это именно *он* был тем, кто совершенно не представлял глубин того, чем он был, чем была я, чем были все эти дети.

Он был тем, кто не представлял, с чем связался.

— Твои друзья уже здесь, — сказал мне Вилсон. Как будто я этого не знала. Как будто я не чувствовала их приближения. Как будто я не могла видеть окружающее их глазами — всеми сразу. Истекающие кровью и вооруженные до зубов они шли ко мне, и сейчас им было наплевать на то, что волки Вилсона тоже были жертвами.

Любой, кто стоял между ними и мной, был дичью, охота на которую разрешена.

*Нет*, хотела сказать я, *не убивайте их*. Но как я могла это сделать? Как я могла связать друзьям руки, когда ждавшие снаружи волки готовились убить их?

— Вот теперь ты видишь, — сказал Вилсон, поднимая мой стул. — Теперь ты понимаешь. Мы очень сильны. А сила в ком? Сила — во мне!

*Во мне.*

*Во мне.*

*Во мне.*

Слова эхом отдались в моем сознании, и в ту же секунду я поняла, что нужно делать.

Я подумала, что Вилсон на самом деле не представлял, что значит быть живучим. Он не знал, как это можно использовать, кроме как для чего-то, связанного с кровью.

А я знала.

Я закрыла глаза и подумала о Чейзе. Подумала о Вилсоне. Подумала о Мэдисон, улыбающейся шестилетней девчонке, и о Мэдисон — девушке-призраке, которая приветствовала меня, когда я очнулась. Подумала о том, что это значило для меня самой — быть выжившей, и швырнула свое сознание наружу. Силу Вилсона начало корчить. Мерзкая. Темная. И эта темнота излилась кровью на остальных, покрывая их пятнами.

Мэдисон прыгнула. Чейз перехватил ее в воздухе. Они вцепились зубами друг другу в горло. Слева от них Лейк прицелилась и выстрелила в одного из волков — маленького, но очень злого. Мои друзья и волки Вилсона сошлись в схватке, их команды пульсировали в моей голове и в моих венах, и вскоре только их я и могла различать.

*Защитить.*

*Защитить.*

*Повиноваться.*

*Повиноваться.*

*Спаси Брин.*

*Убить всех.*

Не знаю, откуда взялся этот всплеск силы, но задаваться вопросами я не стала. Я просто развела руки в стороны, натянув веревки, и они лопнули — с такой яростью мать отбрасывает машину, надвигающуюся на ее малыша. Что-то яростное и дикое — вихрь энергии, ярости и чего-то пульсирующего, пульсирующего, пульсирующего, чему я не могла дать название, — охватило меня. Я вскочила со стула. Но вместо того, чтобы вцепиться в глотку Вилсона, вместо того, чтобы убить его, я бросилась к двери.

В списке моих дел расплата не стояла на первом месте. Первым стояло спасение, ведь сейчас так много было поставлено на карту.

— Стойте! — завопила я со всей силой, на которую были способны мои легкие.

Связь, соединявшая меня с Чейзом, Девонем и Лейк, хрустнула, и они замерли. Огорошенные, пораженные силой *чего-то*, повисшего в воздухе, нападавшие тоже остановились на мгновение.

А потом снова раздался приказ.

*Повиноваться.*

— Нет, — закричала я. — Вы не должны ему подчиняться. Вы подчиняетесь *мне*, а я сказала — *стоп!*

Я потянулась к Вилсону, к его связи с остальными и потянула ее к себе — потянула к себе их надежды и страхи, потянула к себе людей, которыми они были, пока монстр не изуродовал их. И приказала им стоять так же неподвижно, как стояли мои друзья.

— Что ты делаешь? — схватив меня сзади, зарычал Вилсон.

Очень медленно волки — его волки — отвернулись от моих друзей и посмотрели на него. Из горла Мэдисон вырвалось рычание, за которым последовал жалобный визг.

Она была озадачена: кто был здесь альфой — Вилсон или я?

— Думаешь, ты сможешь украсть их? — спросил Вилсон, и его взгляд помутнел, отчего он стал похож на ненормального.

— Нет, — сказала я. — Я не хочу, чтобы они стали моими. Я хочу, чтобы они стали сами собой.

*У вас есть выбор.* Слова перетекли из меня в волков, которыми я командовала: в Девона, в Лейк, в Чейза, во всех остальных. *Вы можете выбрать: повиноваться, подчиняться, позволять кому-то принимать за вас решения или решать самим? Можете выбирать, кем хотите быть, с кем хотите быть соединенными, кому вы доверяете.*

Я показала им, что я сделала, чтобы вмешаться в их связь с Вилсоном, что Чейз и я сделали, когда предпочли друг друга и моих друзей Стае Каллума.

Мэдисон первая перетекла в человеческий образ. Она лежала на земле голая. Потом подняла голову, не осознавая своей наготы. Сломленная, но величественная.

— Мэдисон, нет, — резко сказал Вилсон, словно отдавая приказ собаке.

— Живучесть — вещь странная, — усмехнулась я, и мое сердце сильно забилося. — Живучесть не просто дает тебе способность к выживанию. Она не только делает тебя бойцом. Она делает тебя невосприимчивым. К ранам. К смерти. — Я поймала взгляд Мэдисон и пристально посмотрела ей в глаза. — К чужому господству над тобой.

Одно только то, что мы были тем, кем были, значило, что Чейз и я, да и все жертвы Вилсона — все мы играли по разным правилам. Это стало причиной того, что в возрасте четырех лет я уже была способна выключить Стаю Каллума у себя в голове. А потом Чейз и я смогли найти друг друга среди множества других.

И это же было причиной того, что Чейз смог навсегда оборвать свою связь с Бешеным.

— Если не хочешь повиноваться ему, не повинуйся, — сказала я Мэдисон. — Ты и мне не должна подчиняться, между прочим. Но ты можешь присоединиться ко мне, или к другим, или к кому сама захочешь. Можешь выбрать свою семью. Можешь выбрать свободу. Ты можешь выбрать *это*.

Я показала всем волкам Вилсона, что это значило — быть частью Стаи, той самой, которую создали мои друзья вместе со мной. Когда мы все вместе, когда наши тела становятся одним целым, а сознание единым.

Мэдисон с трудом встала на ноги и пошла к нам — грязная, истекающая кровью, голая.

— Мне было шесть лет, — рассказала она. — Я была со своей семьей на отдыхе, и он забрал меня у них. Он забрал меня, мучил меня... и изменил. — Девушка посмотрела на Вилсона: — Ты сказал мне, что я — твоя. Ты диктовал мне, как одеваться и как себя вести. Ты изменил мою фамилию. Ты забрал у меня все... Я. Хочу. Вернуть. Это.

Мэдисон откинула голову назад, и я увидела энергию, исходящую из ее тела, увидела крошечные кусочки света, соединявшие измененных обрвов с их душами. Увидела девочку Мэдисон такой, какой она была перед тем, как монстр забрал ее из семьи и перенастроил ее связи, переписывая ее судьбу.

Один за другим другие дети тоже поднялись с земли.

Я чувствовала их, тянущихся друг к другу и ко мне, и в этот момент я приняла свое решение.

Мы все были одним и тем же.

Все мы.

Мы были одинаковые.

Не знаю, по какой причине, но мне повезло. Я смогла спастись, а они — нет. Но всю

оставшуюся жизнь, все то время, которое я проживу — будь это секунды или годы, — я буду жить для них. Я буду заглаживать свою вину перед ними. Я сделаю так, чтобы они примирились сами с собой.

*Мое.*

*Мое.*

*Мое.*

Послышался шепот изо всех углов двора, когда мы стали предъявлять права друг на друга. Мэдисон и члены ее Стаи, Чейз, я, а потом, словно рождение звезды, невероятная вспышка света и жара, и нас всех бросило на землю.

И только Пренсер остался стоять.

И когда все пришли в себя, лишь одна команда осталась в воздухе, да и в наших телах тоже.

*Убить Бешеного.*

Я встала на ноги и, отгоняя ночные кошмары, пошла к Чейзу. Прижалась к его боку, а он зарылся головой в мои волосы. Он был — мой, а я — его. Мы были одно и то же... и даже больше.

Я всем телом приникла к Чейзу. Я вдыхала его запах, и это был запах спокойствия и дома. А все вокруг нас переключались, становясь волками, и я чувствовала, как энергия наполняет воздух. Это была не только энергия переключения, не просто мощь Стаи во время совместного бега, это было нечто более древнее.

Более глубокое.

Первозданное.

*Драться.*

Много лет Мэдисон и другие не вспоминали о том, что они это могут. Владычество Вилсона держало их инстинкты на привязи, но сейчас...

*Драться.*

*Драться.*

*Драться.*

Зловещая тишина опустилась на траву, чтобы мгновение спустя быть нарушенной ужасным звуком — нечеловеческим воплем, заглушаемым воем, клацаньем зубов и хрустом раздираемой кожи.

Они бросились на него со всех сторон. Сбили с ног на землю. Бросились толпой на его тело — сплошной мех, когти и *красное... красное... красное...*

Я чувствовала эту ярость. Чувствовала ее, как вой сирены, крепче и крепче прижимаясь к Чейзу. Запах крови в воздухе был таким густым, что другой запах — *паленый волос и мужской одеколон* — растворился в нем.

И больше ничего.

Все было кончено.

Кончилось неистовое пожирание добычи, пелена рассеялась так же быстро, как и появилась, и когда я отняла голову от груди Чейза, чтобы посмотреть на эту бойню, от Вилсона — Бешеного уже не осталось ничего, что можно было бы похоронить, не говоря уже о том, чтобы исцелить.

Вопли стаи — нашей стаи — эхом отдавались в моей голове единым анималистическим воем, смешанным с человеческими словами.

Чейз и я подождали, когда это прокатится по нам, смывая все, что было до этого

момента. Мы обнялись.

Он был — моим.

Я была — его.

Но в одиночестве мы не остались. Это без всякого сомнения. Я вплавилась в сознание Чейза, он вошел в мое, и Чейз — Волк — Брин, на одно мгновение, мы увидели мир вокруг нас всеведущими глазами. Увидели наши связи с другими — с Лейк и Девонем и с каждым из детей, обращенных Вилсоном. Увидели силу, которой мы обладали, увидели, как она вскипала, когда остальные возвращались в человеческое обличье и поворачивались к нам.

*Стая.*

*Стая.*

*Стая.*

Возбуждение от того, что мы — Чейз — Волк — Брин, померкло при сравнении с другим невероятным ощущением — быть Нами. Всеми Нами. Желание бежать, быть вместе, быть свободными было непреодолимым, и второй раз в своей жизни я почувствовала, как что-то — адреналин, наверное, — заставило меня оглянуться в поисках вожака.

Они хотели бежать. И не могли. Еще не могли. Они все — вокруг меня, и шепот стаи превратился в одно единственное слово. *Альфа, альфа, альфа.*

И тогда мы поняли — Чейз, и его волк, и я, — что все они, все эти волки, кажется, смотрят прямо на меня.

Я? Как они могут смотреть на меня и прокручивать в голове слово, которое выражает собой такую власть? Абсолютную, непогрешимую, вечную. Защиту. Наказание. Правосудие.

Альфа стаи включал в себя многое, но человеческое — это было совершенно не его. Но все же вот они стоят и пристально смотрят на меня с каким-то чуть ли не осязаемым ожиданием в глазах. И энергия убийства гудит в их телах. Они хотят бежать, и они хотят, чтобы я сказала им, что они могут это сделать.

*Твои*, беззвучно сказал мне Чейз и положил голову мне на макушку. Кожей головы я чувствовала его горячее дыхание и вздрогнула, как от холода.

*Мои*. Это утверждение пришло от волка внутри Чейза, ослабленного в схватке и покрытого шрамами... и еще очень сердитого из-за того, что ему не позволили забить его добычу: того человека, который осмелился прикоснуться к девушке. Волк Чейза не предъявлял претензий ни на кого из других живучих и не отвечал на их безмолвную мольбу о беге. Он констатировал то, что, по его мнению, было совершенно очевидным.

Я была — его.

Мне хотелось спрятаться в Чейзе, скрыться в его сознании, найти убежище в его волчьем собственническом инстинкте и смотреть оттуда в дюжины глаз — человеческих и волчьих, — сверлящих мои глаза. Но я не могла.

*Альфа. Альфа. Альфа.*

Это слова на высокой ноте уже были в моем мозгу.

*Делайте, что хотите*, сказала я им. *Хотите бежать — бегите.*

Но этого им было недостаточно. Это было не то, что им было нужно. Им была нужна я. Они нуждались в обещаниях и в ответах на их вопросы. Им было нужно, чтобы я поклялась дать им то, что обещала мгновение назад: сделать все возможное и невозможное, чтобы помочь им преодолеть годы Вилсоновых оскорблений.

*Бежим*. Это слово вылетело из моего сознания на мгновение раньше, чем слетело с моих губ. Но и в том и в другом отношении оно вылетело откуда-то из самых глубин моего «я» — чего-то древнего, чистого и совершенно сбивающего с толку. Я не была оборотнем, но что-то внутри меня было. Что-то такое же грубое и первобытное, как волк внутри Чейза. Инстинкт выживания — он же и защитный инстинкт. Едва я приказала остальным бежать, позволила им это сделать, как я вздрогнула, ощутив, что их чувства овладевают мной точно так же, как в тот самый день, когда я бежала со стаей Каллума. Я впустила их в себя, почувствовала каждого из них через наши недавно установившиеся связи.

Стая была жестокой, прекрасной и живой, переполненной собственной энергией. И я вскинула голову к небу и завывала.

Я скорее почувствовала, чем увидела, то воздействие, которое этот звук оказал на Чейза. Он выгнул спину, и его волк вырвался наружу, заставив его переключиться. Подчиняясь инстинкту, я упала на колени рядом с черным, как ночное небо, телом рядом со мной и пристально посмотрела в волчьи глаза. В глаза Чейза. Зарылась руками в его мех — шелковистый, совсем негрубый — и почувствовала, как его сердце бьется под моими ладонями.

*Бежать. Бежать. Бежать*, сказала я всем. На сей раз мои произнесенные безмолвно

слова наполнили всех радостью — и силой, конечно. Поддавшись их влиянию на меня, возбуждению и страстному желанию бежать вместе со всеми, я с трудом поднялась на ноги и побежала, и вся Стая последовала за мной по пятам, окружая меня, желая быть рядом со мной.

Тепло тел моих друзей согревало меня, и адреналин зашкаливал, возбуждение передалось от одного к другому, как камень, подпрыгивающий по поверхности пруда. Лейк, высокая и белокурая даже в волчьем обличье, подталкивала меня сзади, заставляя бежать быстрее, дать себе больше воли.

И когда я это сделала, когда самая последняя из моих стен рассыпалась в прах, только тогда я все осознала.

Стая была единым целым.

Стая была в безопасности.

Стая была — *моя*.

И на этот раз я лучше умру, чем позволю кому-то забрать ее у меня.

Час спустя обры вновь удобно устроились в своих человеческих личинах, и я смогла вспомнить, что я тоже *была* человеком. Мэдисон и те из живучих, которые были постарше, начали помогать младшим разбираться с новой для них одеждой, и я в первый раз поняла, что некоторые из детей были не старше близнецов. Самой младшей из них было года два, может быть, три. Рыжеволосая и важная, она заковыляла ко мне в ту самую секунду, как Мэдисон нарядила ее в линялое потрепанное платье. Я встала на колени и раскрыла малышке свои объятия, а потом усадила ее на свое бедро, да с такой легкостью, которую не могла бы в себе вообразить до Кети и Алекса.

С легкостью, которая казалась слишком естественной, если принять во внимание тот факт, что эта девочка должна быть мне совсем чужой.

*Лили.*

Ее имя всплыло откуда-то из глубины памяти, как будто я всегда знала его. Ее маленькая головка прислонилась к моей груди, и все, что она знала о жизни, перетекло в мое сознание. Вилсон — такой добрый и страшный, и — у-у! — он так больно ударил ее однажды. Красный. Плохой цвет. Плохая штука. Кровь. Мерзкий, набитый ватой кролик с вырванным горлом. И у нее противная вата во рту. И плакать не разрешают.

А потом... потом была я.

В ее глазах я была прекрасной. Высокой и сильной.

Я была надежной.

Наклонив голову так, чтобы наши глаза могли встретиться, я сделала слабый выдох, и девочка начала нюхать как сумасшедшая, пытаюсь вобрать в себя запах моего дыхания.

— Привет, Лили, — сказала я. — Я — Брин.

Лили кивнула и, нерешительно улыбнувшись, с недоуменным видом на лице повернулась и показала куда-то пальчиком. Я посмотрела в ту сторону, куда девочка указывала, и увидела Чейза.

Он пересек комнату тремя широкими шагами — как обычно, его движения были текучими, словно вода. Наклонился ко мне и потерся своей щекой о мою щеку. А потом — очень тихо — повернулся к Лили и, слегка улыбнувшись, дунул в ее сторону, позволяя ей уловить и его запах.

Через связь я почувствовала, что для Лили Чейз пах точно так же, как и я. *Сосновой хвоей и корицей.*

Я прильнула к Чейзу, или, может быть, это сделал он, и Лили снова положила голову мне на грудь, явно намереваясь утнестись между нами. А мое лицо и лицо Чейза тоже нашли путь друг к другу. Щека к щеке. Лоб ко лбу. Нос к носу. А потом — губы к губам. Поцелуй растянулся на невыносимо восхитительную вечность. Я почувствовала, что проникаю в сознание Чейза и приглашаю его войти в свое. На секунду мир прекратил вращаться вокруг своей оси, и гул нашей стаи стал едва слышен.

Вдруг тишина и неподвижность куда-то исчезли, и я почувствовала, как сидевшие в комнате обры напряглись, и услышала зарождающееся рычание на корне языка у Чейза.

*Что-то приближалось.*

Не прошло и секунды, а может, двух, как дверь в хижину Бешеного с грохотом слетела с петель, и толпа обров ворвалась в комнату. Я вырвалась из объятий Чейза, и, в одно мгновение ко мне вернулись звуки моей — *Моей* — Стаи, на этот раз громче, чем прежде.

*Наше. Наше. Наше.*

Это была наша территория. Эти люди вторглись на нее. А каждому волку, находившемуся внутри моих собратьев по Стае, было известно, как дважды два, что Стаю надо *защищать*, альфу — *слушаться*, а тех, кто вторгается на нашу территорию, *убивать*.

И то, что сначала было легким гудением в наших связях друг с другом, внезапно превратилось в громкое рычание, и хоть мне и не нравилась сама мысль контролировать кого-либо, но я все-таки крепко потянула за свой конец, обуздав их одним-единственным словом «Хватит!»

— Ты? — Потребовалась секунда, чтобы я смогла увидеть говорившего, и еще несколько мгновений, чтобы опознать его.

Шей.

Я застыла, позволив своим чувствам выйти за границы моей новой Стаи, Стаи живучих, и едва я вышла за пределы психологического щита Стаи, защищавшего меня, как энергия комнаты врезалась в меня, словно удар в живот. Подобное я ощущала раньше, в теле Чейза, но теперь я почувствовала что-то новое. Вместо того чтобы выставить защиту или сбежать, мой инстинкт приказывал мне защищать то, что было моим: *мою* территорию, *моих* волков, *мой* статус. Это был Сенат. Это были альфы, но рев Стаи, которую я возглавляла, то, как они подчинились моему и только моему приказу, заставили меня согласиться с неумолимой, неправдоподобной правдой.

Эти люди были альфами. Я тоже была альфой.

— Каллум. — Мои глаза разыскивали его, а губы сами по себе произнесли это слово.

У меня было такое чувство, словно я никогда не произносила его раньше, как будто это было слово на иностранном языке, на котором я не говорила. Я не была уверена в том, что оно значило. Не была уверена в том, чем он занимался и кем он был. Для меня.

Для волков, которых я была обязана защищать.

— Брин, — сказал Каллум спокойно. — Кажется, у тебя небольшие неприятности.

Какой-то альфа фыркнул:

— Где Вилсон?

— Бешеный? — спросила я, и что-то горячее и бурлящее поднялось из моего желудка, прошло через горло и вместе с этим словом полилось наружу чистым ядом. — Тот, который нападал на незащищенных детей и убивал их, чтобы других детей превращать в оборотней? Тот, который использовал это свое умение для того, чтобы влиять на Сенат? Этот Вилсон?

— Да. Этот Вилсон.



Шей не любил меня. Я встретила с ним взглядом и даже не моргнула. Я позволила ему не любить меня. Это чувство было взаимным.

— О, — сказала я небрежно, — этот Вилсон мертв.

Шей стремительно рванулся вперед, инстинкт уже было подсказал мне, что вот сейчас он вцепится мне в горло и расплющит о ближайшую стену, если бы не тот факт, что движением не менее быстрым все волки моей Стаи бросились защищать меня. Чейз сделал шаг вперед и встал передо мной так близко, что я носом чуть не уткнулась ему в спину. Лейк встала сбоку от меня, дети — на флангах, даже Лили, которая выскользнула из моих объятий и бросилась на Шею, сверкнув зубами. Она еще не усвоила, что зубы у нее в человеческом облике не такие крепкие, как в волчьем.

И если бы я позволила, Лили разорвала бы Шею в клочья.

Но в конечном счете именно присутствие Девона, угрожающе возвышавшегося над всеми, остановило Шею в его угрожающем продвижении. Они стояли друг напротив друга: Дев, с достоинством держащий себя даже в центре хаоса, и Шей, как отражение всего, чем мог бы стать Дев, если бы заботился только о своей чистокровности, а не о том, как стать личностью.

— Пошел. Прочь. — Девон произнес эти слова медленно, но каждое слово весило как целое предложение.

По комнате прошла тревожная зыбь, альфы начали переминаясь с ноги на ногу, не отводя глаз от противостояния.

*Вызов.*

*Господству.*

— Дев. — Я произнесла вслух его имя, понимая, что, если я не остановлю его, все может кончиться очень плохо.

При звуках моего голоса Девон прервал зрительный контакт с Шеем и отступил на шаг назад, ближе ко мне.

— Она их альфа, — выдохнул человек, который пах морской солью и серой. В его зеленых глазах мелькнул желтый огонек, зрачки расширились. — Дети думают, что они — ее.

Они не просто *думают*, что они мои, хотелось сказать мне. Они — *мои*. Я не понимала этого. Я не видела логики в этом выборе, но это было именно так.

Я была той, кто освободил их.

Я была той, кто показал им, что они могут сделать. Я была той, кого они выбрали, чтобы соединиться. И поскольку я все это начала, я находилась в центре всего, что нас соединяло.

Я была — *их*. Пусть я была их альфой, все равно даже самый маленький из моей Стаи чувствовал, что я, помимо всего прочего, самая уязвимая, самая слабая физически. В общем, та, которую Шею очень хотелось бы выпотрошить.

— Я не убивала Вилсона. — Мой голос, едва ли громче шепота, резонировал всей силой моей Стаи, неистовой жаждой крови, отчего звучал не так чтобы совсем по-человечески, как мне бы хотелось. — Это они сделали. Те, которых он изменил. Те, которых вы *позволили* ему изменить.

Лили зарычала, и этот звук, исходивший от ангелоподобного существа двух лет от роду, казался больше дьявольским, чем волчьим.

— Сейчас они свободны, — продолжила я, и в моем голосе все еще слышались

отголоски чего-то мне не свойственного. — И никто не подобрется к ним. Только через мой труп.

— Ты что, на самом деле думаешь, что мы позволим тебе взять их? — насмешливо произнес Шей.

Все мои инстинкты сообщили мне, что он бросал мне вызов и что игрой в гляделки я из всего этого не выпутаюсь. Вызов вспыхнул, как трут от пламени. Я чувствовала, как огонь распространялся по всей комнате — от одного альфы к другому. Они были сильнее меня. Один на один у меня не было шансов выстоять против любого из них. Даже в окружении живучих оборотней, которые сделают все, о чем я их ни попрошу, шансов у меня не было никаких. Живучие или нет, но мои волки были просто детьми, а любой альфа в этой комнате отсчитывал свой возраст веками.

*Я не отступлю.* Я попыталась, чтобы вожаки увидели это по моему лицу. Есть у меня шансы или нет, это мы еще посмотрим, но если эти альфы думают, что они могут забрать у меня хоть кого-нибудь из этих детей, которых они сами с удовольствием оставили Бешеному в обмен на обещание получить новых волков, которые станут их собственностью, то они глубоко ошибались.

*Я не отступлю. Ни сейчас. Ни вообще.* Даже если этим я сама себе подписываю смертный приговор.

Мой взгляд метнулся к Каллуму, и его янтарные глаза сфокусировались на мне так, что я даже задумалась, в каком возрасте он видит меня сейчас: в четыре года, в пять, в шесть или в десять? Или в любом возрасте до того дня, когда меня забрала Эли?

*Брин.* Я не слышала голоса Каллума у себя в голове, это единственное слово — мое имя — я увидела в его взгляде. В нем было одобрение. Чувство. И еще что-то... взгляд, который я знала, тот самый взгляд, который я много раз видела раньше. Этот взгляд подталкивал меня вперед. Этот взгляд заставлял меня собрать воедино все то, чему он научил меня, и думать. Из этой дилеммы был выход, но найти его и привести в действие должна была я сама.

Поэтому я сделала то, о чем просили меня глаза Каллума, и задумалась. И ответ нашелся — в том, что я знала о людях в этой комнате, и в том, чему научил меня Каллум: надо водить оборотней за нос, отстаивая свою позицию в споре.

— Вообще-то, — сказала я, отвечая наконец на слова Шея и не отводя взгляда от Каллума, — я на самом деле думаю, что вы позволите мне оставить их. Потому что это не Европа. И не Азия. В Северной Америке альфы не забирают волков у других альф. Сейчас между нами ничего нет, но если ты захочешь забрать то, что принадлежит мне, тогда тебе придется бросить мне вызов.

*Тогда тебе придется убить меня.* Эти слова не были произнесены, но все присутствовавшие в комнате поняли, что они подразумевались, и в воздухе запульсировала волна статической энергии. Альфы не любят, когда им бросают вызов. Особенно когда вызов брошен самкой. И особенно если она человек.

И особенно им не понравился бы вызов, брошенный мной.

— Кажется, девчонка дело говорит, — сказал Каллум, и выражение его лица было абсолютно нейтральным, а тело расслабленным, да еще стоял он в такой позе, что любой бы испугался до смерти, если бы у него хватило мозгов понять — Каллум совсем не тот человек, которого стоило выводить из себя.

Он расквитался.

— По закону Сената, если волк хочет сменить стаю, оба альфы должны под этим

подписаться, а Брин, кажется, эта идея не очень нравится, — продолжил Каллум.

Шей зарычал:

— Ты что, серьезно, Каллум? Она — человек! Она слабая. Если мы хотим взять то, что у нее есть, мы возьмем это. Я возьму.

Каллум не зарычал, он просто прекратил сдерживаться, прекратил скрывать свою силу от других, потому что в следующее мгновение что-то древнее и неопровержимое заполнило комнату. Именно *это* для меня значило быть альфой. Именно в *этом* чувствовалась настоящая сила.

Люди в комнате пришли в замешательство. А я даже не моргнула.

— Понимаешь, это будет зависеть от того, — сказал Каллум, и голос у него все еще был нейтральным, да и лицо тоже ничего не выражало, — считаем ли мы себя демократическим Сенатом или не считаем.

Я не могла скрыть удовлетворенную улыбку, медленно расплывавшуюся у меня по губам. Я видела, как это начиналось. Я подстроила так, чтобы Каллум сказал это. Если Сенат был демократическим, ни один альфа в этой комнате не мог бросить мне вызов или забрать хоть одного волка, принадлежавшего мне. А если нет, ну, что же...

В этом случае Каллumu вообще не нужно было сдерживаться и признавать чьи-то права на чьих-то волков.

— Ну, Шей, так что?

Я почувствовала громадное удовольствие, швырнув ему эти слова, те самые слова, которые сам Шей использовал, чтобы навязать голосование по Бешеному. Прямо в лицо альфе Снейк Бенд.

Шах. Мат. Партия.

Больше никому не хотелось бросать вызов Каллumu и забирать у меня мое. Хотя именно это вожаки и собирались сделать. Я не была уверена, было ли это каким-то очередным ходом в большой игре, затеянной Каллумом, или какой-то деталью, которая встанет на свое место в том будущем, которое было наиболее желательным для него. Или он делал это для меня. Потому что я была важна для него. Может быть, потому что я этого стоила.

Мне сдавило грудь, и я почти слышала звук разбитого стекла, как будто что-то разбилось у меня внутри. Но я не могла рисковать, не могла позволить, чтобы кто-нибудь другой мог увидеть это, и поэтому очень сильно старалась удерживать совершенно нейтральное выражение лица.

— Полагаю, мы закончили, — с вызовом сказала я альфам — каждому из них, — и пусть только попробуют возразить, что это не так. — Выход сами найдете.

На мгновение мне показалось, что Каллум откинет голову назад и захохочет во все горло, однако же нет. Он просто смотрел вверх, на потолок, пока я провожала взглядом остальных альф, когда они, один за другим, разворачивались и шли к выходу, и в воздухе почти физически ощущалась ненависть ко мне, да еще к тому факту, что Каллум связал их по рукам и ногам. И пока я смотрела на то, как альфы уходят, меня не покидало чувство, что когда-нибудь они вернуться. Может быть, не в эту хижину. Может быть, не так скоро, но в конце концов кто-нибудь, а может быть, и все альфы решат, что игра стоит свеч. Заявят, что Каллум блефовал, и рискнут. И когда они сделают это, все станет очень скверно.

Наконец я снова повернулась лицом к Каллumu, и моя рука машинально потянулась к поясу джинсов, к отметине, которая когда-то объединяла нас двоих в нечто большее. На мгновение я почувствовала острую боль от того, что мы потеряли, но эта тоска была

заглушена внезапной вспышкой предвидения, сказавшей мне, что Каллум, как, впрочем, и я, знает, что это еще не конец. Что еще ничего не окончено между нами и что разборки с членами Сената еще впереди. Когда-нибудь остальные альфы нанесут ответный удар.

И когда они сделают это, мы будем готовы. *Я буду готова.*

В первый раз за всю мою жизнь Каллум отвел глаза раньше, чем я отвела свой взгляд. В уголках его губ играла едва заметная, понимающая улыбка. Потом, не сказав ни слова, он повернулся и пошел вслед за остальными альфами к двери, пока в хижине не остались только те, чьи мысли и биение сердец я знала так же хорошо, как свои. Те, чья сила и энергия тянули меня в разные стороны со знакомым призывным криком: *Альфа, альфа, альфа.*

*Стая, Стая, Стая,* прошептала я в ответ — из своего сознания в их. *Бежим!*

# Глава

## ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Эй, кофейку можно подлить?

— Как сказать, — сказала Лейк, смерив взглядом посетителя с бегающими глазами, а потом повернулась в сторону бара и крикнула: — Мэдди, хочешь, я его застрелю?

Мэдди, которая совсем недавно присоединилась к Лейк в качестве официантки и всем своим видом показывала, что ужаснее каждой из них поодиночке могут быть только они вдвоем, притворилась на секунду, что она обдумывает это предложение, а потом отрицательно покачала головой:

— Если ты его застрелишь, он не сможет убежать отсюда далеко-далеко. И, кроме того, пострадают твои чаевые.

Лейк повернулась к человеку, о котором шла речь, — одному тех обрвов, которые еще отваживались заходить в «Странник» с тех пор, как два месяца назад он стал центром новой территории. Монтана и запад Северной Дакоты больше не принадлежали Стае Стоун Ривер. «Странник» и земли, окружавшие его на добрые двести миль по обе стороны, принадлежали теперь еще совсем зеленой Стае Сидэр Ридж, с любезного разрешения Каллума.

Короче говоря, новая территория принадлежала мне.

Одно из моих «я» — человеческое — все еще верило в то, что это все — игра словами и что альфой я была только по названию, потому что без этого обры не воспринимали саму идею Стаи. Но другое мое «я» — то, которое каждую секунду знало, где находятся мои волки, — это «я» признавало, что в моем титуле имелся смысл.

Правда, устроено у меня все было по-другому, не так, как в стае Каллума. Между волками Сидэр Ридж и мной существовала постоянная связь, но пока нам не угрожали, я эту связь не контролировала и не пользовалась ею, чтобы контролировать кого-нибудь еще. Моя жизнь не проходила в оглядке на Каллума как на патриарха только для того, чтобы стать его партнером на ночь. Если были проблемы, я их решала. Если во мне нуждались, я приходила, но в человеческой жизни волки моей Стаи могли выбирать, когда следовать за мной, а когда — нет. Большую часть времени активных притязаний на лидерство я не проявляла. Да и Лейк никогда бы не позволила мне впасть в заблуждение, что именно я тут самая главная. Она, как это было всегда, командовала мной, что уж говорить о ее папаше и Кили.

Никто из взрослых не радовался нашим приключениям в Горном Ручье. Родители примчались в хижину сразу после разборок с Сенатом, и не стоит говорить, что мы с Лейк не так стойко держались против Эли и Митча, как против всего высшего эшелона оборотней. Большую часть лета я провела под домашним арестом, но с приближением нового учебного года Эли и Митч понемногу отстали от нас, потому что вмешивайся или не вмешивайся, альфа или не альфа, но мое кислое настроение имело тенденцию распространяться на остальных, а стая свихнувшихся малолетних оборотней никому не была по душе.

— Хочешь еще пива? — спросила меня Кили.

Я пожала плечами:

— Хочу.

Человек, который безуспешно просил подлить ему кофе, оглянулся, чтобы посмотреть на меня, но я всего лишь подняла бровь, и он моментально отвел взгляд в сторону.

В «Страннике» сейчас постоянно проживали семнадцать оборотней — Лейк, Митч,

Кети, Алекс, Девон и двенадцать детей, которых мы спасли в Горном Ручье. Некоторые, в основном подростки, решили уйти куда-нибудь в другое место. Я не возражала. Двое, на которых напали совсем недавно, вернулись домой — они понимали, что местная Стая будет относиться к ним как к очень важным персонам, завернувшим в город с визитом, и не попытается претендовать на них. До следующего раза. Еще двое или трое, которым уже исполнилось по восемнадцать лет (хотя, возможно, они сказали это только для того, чтобы убедить Эли — они больше не нуждаются в дополнительном присмотре), изображали из себя периферийных, хотя мое собственное чувство Стаи — *чувство альфы*, я бы так его назвала, — говорило мне, что очень скоро они вернуться домой.

*Ты сегодня тихая.*

При звуках голоса Чейза, прозвучавшего в голове, уголки моих губ медленно полезли вверх. Бывали моменты, когда мое чувство Стаи затихало, и я подолгу вспоминала, как это было тогда, когда мы двое были единственными людьми у меня в голове.

Единственными людьми во всем мире.

Можно было не спрашивать меня — я все равно знала, что Чейз где-то рядом. Это все равно как если бы я поздно ночью незаметно вылезла из окна и пошла на цыпочках в лес и все равно встретила бы там его. Я бы принесла ему одежду, и он прикрыл бы ей свою волчью шкуру и под покровом темноты рассказывал бы мне о том, что увидел с тех пор, как ушел от меня.

Чейз был моими глазами и ушами. Лейк и Девон были моей охраной, точно так же, как родители Девона были охраной Каллума. Но только Чейз был моим лазутчиком, он был тем, кто обегал нашу территорию по периметру и сообщал мне об увиденном.

Эта работа его устраивала. А Эли устраивало то, что он не всегда бывал здесь, что были дни, когда мы расставались и она могла притвориться, что если бы он не пометил меня, а я не пометила его, то мы были просто два свихнувшихся подростка, неровно дышавших друг к другу.

*А ты всегда тихий,* ответила я Чейзу, вернув ему его замечание обратно. *Я по тебе скучаю.*

И почувствовала ответ от его волка — что-то вроде того, что когда-нибудь они всю жизнь проведут, скучая обо мне.

*Придурок.*

*Циник,* ответил обиженный Чейз.

Мне очень хотелось побежать навстречу ему, но только быть альфой значило, что я не всегда могла делать то, что мне нравилось. Иногда я должна была делать что-то только потому, что дело должно быть сделано. Даже если оно ужасало меня. Даже если мне казалось, что из-за этого весь мир уйдет у меня из-под ног.

Именно это я делала сегодня в ресторане — в дополнение к тому, что наблюдала за тем, как Мэдди и Лейк пытаются посетителей. Альфа Стаи Стоун Ривер попросил меня о встрече.

Я согласилась.

Каллум и я не встречались с тех пор, как он вышел из той хижины в лесу. Он не звонил мне, не писал. И ничего не предпринимал для того, чтобы поговорить со мной. До сегодняшнего дня.

*Стая. Стая. Стая.*

В присутствии друзей мне было немного легче, и я открыла свои чувства, напоминая себе, что все это я делаю для них. Что Каллум был моим союзником, а не хозяином. Что я

была альфой, а не его девушкой.

Прихлебывая пиво, я качала ногами и развлекалась, наблюдая за тем, как Лейк выбрала себе жертву — скорее всего, человека — для партии в бильярд. Легкое гудение в чувстве Стаи заставило меня перевести глаза на Мэдди, которая стояла, застыв на месте, как будто ее кто-то околдовал. Это случилось с ней раз в час или в два, и я прикоснулась к ней в ее сознании, напомнив о том, что я здесь. Что мы все здесь. И что она — это она.

Мэдди, а не Мэдисон.

Наша, а не Вилсона.

Здоровая, а не разрушенная болезнью.

Она не могла вернуться в свою семью. Потому что в течение десяти лет была мертвой для них. Потому что не могла на милую отойти от своей Стаи — волк тянул ее обратно — туда, где надежно. Где дом.

— Брин.

Я обернулась на голос Каллума, и что-то начало растворяться внутри меня. Я смотрела на него и чувствовала себя маленьким ребенком. И вспоминала о том, что привело меня сюда. О том, что Каллум сделал, и о том, чего он не сделал.

Он спас меня от Бешеного, когда мне было четыре года.

Он пометил меня.

Он вырастил меня.

Он дал мне Эли, которая так любила меня, что забрала от него.

Он тренировал меня.

Он подгонял меня.

Он врал мне.

И в конечном счете он позволил мне отыскать правду, потому что, если верить тому, что я знала о даре Каллума, он должен был знать, что я это сделаю.

— Давай пройдемся, — сказала я.

Мы долго бродили, не произнося ни слова. Потом Каллум наконец произнес:

— Как у тебя с оценками?

Мне как-то в голову не приходило, что он начнет именно так.

Я закатила глаза:

— Лето на дворе. Занятий в школе нет, и оценок, соответственно, тоже нет. Эли дома занимается с самыми маленькими из новых обров. Они еще до начальной школы не дотягивают, так что работы у нее хватает. — Я помолчала. — Лейк, Мэдди и я, мы с сентября будем ездить на занятия в ближайшую школу. Чейз и Девон тоже.

— Как Эли? — спросил Каллум.

Я вздохнула:

— По Кейси скучает, но, думаю, она к нему не вернется.

Кейси заехал к нам, с моего разрешения, через несколько недель, как мы вернулись из Горного Ручья. Он хотел посмотреть на близнецов и поговорить с Эли. Меня мучило то, что эти двое расстались из-за меня, но правда заключалась в том, что Эли могла со временем простить мужа за то, что принимал участие в моем избиении, но позволить ему вернуться в семью она не могла. Потому что она прекрасно знала, что преданность Стае всегда будет сидеть в нем глубже, чем все его чувства к ней.

— Он изредка посещает близнецов, — сказала я. — Вот, думаем свозить их в Арк Вэлли на Рождество. Если альфа этого региона позволит нам.

Кети и Алексу сейчас было по девять месяцев, но выглядели они как хорошие двухлетки. С каждым днем они нагоняли по росту Лили, и она очень возмущалась по этому поводу. И беспокоилась. Эли сказала, что рост близнецов замедлится к их первому дню рождения, но, как говорится, они всегда будут быстрее на поворотах.

— Ты об этом пришел поговорить? — спросила я. — Об Эли и близнецах? О моих оценках?

— Образование — вещь важная, — по привычке возразил Каллум.

Это было совсем не то, чего я ожидала от моей первой встречи — на равных — с одним из альф. Каллум вышел из дверей хижины в тот самый день, когда моя Стая убила Вилсона, вместе с другими альфами и потом отписал мне часть своей территории на окраине.

Но почему-то мне казалось, что наша первая, лицом к лицу, встреча будет более мрачной. Мне казалось, что она будет более... болезненной.

— Мы скучаем по тебе, — сказал Каллум. — И по Девону.

Сора и Лэнс не могли испытывать особую радость из-за того, что Девон ушел из Арк Вэлли, но в то же самое время я сомневалась, что они были этим очень удивлены. Их старший сын ушел из Стаи и пробился на вершину другой, когда по возрасту был чуть старше Девона сейчас.

Со мной или без меня, но в конце концов Дев все равно бы ушел из Арк Вэлли. Он был слишком силен и слишком независим, чтобы остаться.

— Я тоже скучаю по тебе, — сказала я Каллуму.

Месяцем раньше я бы не смогла произнести эти слова. Я даже вряд ли смогла бы произнести их в уме. И точно не собиралась этого делать. Мне стало интересно, знает ли он, что я говорила не обо всей Стае. Всю мою жизнь Каллум был в ней одним из самых важных людей. Он врал мне, бил меня, он помог мне, а потом оставил меня разбираться со всем этим — и все равно он был Каллумом. И все равно его отметина была вырезана на моем теле.

Я всегда буду скучать по нему.

Двигаясь с обычной грацией, Каллум повернулся, притянул меня к себе и обнял. Он не потерял своей щекой о мою щеку, не стал метить меня как свою и не попытался заставить меня подчиниться. Он просто крепко обнимал меня, потом отодвинул на вытянутые руки и посмотрел мне прямо в глаза.

Я почувствовала, что его волк приближается ко мне, зовет меня сквозь ту энергию, которая связывала меня с такими, как он. Сначала, подчиняясь инстинкту, я хотела поставить психологическую защиту, но с губ Каллума сорвался едва слышимый звук, и я поняла, что он не спрашивал позволения войти в мое сознание или контролировать мои связи.

Он приглашал меня в свое сознание.

Я осторожно заглянула ему в глаза, потянулась к нему, и сердце бешено забилося. Какая-то часть меня в страхе сжалась, словно ожидая удара, и волки Сидэр Ридж на всей территории прекратили свои занятия и откликнулись на мои душевные страдания.

*Со мной все в порядке, сказала я им. Со мной все будет о 'кей.*

Да, будет. Ведь это Каллум. И пусть большая часть меня не доверяла ему, оставшаяся доверять будет всегда.

Поэтому я опустила свои заграждения и посмотрела Каллуму прямо в глаза. Он дотянулся до меня и поймал мое сознание так, как он ловил меня, когда ребенком я



бросалась к нему, а он сажал меня на плечи и кружил, кружил.

В те секунды, что я находилась в сознании Каллума, я увидела мир его глазами и поняла, что Митч недооценивал силу его предвидения. Это не было просто привычкой знать все, что может случиться, это не был инстинкт. Это была сеть — замысловатая паутина возможностей, путей, которые могут быть избраны, и вариантов будущего, вытекающих друг из друга.

Все было взаимосвязано. Каждое действие имело свое следствие, и Каллума было почти невозможно превзойти, но всезнающим он не был. Его сила ограничивалась материальной близостью — из всех детей, на которых нападал Вилсон, только я оказалась достаточно близко к нему, чтобы он смог меня увидеть. И даже когда событие происходило недалеко, когда он мог разобрать нити, пересекающиеся на временных отрезках паутины, он и тогда был не идеален. Он не мог контролировать будущее. Он мог всего лишь управлять им, оставаясь в стороне от событий, которые порождали безвыходные ситуации.

Очень медленно я распутывала нити взаимодействий Каллума со мной. Когда мне было четыре года, он пришел, чтобы спасти меня, потому что он уже тогда знал, что я нуждаюсь в спасении. И в то же время он вовремя не получил видения о том, что надо также спасти моих родителей. Потерпев поражение на этом фронте, он увидел множество ужасных вещей, которые могли случиться со мной в будущем, если он оставит меня здесь, и он забрал меня с собой. И он уже знал, что Стая не примет меня до тех пор, пока она не будет вынуждена это сделать. Поэтому он пометил меня и следил за тем, чтобы я не попала в лапы кому-нибудь из других волков и не осталась с ним. Поэтому он выбрал Эли и показал ей то, что могло ожидать меня, если она откажется принять меня.

Потом я перенеслась вперед и увидела себя его глазами в тот момент, когда услышала два коротких слова, слетевших с губ Чейза.

*Меня укусили.*

Картины моего будущего изменились, и Каллум начал бороться с ними, пытаясь спасти меня. И это было причиной того, почему он держал Чейза вдали от меня — в конце этой линии развития меня ждала опасность. А в то время это было самое последнее, чего Каллум хотел для меня. Он всегда знал, что когда-нибудь я стану очень могущественной, но он не мог предвидеть, что я приду к тому, что стану частью его самого. Он не представлял, что не может быть тем, кто все время спасает меня.

И с того момента, как я встретила Чейза, он уже все знал. Знал, что может случиться, знал тысячи возможностей, когда дела могли пойти не так, как надо. Я просила разрешения — он выставил условия. Он тренировал меня, и не из-за страха от того, что может случиться со мной на встрече с Чейзом, он готовил меня к тому, с чем я встречу позднее. Он заставил меня раскрыть мою связь со Стаей для того, чтобы я могла соединиться с Чейзом и мы могли общаться.

А потом он должен был принять самое тяжелое решение — сказать мне, чтобы я повиновалась другим вожакам.

Но если он не хотел держать меня вдали от Чейза, если он не пытался сохранить знание о Бешеном в тайне, тогда почему?

*Потому что, казалось, прошептали его глаза, ты должна была уйти.*

Если бы он не отдал мне этот приказ, я бы не стала отказываться его выполнять. Если бы я не стала отказываться его выполнять, он не приказал бы Соре избить меня, и Эли никогда бы не увезла меня из стаи. А если бы я никогда не покинула территории Каллума, то

у меня никогда бы не было ни времени, ни пространства, ни места, чтобы вырасти. Я бы не призвала Лейк на борьбу. И мне не пришлось бы использовать пространство наших снов для общения с Чейзом. И я не нашла бы путей в сознание Бешеного.

Изменение одного фрагмента головоломки меняло ее целиком. И Каллум выстроил ее очень тщательно.

Я вернулась в свое тело и с размаху шлепнулась на землю. Мне стало понятно, что это Каллум спланировал так, чтобы я бросила в лицо Шею его же слова о демократии в Сенате, что он знал или, по крайней мере, догадывался о том, что жертвы Бешеного объявят меня своим альфой, и в то же время мне хотелось верить, что я была чем-то большим, чем обычный фрагмент головоломки. Что для Каллума большая картина отходила на задний план, если дело касалось *меня*.

Многие месяцы, годы, может быть, всю мою жизнь Каллум готовил меня к спасению детей, которых изменил Вилсон. Он скрытно манипулировал — мной, Чейзом, кем угодно. И в тот самый момент, который почти уничтожил меня, когда Каллум приказал избить меня, он делал это не для того, чтобы не уронить своего достоинства перед Стаей. Он сделал это, чтобы Эли увезла меня в Монтану.

Он сделал это для *меня*.

— Я не жалею об этом, Брин. Я бы сделал это снова. И мне нужно, чтобы ты знала об этом.

У меня было чувство, что Каллум не искал прощения, что он был здесь не для того, чтобы дать мне знать, что, когда, как мне казалось, он оставил меня, он все равно любил меня. Он предупреждал меня, что когда-нибудь его дару предвидеть и манипулировать будущим я снова могу понадобится. И в зависимости от того, что он увидел там — для своей Стаи, для меня или для моих близких, — ему придется сделать серьезный выбор, и он будет держать меня в неведении до тех пор, пока это будет помогать развитию ситуации в нужном ему направлении.

Я кивнула.

— Считаем, что теперь все ясно, — сказала я. — И чтобы не было недоразумений, спрошу: я все сделала как надо? Могу сделать это еще раз. Но если когда-нибудь станет вопрос о том, что выбрать — безопасность моей Стаи или твоей...

Каллум улыбнулся:

— Считаем, что теперь все понятно.

И что-то в выражении его лица заставило меня засомневаться, уж не началось ли это уже сейчас. И не известно ли ему что-то, чего не знаю я.

— Надеюсь, вопрос не стоит о безопасности моей Стаи против твоей? — спросила я. — По крайней мере, не сейчас. Последуют еще другие угрозы. Извне. Может быть, другие альфы. Или что-нибудь похуже. — Я замолчала.

Каллум ничего не сказал, и я прекрасно понимала, что не заставлю его играть по своим правилам, как бы я ни старалась.

— Ты не хочешь сказать мне об этом, не так ли?

— Будущее все время меняется, Брин.

Вот и все. Все, что Каллум мне сказал. Мне очень хотелось закричать, но я не стала этого делать. Каллум был альфой. Я тоже была альфой. Сейчас все было по-другому. И я больше не могла подначивать Каллума, чтобы получить ответ.

Нужно было ждать.

— Ты самый невозможный человек из всех, кого я знаю, — сказала я Каллуму.

Он шлепнулся рядом со мной на траву и потерся шершавой седой щекой о мою щеку:

— А ты, вне всякого сомнения, самый недисциплинированный и надоедливый ребенок из всех, с которыми я имел неудовольствие встречаться.

Когда-то Каллум и я, мы были семьей. И до сих пор несем на себе отметины друг друга. Я наслаждалась этим моментом, потому что где-то в глубине души знала, что я уже совсем не девочка и что я уже не являюсь чем-то особенным для Каллума, скорее вообще *ничем*, и что, пока я была альфой своей Стаи, а он — своей, мы никогда уже не станем прежними Каллумом и Брин.

*Мои.*

*Мои.*

*Мои.*

Сейчас я принадлежала своей Стае, а они принадлежали мне — Девон, Лейк, Чейз Мэдди и Лили и остальные живучие, большинство из которых еще не вошло даже в подростковый возраст.

Совершенно случайно мне в голову пришла забавная мысль, и я улыбнулась.

— Чему ты улыбаешься, Бронвин Алессия?

Я пожала плечами:

— Просто меня волки вырастили, а сейчас — каким-то запутанным путем — все эти дети... теперь я их нянчу. Странно, правда?

Каллум фыркнул:

— Брин, дорогуша, если есть в этом мире хоть какая-нибудь справедливость, то от этих детишек будут одни проблемы.

Я застонала. Зная, как везет по жизни мне — и *им*, — я была уверена: ничего другого от них не дождешься.

Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)

# Выражение ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

До того как эта книга получила свое название, я называла ее просто — «Книга любви», потому что написана она была исключительно из любви к рассказыванию всевозможных историй, и я в неоплатном долгу перед теми, кто помог эти истории напечатать. В самом начале этого списка стоят имена моего агента, Элизабет Хардинг, которая с самого первого дня поверила в эту книгу, и моего редактора, Регины Гриффин, чей редакторский талант и увлеченность этим проектом бросали мне вызов и восхищали меня. Я благодарна всем остальным членам семейств «Эгмонт» и «Кертис Браун» — Мэри Элби, Элизабет Ло, Элисон Вайс, Нико Медине, Грегу Фергюсону, Робу Гузману, Дагу Поукоку, Холли Фредерик, Дейву Барбору и Джинджер Кларк.

Самым большим счастьем в моей писательской жизни всегда была невероятная и постоянная помощь моих друзей, которые, вне всякого сомнения, мои люди (или, если использовать терминологию оборотней, моя Стая). Мелисса Марр, Элли Картер и Сара Кросс не позволяли мне сойти с ума и, когда мне это было очень нужно, заставляли улыбаться, и еще я очень благодарна Тиму Каслу за перезарядку моих писательских батареек и Бобу, с которым всегда можно было обменяться парой электронных писем поздно ночью.

И наконец, спасибо моей семье и друзьям за то, что мирились с моей безмерной поглощенностью этим проектом. Спасибо маме, которая всегда была моим первым читателем, и папе, дававшему бесценные советы по разным видам оружия для последних сцен романа. И брату Джастину, который научил меня всему, что я знаю о суперзаботливых альфа-самцах. (Просто шутка! Вроде того.) И невестке Эллисон, которая проделала огромную работу по сглаживанию упомянутых выше братских защитных инстинктов. Я люблю вас всех!

## Об авторе

ДЖЕННИФЕР ЛИНН БАРНС пишет с тех пор, как помнит себя. Свой первый рома «*Золотой*», она написала в возрасте девятнадцати лет. Она также является автором романа «*Платиновый*», серии романов «*Отряд*», романов «*Татуировка*» и «*Судьба*». В настоящее время она продолжает работу над дипломом в области возрастной психологии в Йельском университете и путешествует из Нью-Хейвена, Коннектикут, в свой дом в Тулсе, Оклахома, и обратно. Вы можете также посетить ее сайт [www.jenniferlynbarnes.com](http://www.jenniferlynbarnes.com).

---

---

notes



Авторская ирония, см. «Emily Post's Etiquette», HarperCollins World, 17th revised edition 2004, 898 pages.

Обр — сокращенный вариант слова «оборотень», обозначающего человека, который может превращаться в животного, или, наоборот, животного, которое может превращаться в человека; более подробная информация о подобных мифических существах вполне доступна в Интернете.



Запрет на нахождение вне дома после определенного времени — вид официального наказания для подростков.

Women's Liberation, или Women's Lib, или феминизм — общественно-политическое движение, целью которого является предоставление женщинам всей полноты гражданских прав; возникло в конце XVIII в. в Европе и оформилось в середине XIX в. в Америке.

Здесь обыгрывается персонаж «Мuppet Шоу» Шведский Повар, готовящий странную еду и говорящий на тарабарском языке.

Метросексуал — неологизм, обозначающий современных мужчин, которые придают большое значение своей внешности и тратят массу времени и денег на совершенствование своего внешнего вида и образа жизни. В XIX в. схожий культурный феномен был известен под названиями денди, франт, щеголь.

Итальянский соус, который готовят из томатов, чеснока, пряных трав и лука.

Популярное американское шоколадное печенье в виде сэндвича с молочной начинкой.

Система взаимоотношений в группе животных, вступающих в частые контакты друг с другом, складывающаяся из отношений типа «доминирование — подчинение».

The Bard, последняя часть американского телевизионного сериала The Twilight Zone, «Сумеречная Зона», который с 1959 по 1964 г. показывала телекомпания CBS. *Dirty Darning*. «Грязные ганцы» — культовая американская мелодрама 1987 г. с Патриком Суэйзи и Дженнифер Грей.



Скарлетт О'Хара — главное действующее лицо романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (1936), один из наиболее известных женских образов американской литературы, ставший символом предприимчивости, темперамента и умения выживать.

Сэр Томас Шон Коннери, шотландский киноактер и продюсер, лауреат многих кинематографических премий; снялся более чем в 70 фильмах, среди которых семь экранизаций произведений Яна Флеминга, где Шон Коннери играет главную роль — Джеймса Бонда.

Молитва, которая читается или поется во время церковной службы, содержащая многократные просьбы и обращения к Богу.

В русском переводе «Богема» или «Рента» — рок-мюзикл Джонатана Ларсона, умершего накануне премьеры своего мюзикла на Бродвее в 1996 году; двенадцать лет и свыше пяти тысяч представлений, одноименный музыкальный фильм 2005 года.

Мать живущего в пригороде семейства, которая массу времени тратит на то, чтобы водить своих детей играть в футбол или на другие спортивные занятия.

Прыжок с большой высоты с эластичным тросом, обвязанным вокруг щиколоток.

«Баффи — истребительница вампиров» — американский молодежный телесериал о судьбе девушки, обладающей сверхчеловеческими силами, созданный по мотивам одноименного полнометражного фильма (1992).

1 метр 80 сантиметров.



Формализованная последовательность движений, связанных принципами ведения поединка с воображаемым противником или группой противников, в боевых искусствах, например в карате.

Игрок в американском футболе, который захватом блокирует нападающего игрока.

Американский поп и R'n'B-певец, композитор, продюсер, танцор и актер; обладатель шести премий Грэмми.

Война за независимость США (1775–1783), между Великобританией и ее сторонниками и революционерами тринадцати английских колоний, провозгласивших независимость от Великобритании и создавших в 1776 г. самостоятельное союзное государство — Соединенные Штаты Америки; повстанческий флаг — первый государственный флаг США с тринадцатью звездами и тринадцатью полосами, символизировавшими тринадцать колоний.

Питательное печенье из подготовленного теста с двухслойной начинкой, которое продается уже пригодным для употребления в пищу и подогревается в тостере.

Один из главных персонажей «Звездных войн» Джорджа Лукаса, самый мудрый и сильный джедай своего времени.

«Сиротка Энни» — ежедневный комикс, созданный американским карикатуристом Гарольдом Греем.

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) — ирландский англоязычный поэт, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 г.



Американский провайдер платного видеоконтента.

Музыкальный фильм 1982 года по мотивам бродвейского мюзикла о приключениях Сиротки Энни; режиссер Джон Хьюстон.

Один из восьмерки летающих оленей в упряжке Санта-Клауса из детской поэмы в стихах «Ночь перед Рождеством, или Визит Святого Николая», написанной Кларком Клементом Муром и впервые опубликованной в Соединенных Штатах Америки в 1823 г.

Пробег по улице в обнаженном виде, как своеобразная форма протеста против общепринятых правил поведения, практикуемая студентами, часто из обеспеченных семей.

Американская компания, крупнейшая в мире розничная сеть.

Образец, шаблон, система; используется как термин в некоторых западных научных дисциплинах и технологиях; его смысл варьируется в зависимости от области знаний, в которой используется; в данном случае это криминальная психология, и имеется в виду набор стереотипных поведенческих реакций или последовательностей действий маниакального серийного убийцы.

Американский полицейский телесериал. Премьера состоялась в сентябре 1990 года на канале NBC, заключительный эпизод телесериала был показан в мае 2010 г. Демонстрировался в России.

Игра в бильярд.



Центр реабилитации для отбывших наказание заключенных, вылечившихся наркоманов, алкоголиков, психически больных.

Домовладелец, владелец дома, квартиры или земельного участка, сдаваемых внаем.

Состояние, возникающее в результате прекращения действия алкоголя или наркотиков при внезапном перерыве в их приеме.

Пять футов шесть дюймов, 167,6 см.

Часть боевых доспехов, защищающая руки от локтя до кисти.

Команда супергероев-мутантов из комиксов, которые неоднократно экранизировались.

Психолог, популярный американский телевизионный персонаж, ведущий собственного телевизионного шоу «Доктор Фил», впервые вышедшего в эфир в 2002 г.

Главные герои культовой мелодрамы «Грязные танцы» (1987) в исполнении Патрика Суэйзи и Дженнифер Грей.



Песня в стиле ритм-энд-блюз Николаса Эшфорда и Валери Симпсон, ставшая популярной в исполнении Марвина Гэя и Тэмми Террел; считается одной из самых великих записей, когда-либо выпускавшихся звукозаписывающей компанией Motown.

Вид невроза, характерный патологической боязнью закрытых пространств и помещений.

Автоматический пистолет австрийской фирмы «Glock», отличающийся высокой скоростью стрельбы.

Реакция на стресс — когда человек оказывается в стрессовой ситуации, в его теле начинается реакция, связанная с выработкой адреналина; таким образом он готовится к борьбе до победы или к бегству.

Генетическая структура, совокупность генов данного организма.